Н. В. Крыленко

БЕСЕДЫ О ПРАВЕ и ГОСУДАРСТВЕ

ЛЕКЦИИ, ЧИТАННЫЕ НА КУРСАХ
СЕКРЕТАРЕЙ УКОМОВ ПРИ ЦК РКП (б.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

Главлит № 21.529. Тираж 20.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий" Изд-ва „Красная Новь". Пименовская ул., 1 16.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ.

Буржуазные ученые и наука о праве.—Почему буржуазные ученые не могут дать правильного объяснения правовых явлений.—Примеры теорий буржуазных ученых: Коркунова, Петражицкаго, Иеринга и Еллинека.—Ошибки некоторых ученых-коммунистов при трактовании ими правовых явлений.—Рейснер и Стучка.— Лассаль и его понимание правовых явлений.—Общие выводы о том, как не нужно подходить к изучению права.

Я думаю, что из всех попыток буржуазной науки разобраться в вопросах общественной жизни и дать научное объяснение той или иной категории жизненных явлений попытки, направленные на объяснение тех явлений, которые именуются вопросами права,—эти попытки были едва ли не самыми безнадежными из всех. Если вообще общественная жизнь, общественные отношения представляли собой загадку для буржуазной науки, и этой загадки буржуазная мысль никогда не могла разгадать до конца, то разгадать истинную сущность, существо той категории общественных явлений, которые именуются явлениями правовыми,—это была задача, абсолютно неразрешимая для буржуазного общества. Она неразрешима была прежде всего потому, что право, каким мы познаем его в его развитии, в его возникновении, в его истории, есть и всегда являлось не чем иным, как определенной системой воззрений и предписаний обычая или законов, как писаных, так и неписаных, которые постоянно менялись одновременно с развитием общества. Таким образом, для того, чтобы разгадать что такое представляют собой правовые явления в широком смысле этого слова, буржуазные ученые должны были

разгадать, почему правовые явления постоянно видоизменялись, а правовые воззрения постоянно находились в текучем состоянии.

Изменялись взгляды людей на права и обязанности, законы и обычаи, регулирующие эти права; непостоянна была вся совокупность регулируемых правом общественных отношений. Но когда буржуазный ученый ставил перед собой вопрос, откуда же возникают эти изменения права и закона, то тотчас же невольно давал ответ, который первым подсказывался логикой и фактом изменения правовых воззрений: они возникают «из головы». Раз он давал такой ответ, что правовые воззрения, система права, правовые отношения и пр. возникают из головы, то этим самым он совершал первую и основную, коренную методологическую ошибку, которая портила все дело целиком, ибо дело-то обстояло как-раз не так,—более того: дело обстояло как-раз наоборот. Правовые явления, как вообще всякое выражение общественных отношений, вовсе не являются из головы, и, наоборот, они в голову приходят уже из других источников. Как это происходит,—мы увидим ниже. Беда же буржуазного ученого была в том, что всякий раз, когда он подходил к рассмотрению вопросов права и сталкивался с вопросом об их генезисе, об их источнике, то он не только сразу же совершал ту основную методологическую ошибку, которая уже не давала возможности потом ему никак свести концы с концами, но и не мог ее не совершать. И мы тоже сейчас увидим, почему не мог не совершать. Дав первый неверный ответ, что право является из головы, он тут же делал вторую ошибку, которой также не мог избежать: право есть продукт (если не будем говорить таким вульгарным языком: «из головы»), право есть продукт идеологической работы сознания или чего-нибудь в этом роде,—отвечал он на первый вопрос. Дальше невольно ставился второй вопрос: чьего сознания? Нации,—говорили одни; народа,—говорили другие; гениальных личностей,—говорили третьи. Вторая ошибка. Первая ошибка—постановка вопроса о происхождении правовых явлений исключительно как результат идеологической работы сознания, «из головы», вела ко второй ошибке—

неправильной постановке вопроса о том, кому принадлежит эта голова.. А если мы пойдем в глубь седых веков, в эпоху, когда материала для изучений общественных явлений было еще меньше, и коллективного опыта и знаний было еще меньше, мы найдем ответы еще примитивнее и проще: одни говорили, что это сознание является проявлением «естественного права», другие резали прямо: от «господа бога», и т. д. Тут ответы давались самые различные, но все существо этих ответов, вообще все содержание этих ответов грешило в корне той же основной ошибкой. Право всегда представлялось как продукт работы мозга, сознания, идеологии, не только оторванной, но и независимой от непосредственной совокупности всех тех общественных, политических и экономических условий, в которых развивалось, жило, действовало, работало это сознание, развивалось, действовало право. В этом и заключалась основная методологическая ошибка. В силу этого предрешался и неверный ответ на основной вопрос: что есть право?

Мы с вами прежде всего и раньше всего должны связать эти развязанные, так-сказать, концы с концами и поэтому прежде всего и раньше всего должны вернуть объект нашего изучения, право, в ту реальную, действительную, родственную ему социальную среду, среди которой оно возникло. Но раньше разберем парочку примеров буржуазных теорий, как доказательство того, как неверно поставленные вопросы, неверно данная первая предпосылка влекли за собой ряд абсолютно неверных ответов, и объясним, почему же так неправильно мыслит буржуа, и почему иначе он не может мыслить.

Это не значит, конечно, что мы целиком и полностью отвергаем ценность всех до одного буржуазных трудов о праве. Ничего подобного. Ряд крупнейших мыслителей буржуазной школы права дали очень много для его научного познания, некоторые из них подошли, как мы увидим, очень близко к существу вопроса и его правильному разрешению, но разрешить не могли. Нам важно с вами, вскрывая существо правовых явлений, понять одновременно и историческую обусловленность, и неизбежность того факта,

почему до сих пор буржуазные юристы не дали и не могли дать правильного определения права, или, как говорил еще старик Кант, почему до сих пор «юристы все еще ищут определения для своего понятия права». Для ответа на этот вопрос мы возьмем, повторяем, для примера лишь некоторые из этих буржуазных теорий.

Мы знаем, что в наших университетах, и не только у нас, в России, до революции, а может-быть, и теперь еще, до революции же во всяком случае, обязательными курсами по общей теории права были два курса. Один курс проф. Петражицкого, одного из известнейших теоретиков буржуазного права, и другой старый, засаленный студентами всех университетов курс проф. Коркунова.

Проф. Коркунов, этот «реакционер-вольнодумец», как его характеризует Стучка, определил право, как систему «разграничения интересов». Мы с вами скажем: да, в известном отношении, это безусловно верное, в десять раз более верное, чем всякое другое, определение. Но в каком отношении? Действительно ли право есть разграничение интересов? Добавим сюда одну маленькую оговорочку: разграничение интересов с точки зрения охраны интересов господствующего класса, и это добавление сразу даст нам угол зрения, который осветит целый ряд запутанных вопросов. Но без этой оговорки это определение никуда не годится, так как у нас сейчас же возникнет вопрос: что значит разграничение интересов, с какой точки зрения интересы разграничены, где и кто именно разграничивает интересы, в каком направлении они разграничиваются, какими способами разграничиваются? И вот тут-то мы и упираемся в ту же основную ошибку, о которой говорили выше. Разграничение интересов,—с точки зрения чего? Высшей справедливости? Можно и так ответить. С точки зрения господствующего класса? Можно и так ответить. С точки зрения писаного закона? Это уже не ответ,—это отсылка от Понтия к Пилату. Недоговоренность в этом основном вопросе сводит на-нет весь ответ, делает из него по существу вовсе не ответ. Но Коркунов правильно подметил некоторую сущность правовых отношений, понял, что во всяком споре о праве идет спор об ин-

тересах. Но каких интересах, чьих интересах, с какой точки зрения они разграничиваются или охраняются,—по целому ряду этих вопросов ответа не дано. Это одно из определений, говорю, старое, наиболее близко подходящее к существу вопроса, но определение не полное, не дающее полностью ответа. Спрашивается: мог или не мог теперь дать полный ответ буржуазный ученый на все эти вопросы, когда перед ним они встали конкретно, не в университете, а где-нибудь в законодательном учреждении? Буржуазный ученый, исходя из этого определения права, должен был бы в таком случае поставить перед собой практически вопрос, с какой точки зрения право разграничивает интересы, и был бы должен ответить одно из двух. Или ответить правду: с точки зрения интересов данного господствующего класса в буржуазном обществе, то-есть класса буржуазии. Или он должен был бы солгать, выдумать что-нибудь и сказать: с точки зрения общих «интересов государства» или общественных интересов «народа» вообще, или «высших» интересов, «высшей справедливости», или что-нибудь в роде этого,—ему пришлось бы выдумать какой-нибудь фантом, фетиш, во всяком случае какое-нибудь хитроумное словечко, чтобы замазать суть дела. Буржуазное государство, буржуазные ученые не могли сказать правды никогда. И не потому не могли сказать правды, что не хотели бы сказать правды, но в их головы, как представителей господствующего класса, даже не приходила мысль о такой постановке вопроса. Они были глубочайшим образом убеждены, что они это разграничение интересов производят именно с точки зрения интересов народа, высшей справедливости и пр., и пр. Значит, основной дефект постановки вопроса был тот, что здесь классовая постановка вопроса была принципиально невозможна, ибо она вскрывала бы существо классовой природы государства вообще с такой обнаженностью, которая невольно в классовом обществе приводила бы к постановке вопроса о целесообразности самого этого классового общества, т.-е. приводила бы непосредственно к постановке рабочими массами, всем трудящимся населением вопроса о том: позвольте и нам в таком случае разрешить вопрос, как

должны быть эти интересы разграничены, уже с нашей точки зрения, с точки зрения наших интересов, так-сказать. Впрочем, когда наша революция ударила буржуазию по башке, некоторые из буржуазных ученых начали уже понимать эту истину и начинают говорить о классовой природе всякого права (см. Трайнин, «Право и Жизнь», № 1). Ну, что же! Лучше поздно, чем никогда.

Возьмемте теперь в противовес этой теории другую теорию,—возьмемте теорию профессора Петражицкого, который рассматривал вопрос так: право есть не что иное, как некоторая эмоция, т.-е. некоторое переживание, свойственное каждому человеку. Когда человек заявляет: это мое, он выражает некоторое свое переживание. Переживания бывают двух родов,—и целый том посвящен у Петражицкого анализу этого вопроса о разнице между правовыми и нравственными переживаниями. Первое, т.-е. правовое, находит себе выражение в некоторой норме обязательного, принудительного характера, законе или обычае, второе—нет. Я не буду входить в подробное изложение и изучение этой теории. Существо ее заключается прежде всего в том, что источник права переносится опять, на этот раз из чисто-интеллектуальной области в область психологическую, при чем получается, что люди уже не «выдумали» ту или иную правовую систему «из головы», а источник права переносится в эмоциональные глубины человеческих переживаний и ограничивается индивидуальным человеком и его внутренним «я», его внутренними переживаниями, его внутренними эмоциями. Но основной вопрос: а откуда эти последние возникают?—опять-таки не поставлен. Получается опять-таки отсылка от Понтия к Пилату, получается ответ, что правовые нормы есть не что иное, как правовые эмоции. Эмоция коренится в глубинах человеческой психики, а вопрос, откуда сия последняя берется, не поставлен. А мы знаем, что в этом-то вся суть. И тут основной вопрос, почему они изменяются, под влиянием чего они изменяются, приводит опять-таки к постановке проблемы экономического материализма. Мы говорим, что существует только классовая психология, что все определяется классовыми интересами и классовой борьбой, и

теория Петражицкого опять-таки упирается в этот вопрос, как в тупик, и здесь нужно ответить опять-таки либо «да», либо «нет». И буржуазный ученый опять-таки не в силах ответить «да», не в силах сказать, что правовые эмоции, являясь второразрядными, производными от целого ряда экономических отношений, тем самым носят отпечаток классового происхождения. И вот для того, чтобы объяснить факт эволюции, факт развития, опять начинаются самые разнообразные теории. Тут и влияние культуры, и влияние воспитания, и облагораживающее влияние различных идеологических, идеальных моментов, в том числе и чистой философии, и т. д. Одним словом, в подходе к этому вопросу, как ни близко подошел Петражицкий к сути правовых отношений, поскольку он правильно, отойдя от писаного права, от писаной бумажки, поставил вопрос глубже, близко подошел к ответу, но, в конце-концов, он все-таки, убоявшись прямого ответа, от него сейчас же отскочил, потому что и тут итти до конца значило бы, в конце-концов, признать, что правовые эмоции являются производными от классовых интересов данного общественного класса, признать, что таковые различны у различных классов, признать, что их различие приводит к борьбе, и, следовательно, признать, что данная господствующая система правовых отношений, являясь объективным выражением на письме или в сознании господствующих классов их интересов, носит классовый характер, то-есть опять-таки в силу необходимости пришлось бы вскрыть классовую природу общества. А на это буржуазный ученый, говорю, пойти не может. Это значит зарезать самого себя публично, поэтому мы видим, что даже наиболее проникновенные и глубокие умы из буржуазных теоретиков права, до конца в этом вопросе пойти не могут.

Возьмите третье определение немецкого ученого Еллинека. У него есть такое определение,—насколько помню, точно цитировать не буду,—что право есть выражение «этического минимума, отраженного в писаной норме в данный момент». Тут опять-таки мы упираемся в основной вопрос: этика едина или нет? Этические воззрения едины или нет? Мы знаем опять-таки, что этические воззрения

не едины, и что в каждый данный момент могут существовать два диаметрально противоположных этических воззрения на один и тот же предмет, на один и тот же факт, на одно и то же явление. Но признать это—это значит опять-таки подрубить основы всякого буржуазного строя. Вот конкретный пример. Крестьяне захватили, отобрали землю у помещиков. Совершили они этический или неэтический акт? Крестьяне ответят: вполне этический, так и надо было. Так ответит любой крестьянин. Помещик скажет: чорт знает что такое; грабеж, а не этика,—и будет прав со своей точки зрения, вполне прав. Вот два совершенно диаметрально противоположных воззрения на один и тот же факт, ярко вскрывающие классовую сущность этических воззрений. Когда мы с вами говорим иногда: это—насилие, это—произвол и т. д.,—что значат эти громкие слова? Это—апеллирование к некоторым общим руководящим началам, которые мы предполагаем едиными для всех, общими для всех, но по существу это есть апеллирование к тому, что мы с вами предполагаем в качестве руководящего принципа, но вовсе не обязательно, чтобы его предполагали таковым наши классовые противники. Вот почему и третье определение точно так же не выдерживает критики.

Возьмем определение немецкого ученого Иеринга. Оно относится ко времени 70—80-х гг. прошлого столетия. Согласно этой теории, отражавшей в тот момент историю Германии, «сила создает право, право есть политика силы», или воплощение, оформление в писаной форме определенной силы. Иеринг также подошел тут к правильному решению и тоже не до конца. Какая сила? Чья сила? При каких условиях сила?

Таким образом, если возьмем любое из определений, мы всюду и везде сталкиваемся с одним фактом: анализ общественных явлений вообще, в отношении коих явления права являются только частью, приводит нас к постановке классовой проблемы вообще. Но поставить классовую проблему и правильно ответить на нее для буржуазного ученого это значит признать классовую природу государства, классовую природу общества, классовую природу любого

законодательства, это значит сказать такую правду, от которой прежде всего ему и его классовой природе не поздоровилось бы,—поэтому совершенно ясно, не то, чтобы не хотели, а не могут буржуазные ученые органически этого вопроса ни правильно поставить, ни правильно на него ответить. Вот почему у них до сих пор нет и не могло быть определения понятия права, которое правильно определяло бы существо этого явления. Насколько велико в постановке вопроса о праве было это неумение итти до конца в логике, в анализе, и не только буржуазных ученых, но и ученых, называющих себя небуржуазными,—я позволю себе привести один из тех примеров, которые приводит т. Подволоцкий в своей книжке. Анализируя книжку проф. Рейснера, он указывает, что «Рейснер тоже возмущается против попыток истолковать право, как орудие эксплоатации. «Нельзя не отметить,—говорит Рейснер,—поразительной черты, что мы готовы в тон государствоведам смешать государство и право, как нечто необходимое и неизбежно связанное друг с другом. Раз государство является одной из форм организации имущих классов, направленной против неимущих, то все право, как один из неизбежных союзников государства, оказывается как-будто запятнанным той же самой эксплоататорской целью. И если, в конце-концов, государство осуждено на такое же исчезновение, как и все аттрибуты современного классового господства, то и праву грозит с ними та же самая участь». Так пишет Рейснер и протестует против утверждения, что *всякое право есть классовое право*. А какое же еще? Почему Рейснеру кажется таким ужасным, когда мы говорим, что всякое право есть эксплоататорское право. Что значит эксплоататорское право? Это значит, что оно есть орудие, при помощи которого данный класс охраняет свои интересы. Если интересы помещика заключаются в закабалении крестьянского труда, он издает определенный закон, в котором пишет, что крепостной есть раб, есть его вещь, которую он может эксплоатировать так, как ему хочется, продать, заложить, убить и пр. В цитате, которую приводит Подволоцкий, Рейснер говорит: «Право является как-будто запятнанным одной и той же эксплоататорской

целью». Что это за странная боязнь слов? Если налоги в рабоче-крестьянском государстве должны падать всей тяжестью на имущий класс, то спрашивается: что это такое? Это есть норма, закон. Спрашивается: эксплоататорская это норма или нет? Почему же не признать, что да, она эксплоататорская. Что же в этом дурного? Не вижу ничего абсолютно ужасного в такой постановке вопроса. Да, мы, когда нужно, эксплоатируем наших классовых врагов. Но не только врагов. Скажите, пожалуйста, когда мы издавали закон о продразверстке и по этому закону отбирали у крестьян все, кроме необходимого им излишка, и на счет этих собранных насильственным путем хлебных запасов кормили город и кормили армию,—было это эксплоатацией крестьянского труда в пользу определенного меньшинства населения для определенной цели? Да, было. Но что же тут такого ужасного? Наша задача—сделать так, чтобы крестьянам было понятно, почему так нужно действовать, и только; а крестьянам это надо уметь объяснить. Мы так делаем потому, что должны накормить армию, защищающую государство; кормят хлебом,—значит, хлеб нужно взять. Между тем, с точки зрения Рейснера, вытекает, что право само по себе, так-сказать, «чистое» право, не носит эксплоататорского характера. Я буду просить, пусть мне укажут такую норму, которая не носила бы такого характера, а я берусь относительно всякой нормы доказать, что она носит характер охраны интересов господствующего класса, и поскольку есть классы, поскольку они еще не умерли, постольку всякие нормы будут носить классовый, эксплоататорский, насильнический по отношению к другому классу характер.

Это—пример того, как не могут ученые, даже называющие себя коммунистами, в известных вопросах отойти от пуповины, связывающей их с буржуазным строем и с прежними теориями. Подволоцкий далее полемизирует с т. Стучкой, упрекая и его в тех же самых грехах, в том, что и у Стучки классовой постановки вопроса до конца тоже нет. «Система отношений,—это он цитирует Стучку,—является материальным, система норм—идеальным, идейным элементом права». Подволоцкий хочет доказать, что даже

Стучка не порвал еще до конца с прежними пониманиями права, как чисто-идеологическим продуктом, и что таковое еще играет у него некоторую роль. Насколько прав Подволоцкий,—мы еще увидим, но, как видимо, даже наиболее выдержанных наших теоретиков упрекают в том же грехе.

Вот почему предварительным условием при подходе к самой проблеме права должно быть прежде всего установление нами некоторых общих принципов, общих тезисов, от которых мы с вами никогда и ни при каких условиях отступать не можем и не должны отступать. Какие же это тезисы, какие же это принципы, с точки зрения которых мы с вами должны подходить ко всякому правовому явлению, с которыми встретимся и которые будем изучать? Тезисы эти нам известны. Первый: *всякое общество* есть общество классовое, следовательно, в классовом обществе все факты и явления общественной жизни являются не чем иным, как формой или отражением, или проявлением классовой борьбы. Следовательно, все общественные институты, *без исключения*, и такие общественные институты, как государство в целом, и такие институты, как отдельная правовая норма, являются не чем иным, как классовым институтом, отражающим интересы класса. Какого класса? Класса господствующего. Но в эпоху классовой борьбы фабричный закон о фабричной инспекции в буржуазном обществе, закон о 8-часовом рабочем дне,—разве, вы скажете, это норма, охраняющая интересы господствующего класса? Это норма, охраняющая интересы рабочих? Но она есть результат классовой борьбы и, как таковая, как результат классовой борьбы, выражена в праве. В классовом обществе в результате классовой борьбы эти нормы являются той средней линией, водоразделом, на которой остановилась эта борьба в данной ее стадии, как она нашла выражение в писаной норме. Ни ее классовый характер, ни ее классовое происхождение ни в коей мере от этого не теряют. Мало того: пусть вынужденная, пусть вырванная силой, эта норма своей целью имеет все же в конечном счете сохранение данного социального порядка, его дальнейшее бесперебойное функ-

3

ционирование и, как таковая, **охраняет интересы господствующего в данном обществе класса.** Исходя из этой точки зрения, нет и не может быть такой нормы, которая не коренилась бы в классовой природе общества, которая бы не отражала классовых интересов господствующего класса, и мы должны отвергать всякий раз все попытки, кем бы они ни делались, отделить существо правовых явлений от классовой борьбы и классовых интересов.

Позволю себе привести еще один последний пример, который самым наглядным образом покажет, как и какие можно делать ошибки вследствие недостатка последовательности в этой области.

Вы все знаете, вероятно, речи Лассаля «О сущности конституции» и «Программу работников». Эти книжки Лассаля написаны в 1865 или 1863 г. Так вот в этой речи о сущности конституции Лассаль говорит следующее: «Что такое конституция?» И потом отвечает: Пушки,—говорит,—это конституция, тюрьмы—это конституция, штыки—это конституция. Другими словами, от бумажки о конституции он сводит понимание сущности конституции, т.-е. сущности определенной категории правовых явлений, к материальной силе, которая скрывается за этой бумажкой. Пушка—это,—говорит, конституция, потому что пушка есть сила, есть орудие принуждения, и весь вопрос в том, кто этой пушкой ворочает. Однако, при этой правильной постановке вопроса Лассаль кончает свою «Программу работников» так: «Всеобщее избирательное право,—вот стяг, который поведет вас к победе, и другого у вас нет и не может быть». Последнее он доказывает следующим образом. Каждый,—говорит,—класс (он говорит «сословие», а не класс), каждое сословие или класс, выражаясь нашей терминологией, наполнял данную государственную систему своим содержанием: феодальный класс, или первое сословие, наполнял ее своим содержанием, и тогда она служила его интересам; буржуазный класс—своим содержанием или, как говорит Лассаль, «своей идеей», и она служила ему. Каждое сословие,—говорит он,—вливало свою идею в государственную машину. Четвертое сословие (или пролета-

риат) должно влить свою идею—«солидарность интересов, общность и взаимность в развитии». Каким путем? С помощью всеобщего избирательного права. Тогда «сим победишь», тогда государство будет служить интересам рабочего класса, и пушки будут служить его интересам. «При всеобщем избирательном праве невозможно, чтобы избранные представители не сделались, наконец, верным и точным отражением избравшего их народа». Так говорил Лассаль.

На такую постановку вопроса Маркс чрезвычайно резко нападал. В известной своей книжке «Критика Готской программы немецкой партии» он прямо говорил «о борьбе с лассальянской верой в государственные чудеса». И сущность разногласия сводилась к тому, что при правильной постановке вопроса о существе государственной машины, как орудии насилия, орудии эксплоатации, Лассаль отрывал ее, эту государственную машину, как нечто совершенно самостоятельное, от общественных жизненных классовых отношений и представлял себе некую возможность, при которой рабочий класс, завоевав государственную машину, вольет в нее свою идею и заставить ее служить своим классовым интересам. Это значило смотреть на государственную систему, как на нечто висящее в воздухе, оторванное от классовых интересов, оторванное от общества и составляющих эту машину живых людей. Неправильные воззрения на существо общественных отношений привели Лассаля к созданию такой политической программы, которая говорила, что в с е устремления рабочего класса должны направиться на завоевание государственной машины, и исключительно путем всеобщего избирательного права. Лассаль тоже не додумал все до конца, и Маркс был прав, когда боролся против такой постановки вопроса.

Вот почему, говорю я, наша с вами задача сводится к одному. Мы должны на этих примерах понять основные методологические ошибки наших противников и никогда их не делать. Право не есть нечто самостоятельное в своем возникновении, содержании и развитии,—это наш первый тезис. Второй тезис: право есть всегда производное в своем возникновении, содержании и развитии. Право есть всегда нечто производное от данных общественных отношений, и в

своем содержании оно отражает интересы господствующего класса, является выражением интересов господствующего класса,—таков третий тезис. Как таковое, оно является результатом классовой борьбы, отражением той равнодействующей, на которой останавливается данная стадия этих столкновений классовой борьбы. Вот основной подход. От него не может быть ни шага в сторону, иначе рискуем сейчас же сделать ошибку, невольную, но ошибку кардинальнейшего практического значения и размера. С точки зрения этого подхода, мы должны теперь подойти ко всем формам правовых отношений: и к анализу государства в его истории, и к анализу частных отдельных видов права,—скажем,—хозяйственного права или частного права, конституционного права, административного права и т. д. Если мы отсюда, говорю, не отойдем, то мы можем быть гарантированы в том, что ошибки мы не сделаем, и что наши ответы будут действительно отвечать тому, что есть.

Разрешите этим вводную методологическую часть наших бесед закончить.

БЕСЕДА ВТОРАЯ.

Наше понимание правовых явлений. — Правовые явления являются производными от производственных отношений. — Теория Стучки о праве, как системе общественных отношений. — Содержание правовых отношений в любой момент исторического развития. — Частно-правовые и публично-правовые нормы. — Принудительный характер, как основной характерный признак правовых отношений. — Будущее право и будет ли таковое существовать. — Ошибки теоретиков-марксистов, изображающих будущее право, как лишенное принудительной силы. — Наше определение права.

В прошлой беседе мы на ряде примеров старались понять основную методологическую ошибку, которую совершали и не могли не совершать буржуазные ученые, когда они подходили к вопросам права, стремясь ответить на вопрос: что такое, откуда возникают и как развиваются правовые явления? Некоторые из этих буржуазных ученых умели, как мы видели, подойти к вопросу более или менее по существу и правильно нащупать существо правовых явлений, но до конца логически они оказывались бессильными итти и, в конце-концов, ответа на вопрос, что такое право, что такое правовые явления, дать не могли. Мы можем найти у Энгельса прекрасное объяснение этому факту в той его цитате, где он говорит «об юристах-цивилистах, профессорах государственного права и иных политиках по профессии». Эти «политики по профессии» не могут, по словам Энгельса, правильно понять сущность явлений общественной жизни потому, что для них юридическая форма, закон давно уже представляются отделенными от реальных условий общественной и социальной жизни, само-

стоятельными, самодовлеющими величинами, имеющими свои законы, свою жизнь и свое бытие. Именно поэтому, в силу такого представления о сущности правовых явлений, поставить их с головы на ноги, связать их со всей совокупностью жизненных условий эти «политики по профессии» не могут.

Тов. Стучка приводит в своей книжке «Революционная роль права и государства» другую интересную цитату буржуазного профессора Шершеневича, прекрасно доказывающую опять-таки ту же самую истину. Как образец того, как рассуждают буржуазные юристы, т. Стучка приводит следующий пример. По Шершеневичу выходит, что должник обязан платить кредитору «потому, что так велит закон». Не потому, что он, должник, раньше что-нибудь от кредитора получил, а потому, что «так велит закон». Еще более яркую иллюстрацию такого же неправильного, но, тем не менее, господствующего представления о существе правовых отношений, представляет собой представления, связанные с платежом по векселю, переданному в третьи, четвертые или пятые руки. В результате этих передач создается право последнего держателя векселя. Откуда возникло, как «развилось» это право? Юристы нам ответят, что факт владения векселем породил право. А если вексель будет утерян? Право исчезает. Или: нет векселя,—нет права. Итак, бумага, негодный обрывок материи составляет право. Бумага представляется как бы наделяющей правами и потому имеющей самостоятельную силу. В этом основная ошибка, и поэтому, для того, чтобы подойти к существу, к правильному пониманию существа правовых отношений, нам с вами нужно еще раз поставить вещи на свои места, с головы поставить их на ноги.

Итак, мы должны теперь, в противовес той отрицательной характеристике, которую мы давали в прошлой нашей беседе, теперь поставить тот же самый вопрос о существе правовых отношений в положительной форме. Что же такое они представляют собой, по нашему мнению, с нашей точки зрения? Среди тех работ, которые в настоящее время по этому вопросу существуют, я остановлюсь на той главе книжки т. Стучки «Революционная роль права и государ-

ства», которая трактует о праве, как системе общественных отношений, и позволю себе вместе с вами проанализировать, постараться понять, что же говорит по этому поводу марксистская литература, и на какой из разновидностей отдельных теоретиков-юристов марксистов мы с вами остановимся, ибо и по этому вопросу среди наших теоретиков-марксистов до сих пор также нет единого мнения, и точно так же они спорят друг с другом, как спорили в свое время буржуазные юристы, хотя, казалось бы, тут уж спорить нечего: говорят все на одном языке, говорят все об одних и тех же вещах, оперируют одним и тем же методом,—и все-таки спорят.

Основной принцип, который я выдвинул еще в прошлой беседе, был следующий: право не есть самостоятельная категория явлений, самостоятельная в своем возникновении, в своем содержании и в своем развитии, а является производной, производными явлениями. Спрашивается: от чего производными? На этот вопрос всякий учившийся азбуке марксизма ответит: являются производными от экономических отношений. Но если мы поставим вопрос, что сие означает, конкретнее, детальнее, реальнее, точнее, тут-то и начинаются отдельные расхождения. В специальной главе о праве, как «системе общественных отношений», т. Стучка пишет, что он сейчас, в 1923 г., с удивлением и радостью увидал, что то определение права, которое было дано коллегией НКЮ в 1919 г. в «Руководящих началах по уголовному праву», включенных в «Собрание Узаконений», как ряд руководящих принципов для деятельности наших судов,—что определение, которое давалось тогда, в общем и целом верно. Какое же определение давалось тогда? Вот оно: «право есть система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой». Это определение представляется т. Стучке верным и до сих пор. Итак, в классовом обществе, раздираемом классовой борьбой, в пределах классового общества,—ибо мы все время будем говорить только в пределах классового общества и не ставим пока вовсе вопроса о будущей эволюции права и о том, что с ним случится, когда не будет классового общества,

об этом мы будем говорить особо,—итак, в пределах классового общества люди, вступая друг с другом в определенные взаимоотношения, живут в условиях определенного правопорядка. Этот социальный правопорядок может представлять собой, с одной стороны, ряд обычных правоотношений, сделавшихся совершенно непререкаемыми, воспринятыми сознанием подавляющего большинства населения, в силу того, что существует такой обычай или прямо только определенный психологический навык. Эти правоотношения могут существовать и как ряд писаных норм законов. И те, и другие одинаково, однако, охраняются **принудительной силой государства**, которое поддерживает эти обычаи, охраняет эти законы от правонарушений. Эти два основных источника права определяют собой в своей сумме всю совокупность правоотношений, в которых живет человек в пределах классового общества. Спрашивается теперь: эти правоотношения, как те, которые выражены в писаных нормах закона, так и те, которые не выражены в писаных нормах закона, а существуют в силу того, что они настолько глубоко восприняты, в результате длительной практики, сознанием подавляющего большинства населения, что не нуждаются ни в какой писаной норме,—откуда они возникли? Здесь мы и подходим к вопросу о генезисе, об источнике, о происхождении, о порядке возникновения правовых отношений и правовых явлений вообще. С точки зрения обычной нашей марксистской терминологии мы здесь подходим к вопросу о так-называемом «базисе» и «надстройке». Экономические отношения есть по существу отношения производственные, в которых люди находятся по отношению к орудиям производства, по отношению ко всему производственному процессу в целом. Им параллельны, сверх того, ряд определенных взаимоотношений людей друг к другу. Эти последние и представляют собой те отношения, в которых люди каждый конкретный день, каждый конкретный час находятся. В общей совокупности эти последние будут представлять собой общественные отношения людей. Часть этих общественных отношений может получать свое отражение в виде норм закона, часть этих отношений может не нуждаться в таком нормативном

изложении закона, а существовать в виде навыков психологических, традиций, привычек, обычаев. Наконец, часть этих отношений может даже не фиксироваться и настолько глубоко корениться в глубинах подсознательной жизни, что вовсе не формулироваться даже в виде обычая, а являться само собой разумеющейся, что не мешает, однако, им также охраняться принудительной силой государства (напр., запрещение людоедства). Вот эту-то совокупность общественных отношений друг к другу, совокупность общественных отношений, в которых люди находятся друг с другом, т. Стучка и называет правом и говорит: право есть система общественных отношений, возникающих на базисе отношений производственных, на базисе той роли, которую играют те или другие слои, классы населения в общем производственном процессе. Правильна ли такая постановка вопроса? Я приводил вам в прошлый раз пример из книжки нашего молодого теоретика Подволоцкого, где он оспаривает положения, которые дает Стучка, и обвиняет т. Стучку чуть ли не в семи смертных грехах: идеализме, эклектизме, оппортунизме, исходя из того, что у Стучки имеется следующая цитата: «Система отношений является материальным, система норм—идеальным, идейным элементом права». Проверим же, действительно ли допускает т. Стучка тут ошибку, и если допускает, то какую? Стучка ставит вопрос так: «Мы исторически человека знаем только во взаимоотношениях с другими людьми». Правильно, совершенно верный тезис. Кроме чисто-производственных отношений, между людьми существуют иные отношения, прямо или косвенно вытекающие из первых, как производные. Правильно, совершенно верно. Одно—отношение к производству, или в процессе производства, и другое—мои юридические и всякие иные отношения к другому рабочему, который тут же работает на станке, к капиталисту, который выплачивает мне заработную плату, и торговцу, к которому я принужден прибегать в порядке удовлетворения необходимых потребностей для поддержания жизни, и т. д. Наконец, роль каждого из этих элементов в производстве—капиталиста, торговца, крестьянина и т. д.—порождает свою категорию его взаимоотношений к другим. Из всех этих отношений

к каждому из них создается одна определенная система общественных отношений, которую Стучка и объявляет правом. Дальше он пишет: часть из них находит свое выражение в законе. Эти конкретные писаные формы отношений могут совпадать с реальной жизненной формой, но могут и не совпадать. Абстрактная форма, предложенная в законе, может не совпадать и часто значительно расходиться как с общественными отношениями, как они сложились в жизни, так и с производственными отношениями, как они сложились в процессе производства. Равным образом то, что я переживаю сейчас, мое представление о моих правах и моих обязанностях, или то, что Стучка называет интуитивной формой права, также может расходиться как с тем, что написано в законе, так и с тем, что есть в реальной жизни. Закон может от этих интуитивных переживаний отставать или наоборот. Отсюда Стучка делает дальнейший вывод: эти три формы существования общественных отношений в начале классового общества более или менее совпадают. Но мы признаем,—говорит он,—безусловный и непосредственный примат за первыми. В конце-концов, говорит он, реальные отношения, так, как они сложились в жизни, являются решающими, а остальное, т.-е. то, что написано в законе, или то, что воспринимает или представляет себе отдельный человек, не имеет такого решающего значения. И вот,—говорит Стучка,—первая или конкретная форма общественных отношений должна быть отнесена к базису, а форма выражения их, написанная в законе, форма выражения того, что есть в жизни, и то, что чувствует тот или другой, или представляет, переживает отдельный индивидуальный товарищ, должно относиться к идеологии, к надстройке. Вот против такой постановки вопроса и спорит Подволоцкий и говорит: реальная система общественных отношений, являясь сама надстройкой над производственными отношениями, не может быть сама отнесена к базису, как к такововому. Реальные общественные отношения, так, как они складываются друг с другом у нас с вами, как бы реальны они ни были, они есть производные, как пишет сам Стучка

вначале, и потому должны быть целиком отнесены к надстройке. Мне представляется, что тут Подволоцкий прав. Или тов. Стучка хотел сказать, что по отношению к писаному закону реальные общественные отношения являются базисом,—это еще можно понять; но в таком случае с этим не вяжутся его слова, сказанные им выше о 3-х формах, в которых выражается право: реальных отношениях, так, как они складываются в жизни, писаной форме, как они выражены в законе, и интуитивной форме, как они складываются в сознании индивидуального человека. Примат первой формы по отношению к двум остальным, который устанавливает Стучка, еще не решает вопроса, так как остается неясным, что же эти вторые формы, писаная и интуитивная, являются производными или параллельными формами, и как совместить с этими словами другое утверждение Стучки, которое цитирует Подволоцкий, и согласно коему общественные отношения или реальная форма являются «материальным элементом», а писаная форма—«идеальным элементом» права? Или же он относил эти отношения к базису экономическому. Но в таком случае они должны быть приравнены к производственным отношениям. В этом последнем случае, однако, они никоим образом не могут быть объявлены правом, ибо если мы поймем Стучку в этом втором смысле, то мы получим формулу: 1) общественные отношения, т.-е. жизненные, реальные отношения, в которых находятся люди друг к другу образуют право; 2) эти общественные отношения—базис; 3) право—базис,—что уже явный вздор. Право—система общественных отношений, объявляется в этом случае неразрывной частью производственных отношений, т.-е. базисом, после чего говорить об его значении лишь как надстройки, конечно, не приходится. Ошибка Стучки заключается, по нашему мнению, в том, что, во-первых, он объявил общественные реальные бытовые отношения, в которых люди находятся друг к другу, т.-е. систему общественных отношений, правом, что неверно, ибо право есть лишь выражение этой системы в писаной или неписаной форме и, во-вторых, в том, что он не отделил их от производственных отношений, и, в-третьих,

что одновременно он объявил равнозначащими все три формы права,—писаную, реальную и интуитивную, между тем как надлежит их представить как находящиеся в состоянии прямой зависимости, как производные от реальных общественных отношений. Позвольте внести соответствующие поправки. У Маркса мы имеем цитаты, которые приводят одинаково и Стучка, и Подволоцкий, где Маркс говорит об *отношениях присвоения*, или отношениях собственности, в которых находятся люди по отношению не к самому производственному процессу, как таковому, а по отношению к орудиям производства и к процессу распределения результатов этого процесса. Эти отношения присвоения,—говорит Маркс,—соответствуют производственным отношениям и являются его юридическими формами, но они могут отставать от развития производственных отношений или итти в ногу с ними, они могут иметь свое выражение в писаной форме и могут не иметь его; они-то и являются *общественными отношениями, сложившимися в результате производственного процесса, как результат разделения труда и коллективного использования людьми орудий производства*. Развитие производительных сил и производственного процесса, усложнение и видоизменение последнего изменяют роль отдельных групп населения в этом процессе; *сложившиеся же отношения присвоения или «общественные отношения» остаются прежними*. Отсюда возникает в процессе классовой борьбы та интуитивная форма права, о которой говорит Стучка, как выявление *правопритязаний* нового класса на новое построение общественных отношений,—так складываются новые общественные отношения. Это не значит, однако, что они являются уже отношениями *правовыми*. Для того, чтобы стать общеобязательными, для этого им нужно, кроме всего прочего, опираться на *принудительную силу*, какая уже имеется налицо для записанных в законе общественных отношений (писаная форма) или для обычных, но, тем не менее, общепризнанных и в случае необходимости также поддерживаемых принудительной силой (нормы обычного права). Интуитивная

форма права, т.-е. те правопритязания, которые предъявляет новый поднимающийся класс, как не имеющие еще принудительной силы,—и об этом как-раз забывает Стучка,— должны быть вовсе исключены из категории того, что мы называем «правовыми явлениями». Они не право,—вернее, они еще не право. Отсюда мы получаем ответ на наш вопрос. Общественные отношения (отношения людей друг к другу), являясь самостоятельной категорией явлений, производной от отношений производственных (отношения людей к производственному процессу), имея свое самостоятельное бытие, отставая или совпадая с производственными отношениями, в свою очередь, находят свое выражение в форме права, т.-е. в писаных нормах закона или неписаных нормах обычая, или же в новых правопритязаниях (потенциальная форма права) нового поднимающегося класса. Эти последние, однако, не могут быть признаны нами правом, поскольку не имеют еще того признака, который является существенным для всякого права, а именно принудительной общеобязательной силы. Таков наш ответ на спор двух теоретиков-марксистов о существе правовых явлений. Нельзя сказать, что общественные отношения, так, как они сложились в жизни, уже есть право, как нельзя сказать, что они являются сами в какой бы то ни было мере базисом, неотделимым от производственных отношений. Надо сказать иначе: производственные отношения, в которых люди находятся в отношении к процессу производства, являются основой, базисом,— все остальное, будь оно в писаной форме закона, будь оно в форме интуитивного переживания отдельного лица, будь оно нормой обычного права, будь оно, наконец, в форме реальных общественных отношений, в которых люди находятся друг к другу,—все есть производное, всё есть надстройка.

Однако, из всей совокупности всей этой надстройки в качестве правовых отношений мы относим лишь некоторую часть и правовыми отношениями именуем лишь те, кои охраняются путем принудительной силы. Вот почему надлежало бы сказать, что право есть не система общественных отношений, а лишь отражение в писаной или

неписаной форме общественных отношений людей друг к другу, опирающихся на принуждение, возникающих, развивающихся и изменяющихся в результате изменения производственных отношений.

Если мы ответили на основной вопрос, что такое право в своем возникновении, генезисе, мы не ответили еще этим на вопрос, что оно такое в своем содержании, как еще не ответили на вопрос о том, какие же взаимоотношения могут быть между базисом и этой надстройкой. И, во-вторых, нет ли обратного влияния правовых отношений на реальные общественные отношения? На этот вопрос нам нужно ответить, так как именно здесь коренятся основные разногласия в понимании права между нами и теоретиками буржуазной науки. Позвольте ответить прежде всего на второй вопрос.

Было бы совершенно не научно и совершенно не по-марксистски ставить вопрос таким образом, что общественные отношения, записанные в форме закона, или не записанные в форме закона, всегда и при всех условиях целиком и полностью идут в параллели с развитием экономических отношений. В общем и целом да. Но только в общем и целом. Но в конкретной, реальной жизни мы имеем целый ряд примеров такого положения вещей, при котором производственные отношения уже даны в определенной стадии их развития, а надстройка или чересчур отстает, в результате чего создается кризис,—тот самый, формула которого дана у Маркса, как формула всякого социального переворота (см. цитату о том, как в результате новых развившихся производственных отношений меняется старая надстройка). Либо иногда мы можем наблюдать обратные примеры, когда на почве совершенно отсталой экономики мы получаем формы идеологии, отвечающие чуть ли не ее наиболее прогрессивным формам. Последнее бывает как результат перекрещивающегося влияния целого ряда причин, так как они действуют в реальной жизни. Позволю себе привести один или два таких примера, которые показывают, как не нужно вульгарно, слишком суммарно подходить к явлениям общественной жизни с вульгарным пониманием экономического материализма. Тот же Стучка, опи-

сывая первые годы нашей деятельности после Октябрьской революции, говорит: Мы имели (и имеем) молодежь, которая совершила переворот, дралась на фронтах, беззаветно гибла и побеждала, но в области своего сознания еще отнюдь не привела в систему и к единству все стороны своего мировоззрения и в области права еще целиком живет в плену у старых традиций, старых взглядов, старых переживаний. Именно ими создан новый порядок, именно эти люди вложили в создание этого порядка громаднейшую массу энергии и силы; тем не менее, в области идеологии они еще плетутся в хвосте, и весьма в хвосте. Справедливость этих слов Стучки, конечно, отрицать нельзя. Возьмем другой, обратный, пример отсталой экономики Германии перед революцией 48-го года или России в период народнического социализма 70-х годов с ее экономикой чуть ли не времен царя Гороха. В то же время не только единицы, а целые общественные группы уже смогли воспринять идеологию социализма, соответствующую тогдашним ступеням западного капитализма. Возьмем, наконец, самого Маркса с его богатейшим предвидением и прозорливостью в области социального прогноза, действующим в эпоху буржуазной революции 48-го года. Возьмем наши первые социалистические кружки 50-х годов, кружок Петрашевского, который увлекался социалистическими идеями Фурье в условиях эпохи Николая I в России. Мы видим, что вульгаризацией марксизма было бы после этого представление о точном, «аптекарском» соотношении идеологии всякий раз точно данной стадии экономических отношений. Пример нашей российской революции лучше всего это доказывает. Равным образом нельзя отрицать того, что правовые нормы регулируют общественные отношения и в этом смысле влияют на них. Это не значит, конечно, что они являются решающими в развитии общественных отношений, а тем более в отношении производственных, но как вульгаризацией марксизма было бы слишком упрощенное представление о взаимоотношениях между экономикой и идеологией, так неменьшей вульгаризацией было бы отрицание всякого регулирующего значения за правовыми нормами в отношении явлений общественной жизни.

Теперь позвольте перейти к другому вопросу: что есть правовые отношения не в своем генезисе, не в своем возникновении, а в своем содержании? Разрешите мне от возникновения теперь перейти к тому, что они собой представляют?

Уже при рассмотрении предыдущего вопроса мы в качестве основного элемента правового явления указали на его принудительный характер,—другими словами, только ту общественную норму, регулирующую общественные отношения, мы согласились именовать правовой, которая опирается на принуждение, имеет обязательную силу, т.-е., другими словами, охраняется принудительным порядком. В этом отличие права, как такового. Вне его нет права, а есть лишь правопритязания тех или иных общественных групп, зародыши права или право «в потенции». Так мы ставим вопрос, а иначе его нельзя поставить. Если бы мы поставили его иначе, мы бы вынули самую душу из существа явлений права, мы бы сознательно подменили содержание этого понятия и рисковали бы допустить путаницу, в которой бы не свели концов с концами. Право есть то, даже с точки зрения психологической теории, на что я «имею право», что я могу требовать, опираясь на принуждение. Без этого оно пустой звук. А если так, то вопрос о содержании правовых явлений превращается в вопрос о том, что охраняется или охранялось до сих пор в пределах известного нам исторического общества путем принуждения. Позвольте же поэтому к решению этого вопроса подойти путем анализа конкретного исторического материала. Чтобы ответить на него, достаточно пересчитать основные отрасли науки права и все основные категории правовых отношений.

Основная, конечно, масса явлений в области правовых отношений относилась до сих пор, поскольку мы жили в пределах классового общества, к области отношений собственности, что ранее у нас в России было заключено в толстый фолиант тома X прежнего свода законов, и что сейчас заключено в маленькой книжечке нашего гражданского материального кодекса. Когда мы посмотрим на наш гражданский материальный кодекс, то какую бы статью мы ни взяли, мы увидим,

что она трактует о тех бытовых, получивших повсеместный характер, повсеместное распространение правоотношениях, в которые повседневно, ежечасно вступает каждый из нас, а тем более вступают люди, втянутые в большой и богатый круговорот торгово-промышленной жизни, и в конечном счете то же об отношениях собственности. Спрашивается: каково содержание этой отрасли права? Я думаю, самый источник этих отношений, отношений собственности, уже сам по себе говорит об их содержании. До нашей революции здесь мы имели попытку путем закона охватить, регулировать все те взаимоотношения, в которые входят люди друг с другом в пределах капиталистического общества, основанного на частной собственности. И, совершенно правильно, отсюда вытекает непосредственный вывод: кто мог создать этот том свода законов, кто нуждался в такой регламентации, кто заинтересован в сохранении его на долгое время, чьи интересы обеспечивает и охраняет эта отрасль права? Я думаю, что двух ответов быть не может. Раньше это было одно из видоизменений, один из вариантов знаменитого кодекса Наполеона, его гражданского кодекса, его «code civil», этого евангелия буржуазии с момента, когда она стала властью и господином положения. Охрана интересов класса буржуазии, к л а с с о в о е с о д е р ж а н и е,—вот каково было содержание этой отрасли права. Теперь оно охраняет права рабочего класса.

Возьмемте теперь другую отрасль. В противоположность частно-правовому принципу, положенному в основу гражданского права, возьмемте публичное право, т.-е. те формы права, где не частный, индивидуальный интерес, а интерес охраны коллектива, охраны целого играет основную роль. Сюда войдут государственное право, административное право, финансовое право. Что представляют собой по своему содержанию эти отрасли права? Опять-таки конкретно, поскольку мы живем или жили (о том, в каких условиях мы сейчас живем,—об этом речь будет особо) в условиях капиталистического общества, постольку и здесь классовое содержание, классовый характер как самих регулируемых этой отраслью права правоотношений, так и самой науки о праве для нас представляется совершенно ясным. Мы подробнее будем это рассматривать тогда, когда будем брать наиболее совершенную демократическую форму бур-

жуазного государства в ее наиболее выдержанной форме чистой демократии и будем ее рассматривать в ее конкретных исторических формах. Сейчас нас интересует не конкретный, исторический, а скорее априорный логический анализ этих отраслей права с нашей точки зрения. Всякое государство охраняет прежде всего сложившиеся общественные отношения, т.-е. определенный сложившийся социальный правопорядок. Поскольку отношения собственности в древне-римской или древне-греческой античной культуре, отношения собственности феодального мира, отношения собственности в капиталистическом обществе являлись базой всех взаимоотношений отдельных классов и людей друг к другу в этом обществе, постольку государство охраняло от нарушения именно эти отношения. Логическим выводом отсюда является классовый характер всякого государства, и от этой логики никуда не уйти. Что же касается различных теорий права, то все они имели задачей доказать, что право, как таковое, является в своем развитии, по крайней мере, отвечающим идеям высшей справедливости, прогресса или чего-либо в этом роде. На деле, однако, все эти теории права имели целью прежде всего оправдать существующий порядок, т.-е. порядок, который существовал в буржуазном государстве, и лишь в будущем обещали общее благополучие в связи с дальнейшим (?) развитием права. Дальше таких туманных обещаний они не идут. Наш общий вывод, таким образом, будет следующий:

В своем содержании все до сих пор известные правовые явления в отрасли науки о праве имели своей задачей либо регламентировать и охранить существовавший буржуазный порядок в области частно-правовых отношений, либо регламентировать и охранить существовавший порядок в области публичного права, либо объяснить его так, чтобы оправдать его (это отрасль философии права), либо изучить его (история права), чтобы опять-таки оправдать. Таков наш конечный вывод.

Мы должны ответить на последний вопрос. Мы дали ответ на вопрос, что такое право в его возникновении, и сказали, что оно есть производное от общественно-экономи-

ческих отношений. Мы дали ответ на вопрос, что такое оно в своем содержании. Мы сказали, что в своем содержании оно есть не что иное, как система норм, имеющая задачей оправдать или охранить, или сначала охранить, а потом оправдать существующий правопорядок. Охранить его при помощи полиции, тюрем и войск, а оправдать его при помощи университетов.

Теперь третий вопрос: что такое оно в своем развитии, в своем будущем? Позвольте на этот вопрос прежде всего ответить так. Если мы до сих пор говорили о праве, изучая его в пределах классового общества и устанавливая как конкретный, обязательный вывод отсюда, что нет права неклассового, нет права внеклассового, не связанного с интересами того или другого класса, и нет права, не основанного на принуждении, т.-е. сказали: нет принуждения, нет права,—то отсюда логика говорит как-будто так: не будет классов, не будет права. Это и есть тот последний вопрос, на который нам нужно ответить: так ли это, или не так? По этому поводу мы находим тоже некоторое разногласие среди наших теоретиков. Логика говорит одно: не будет классов (если право всегда есть классовое право), не будет права. А с другой стороны, все нутро, что-называется, поднимается против такого ответа. Как это так мы будем жить «без всякого права»? И если мы возьмем определение, которое давал Стучка, что право есть «система общественных отношений», то, позвольте, разве общественные отношения исчезнут? И если, иными словами, система общественных отношений равна праву, то, значит, и право не исчезнет? Тут нужно договориться до конца. Конечно, общественные отношения, как таковые, не исчезнут, но право, как принудительная норма, как норма, которая поддерживается силой принуждения, право, как осуществление государством своих функций насилия, исчезнет или нет? Совершенно ясен ответ. Мы, по крайней мере, до сих пор всегда так мыслили, что с момента, когда классы исчезнут, государство отомрет; функции государства (об этом буду говорить в конце нашего курса), мало-помалу отомрут, отвалятся. Щупальцы, при помощи которых оно держит в ежовых руковицах всех неповинующихся ему, как-

то: полиция, армия, суды и пр., исчезнут, умрут, отпадут. По мере этого, и право, как писаная норма, со всеми его элементами принуждения и его классовым содержанием, исчезнет. Что же останется? Мы ответим: все, что угодно, но не право. Вот почему, когда некоторые из авторов ставят вопрос так: исчезнут принудительные функции, принудительный характер правовых норм, но оно (право) останется как нечто проводимое в жизни не при помощи принуждения, и таким образом создастся новое право, оно лишь утратит свой классовый характер, — мы говорим: мертвый хватает живого. Тут опять совершается та же самая ошибка, которой мы все время стремились избежать, которая заключается в том, что хотят назвать правом не то, что оно собой представляет, хотят снова подменить содержание этого понятия, а этого-то как-раз и нельзя допустить. Мы говорим прямо и отвечаем: на всем протяжении всей истории не было и нет ни одной таковой правовой нормы, которая, во-первых, не опиралась бы на принуждение,—раз. Такие нормы исчезнут, ибо исчезнет принуждение. И, во-вторых, мы не знали до сих пор иных норм, кроме тех, которые бы имели своей задачей эксплоатацию, насилие, господство, утверждение господства одного класса над другим, — вот мы что говорили. Такие нормы тоже исчезнут. Следовательно, право, в том его реальном понимании, таким, каким мы его до сих пор знаем на всем протяжении веков, исчезнет. Если вы спрашиваете, что останется,—общественные отношения останутся, но не право. Они переживут эволюцию, альтруистические моменты, может-быть, будут сильнее, чем эгоистические. Может-быть. Но не нужно смешивать этих двух вещей с правом, каким мы его знаем. А всякий, кто смешивает, тот одной рукой попал к Петражицкому, тот уже увяз в болотной трясине идеализма, ибо именно идеалистам нужно отделить историческое существо права от их «понятия» права, от «идеи права», от «чистого» права, отделить затем, чтобы оправдать это последнее, чтобы сказать, что не все, мол, уж так в праве плохо, чтобы оправдать теперешнее реальное историческое право, свою теперешнюю

философию права. И если этот коготок увяз, то может и вся птичка пропасть. Вот почему, когда Рейснер пишет,—я вам цитировал его в прошлый раз,—что право не всегда носит лишь эксплоататорский характер, он совершает ошибку. И когда Стучка говорит, что право есть система общественных отношений, мне кажется, он совершает ошибку, ибо общественные отношения остаются, но не нужно эти иного рода общественные отношения связывать с теперешними в такой их форме, как они известны нам, как мы их знаем, связывая с реальным историческим правом. А другого, абстрактного права нет, нам его не нужно изучать, нам оно никак не интересно. Нам нужно знать то, что есть; то, что есть, мы изучаем. А это право было всегда классовым, и самое понятие права мы поэтому неразрывно связываем, во-первых, с классовым принципом и, во-вторых, с насилием. Поэтому на последний вопрос о будущем праве говорим: право исчезнет, как классовое право, с момента исчезновения классов. Исчезнет как орудие эксплоатации, принуждения с момента исчезновения эксплоатации и принуждения. Будет что-то другое, будут иные общественные отношения, иные переживания, мы будем называть их каким-угодно именем, но не будем их называть правом. Право же мы знаем лишь таким, каким мы его знаем. Вот мой ответ, который приходится дать на третий вопрос, что такое право в своем развитии.

Каково же наше определение права?

Право есть выражение в писаной форме действующего закона и неписаной форме обычного права,—выражение тех общественных отношений людей друг с другом, которые сложились на основе производственных отношений данного общества, имеют своим содержанием регулирование этих отношений в интересах господствующего в данном обществе экономического класса и охраняется ее принудительной силой.

Теперь, я думаю, можно будет после этого общего введения,—а я думаю ограничиться им только в этих общих чертах,—перейти уже к более внимательной и серьезной постановке вопроса о сущности государства.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ.

Государство и право.—Государственные отношения, как часть правовых отношений вообще.—С какого момента должно считаться возникшим государство, как таковое.—Первоначальная форма государства в древнем мире и классовый характер тогдашних публично-правовых норм.—Государство в средние века и эволюция от древней культуры к средневековому обществу.—Существо средневековых отношений.—Возникновение буржуазного общества конца позднего средневековья.—Развитие представительной монархии средних веков и зарождение буржуазного общества нового времени.—Обязательны или не обязательны для исторического развития отдельных стран те или иные „этапы“ „государственных форм“.—Общие итоги развития государства от его начала и по XIX век.

Мы определили в прошлый раз право, как отражение в писаной или неписаной форме общественных отношений, которые сложились на основе производственных отношений данного общества, при чем необходимым и существеннейшим элементом права мы признали охранение его принудительной силой. Мы заявили, что только ту норму мы будем признавать нормой правовой, которая опирается на принудительную общеобязательность. В этом мы видим характернейший, отличительнейший признак права. Это значит, что не всякое из складывающихся общественных отношений является уже правовым отношением. Ошибка той точки зрения, которая отождествляет право с системой общественных отношений, заключается в том, что не всякое из складывающихся общественных отношений уже заключает в себе элементы принуждения, опирается на общеобязательность, признанную всеми и вся, и поэтому не всякое из них является уже правовым отношением. Постольку, поскольку то или другое общественное отноше-

ние нашло свое отражение в писаном праве, постольку оно уже является для нас тем, что мы называем правовым явлением. Поскольку оно опирается, даже не будучи выражено в писаной норме, опирается на общеобязательность, общепризнанность, как явление бытового массового характера, постольку оно носит в себе элементы права. Вот почему обычай является часто, а на известных ступенях развития общества почти полностью и целиком, основным источником права. С другой стороны, тот факт, что мы в понятие права ввели в качестве отличительного признака элементы принудительности и общеобязательности, дает нам основания сказать, что мы не можем признать правовым явлением то, что еще только назревает в недрах общества, то, что Стучка называет «интуитивным правом» или третьей формой права на-ряду с формой писаного закона и обычного права. Поскольку эти новые правовые отношения еще только зарождаются в сознании масс населения и еще не получили принудительной силы и еще не получили всеобщего признания, постольку они, конечно, не носят в себе и не могут опираться на элемент принуждения. Это право в потенции, в будущем, но не право. Нам важно дать именно такую характеристику потому, что, только базируясь на ней, мы смогли бы дать ответ на третий вопрос: каково будущее права, где не будет элементов насилия? Мы сказали: это не будет право в нашем теперешнем понимании этого слова. Вот почему мы с вами можем, оставаясь в пределах изучаемых нами конкретных явлений, исторических явлений, сказать, нет элемента насилия, нет элементов права. Позвольте отсюда перейти к изучению той категории правовых явлений, которая именуется государством, государственным правом, т.-е. той отрасли науки о праве, которая будет составлять непосредственно предмет нашего курса.

В прошлый раз при беглом анализе отдельных отраслей науки о праве мы столкнулись прежде всего с громаднейшей областью так-называемых частно-правовых отношений, в особенности получающих широкое развитие в гражданском обществе, основанном на принципе частной собственности и торгового оборота. Всю эту область частно-

правовых отношений, являющуюся попыткой регулировать те взаимоотношения людей друг с другом, которые развиваются на почве товарного хозяйства и капиталистического производства, мы отнесли к области частно-хозяйственного права. Это не наша область,—вернее, это предмет не нашего изучения. Мы будем с вами изучать совершенно иную категорию явлений, область публично-правовых отношений или область публичного права. Что же означает этот термин «публичное право». Это остаток прежней латинской терминологии, взятой из римского права. «Res publica» называли свое государство древние римляне. Перевод слов «Res publica» означает «общественная вещь», предмет общественного характера, нечто принадлежащее всем, имеющее связь со всеми, с обществом, с целым. «Publicus»—публичный, общественный. «Res»—вещь. Поэтому и государство свое, римскую общину, римляне называли «Respublica». В буквальном переводе это и будет означать «общее дело», «общественная вещь». Итак, следовательно, та категория явлений, которую мы будем изучать, представляет собой прежде всего явления, связанные с жизнью человеческого общества в целом. И из всей совокупности явлений права мы берем в качестве объекта нашего изучения только те, которые затрогивают общество в целом или трактуют об обществе в целом. С тем большей ясностью в этой области выступает в наиболее выпуклой, откровенной форме тот элемент принуждения и насилия, который мы сочли обязательным для понятия и сущности правовых явлений. Почему в этой области насилие или принуждение выражено наиболее откровенно и выпукло? Это ясно из анализа самых первичных форм общественной жизни. Интересы целого, интересы самосохранения диктовали для целого, для данного коллектива, для данного общества установление некоторых общеобязательных норм, которые гарантировали бы наибольшую безопасность, наибольшую сопротивляемость, наибольшее самосохранение для этого общества. В самой первичной стадии человеческого быта и человеческого общества, как только общество человеческое сделалось обществом, действующим элементарно-согласованно, оно должно было притти, во-первых, к не-

обходимости некоторых необходимых для всех норм и, во-вторых, к необходимости охранить их силой принуждения. Однако, эти первичные формы коллективной жизни, которые затем в дальнейшем охранялись всей силой принуждения целого по отношению к личности, к отдельной особи, вовсе не являлись еще характерными признаками для государства, как такового. Всех признаков государства тут еще нет. Вернее они не известны нам для этого периода. Писаные нормы—продукт, конечно, более позднего времени. Мы знаем, что законы 12-ти таблиц, римские законы, или скрижали Моисеевы до сих пор представляются окруженными целым рядом фантастических сказаний, и исторически восстановить их реально-историческое происхождение мы до сих пор не можем. Это было слишком, слишком давно. А, между тем, это уже писаные нормы. До этого времени господствовали также некие сами собой складывавшиеся общественные отношения, которые никакой писаной формы не находили, но опирались, тем не менее, на всеобщее признание и на принудительную силу. Вы найдете и в книжках Стучки, и в более старых работах Каутского, и у Энгельса в его «Происхождении семьи, собственности и государства», и в целом ряде трудов, посвященных изучению первобытного общества, буржуазных социологов и историков культуры,—вы найдете описание этих первичных форм человеческого общества. И все же хорошо мы их до сих пор не знаем. Здесь нам с вами важно установить лишь одно,—что инстинкты самосохранения, инстинкты борьбы с внешними силами природы, по всей вероятности, явились теми силами, которые в первичной стадии общества, в первичной стадии человечества заставили человека, с одной стороны, превратиться в то, что греки называли «ζόον πολιτικόν», т.-е. общественное животное, заставили ж и т ь с т а д о м и искать общения с себе подобными, а впоследствии породили потребность в принятии некоторых общих мер для наибольшего обезопасения себя от опасностей, которыми ему грозила первобытная природа. Это, однако, не было еще государством, и мы не знаем точно, как оно управлялось внутри. Нам важно перейти скорее к тому моменту, когда из этого первобытного порядка, первобытного коммунисти-

ческого строя зародились более близкие и родственные нам формы правоотношений, основанные на разделении труда, на употреблении орудий производства, когда создались различные общественные отношения, и вместе с последними зародились и развились различные правовые отношения в области регулирования общественной жизни внутри общества. Разделение труда, основанное на применении орудий производства, способствовало в его первичной форме некоторой специализации отдельных членов первобытного общества на определенных отраслях работы, что фактически привело к расслоению первобытного общества на некоторые различные группы людей, находившиеся в различных по отношению друг к другу отношениях. Отсюда идет зачаток классового расслоения общества. Так развилась и выросла первоначальная группа или каста воинов, развилась и выросла на основе таких отношений каста жрецов или священников. По мере постепенного перехода от охотничьего к пастушескому быту или к первому земледельческому периоду развилась эксплоатация рабского труда, возникшего первоначально из труда военнопленных, которых сначала убивали и только постепенно научились приспособлять их в качестве орудия труда. Но элементарные основные черты и вехи этого развития фактически сводились к тому, что постепенно из первобытного коммунистического строя начинает развиваться классовое общество, основанное на изменяющемся, усложняющемся производственном процессе, усложняющем и развивающем в свою очередь общественные отношения и порождающем отношения правовые. Гораздо более интереса с этой точки зрения для нас с вами представляет тот момент развития этих отношений, где уже выступают на сцену в их чистом виде правовые нормы, и где классовая борьба достигает такой степени ожесточенности, ясности и отчетливости, что закрыть на нее глаза и не видеть ее значения, как движущего фактора развития, уже больше нельзя Я говорю о древних общинах: древнегреческой и древне-римской цивилизации, где классовая борьба получает такие отчетливые формы, перед которыми в известных отношениях кажутся не столь отчетливыми даже

формы более поздних времен. Для примера возьмите развитие, греческой демократии. В истории римской демократии возьмите картины той же классовой борьбы, истории борьбы патрициев и плебеев. История трибуната, история ухода плебеев на священную гору,—все эти сказания полумифического характера представляют собой не что иное, как отражение классовой борьбы в ее наиболее обнаженной и типичной форме. К тому же выводу приводит изучение правовых норм этого общества. Они явились не чем иным, как отражением интересов отдельных классов. Так деление греческой общины на классы по количеству мер пшеницы, которую могли собрать те или другие владельцы своих полей, деление на так-называемых «пентаксиомедимнов» и пр. лиц, собирающих со своих полей пятьсот мер пшеницы, и лиц, собирающих триста, и т. д., деление римского общества на сенаторов и всадников (эквитес), или группы лиц, опиравшихся на определенный имущественный ценз, имущественную состоятельность, как основу для своих правовых полномочий и правовых притязаний, все это явления одного порядка. Для истории же государственных форм эти страны представляют еще больший и разительный интерес. Эволюция общества от общества родового, основанного на родовых началах, к обществу, основанному уже не на принципе родового строя, а на принципе, с одной стороны, владения определенной территорией, с другой—на принципе классового расслоения и классового господства, такова эта история. Некоторые реформы, как, напр., реформы Эфиальта в Греции, являются прямо как бы нарочно имевшими место для оправдания теории классовой борьбы.

Вскрывая сущность истории общественных отношений древнего Рима и Греции, как истории классовой борьбы, эти факты еще ничего не говорят нам, однако, по вопросу о том, как же и когда, каким образом возникло государство. У Энгельса в его «Происхождении семьи, частной собственности и государства» мы находим классический ответ на этот вопрос и классическую формулировку момента возникновения государства, как такового. Именно он рассматривал возникновение государственной власти, как ответ на потребность в обществе, уже раздирающемся классовой борьбой,

получить или создать такую силу, которая могла бы сдерживать классовые противоречия путем насилия и принуждения, дабы эта классовая борьба не разорвала общество целиком. Экономически наиболее сильный господствующий класс объявляет в этот момент свои интересы интересами целого и подчиняет путем принуждения себе все остальные классы. В этот момент и определяется основная функция государственной власти, как организации классового господства, как организация классового принуждения в отношении всех остальных классов. Если в самых первичных формах, в самые первые моменты развития человеческих отношений мы могли сказать, что основной источник, который создал общественные отношения публично-правового характера, была, может-быть (доподлинно мы этого не знаем), охрана интересов целого в интересах борьбы за существование, то с момента развития классового общества, с момента разделения классов и обострения классовой борьбы внутри целого наступает такое положение, момент, когда эта борьба, обостряясь, не может дальше не разваливать, не разрывать общественной жизни. Более сильный экономически класс создает специальные органы исключительно для того, чтобы держать в повиновении остальных. На первый план выступают функции государства, как органа классового насилия и принуждения. Экономически господствующий класс закрепляет тогда средствами принуждения и насилия свое политическое господство и тем самым охраняет свое господство экономическое. Этот момент является основным и решающим моментом для возникновения и развития государства и его публично-правовых функций в их чистом виде. И только с тех пор, когда этот момент развился и зафиксировался в развитии общества, мы имеем современное государство. Таким образом, мы получаем следующую формулу возникновения государства: на определенной ступени развития, по мере расслоения общества на классы, по мере развития классовой борьбы возникают или закрепляются руками и усилиями экономически наиболее мощного, экономически - господствующего класса принудительные нормы, от-

вечающие его интересам, и создаются специальные орудия охраны, насилия и принуждения, с помощью которых он, этот экономически - господствующий класс, охраняет эти нормы и осуществляет свое экономическое господство. Вот формула возникновения государства в его теперешних основных существенных функциях. Если раньше, в родовом строе, да и не только в строе родовом, а и в более поздние времена, в период первобытной демократии, мы имели, как в Афинах, Греции или у каких-либо племен и народов в эпоху великого переселения народов, картину общего народного собрания воинов, на котором воины ударом копий о свои щиты выражали свое одобрение или недоверие тому, что предлагали военачальники, то этот первобытный строй общества, состоявшего из лиц, одинаково заинтересованных в отражении нападения врагов, уже очень скоро уступает место иному порядку, когда внутри этого демократического, якобы, общества выделившийся в экономически-господствующую группу класс воинов, жрецов, военачальников, старшин,—назовите их как хотите,—начинает решать дело келейно, на своем особом выборном собрании, предписывая свои нормы всем остальным, сгибая в бараний рог всякого не повинующегося этим нормам. Так создается государственная власть, как орган господствующего экономического класса. Как некоторую картинку, ярко выражающую противопоставление первой и второй фаз развития общества, я приведу маленькую цитату, которую можно найти в книге Стучки. Вот эта цитата. Он приводит рассказ некоего путешественника из книги Спенсера о его встрече с дикарями. «Когда, Ринк (путешественник), спросил никоборийцев (племя, с которым он встретился), кто из них является начальником, те, удивленно улыбаясь, ответили вопросом: «почему он думает, что один человек мог бы иметь власть против столь многих». Для примитивного сознания дикаря являлась нелепой сама постановка вопроса, что один мог бы быть начальником для многих. Так думали дикари, а вот культурный европеец не мог никак себе представить такого порядка, где не было бы хоть одного начальника и одного ему повинующегося. Эта эволюция двух форм обще-

ства,—от общества первобытного, неклассового и до общества, основанного на расслоении классов,—и знаменует собой эволюцию государства. Когда же это классовое деление общества начинает приобретать форму классового господства, а классовое господство начинает порождать и осуществлять формы принудительного насилия, с этого момента и начинается развитие государства в нашем понимании этого слова. Первичная же функция самоохраны коллектива затем не только отходит на задний план, но вскоре и вовсе исчезает, как реальная функция. Это-то мы и постараемся доказать в последующем изложении, ибо на искусственном оживлении, «гальванизации» этой функции строят до сих пор свою аргументацию шовинисты и националисты всех времен и народов.

Позвольте перейти поэтому к более подробному изучению и обследованию истории государства в его наиболее выпуклых и основных формах. Я возьму с вами опять-таки только ряд картин и отнюдь не буду стремиться проследить всю эволюцию государства во всех его видах. Нам важно уловить его сущность, его основные черты и в двух-трех картинах, выхваченных из общей массы исторических явлений, наиболее наглядно показать, как эта сущность облекалась в живую плоть и кровь живой исторической жизни. Я возьму следующие моменты: падение Римской империи, не древнего Рима, а Рима эпохи развитой торговой жизни и промышленного оборота, в V веке по Р. Х. и переход к организации средневекового общества. Во-вторых, я возьму картину зарождения и развития городских коммун в эпоху среднего и затем позднего средневековья и, наконец, возьму, как последний пример, период борьбы новой буржуазии XVIII—XIX вв. против феодального господства во имя организации современного демократического буржуазного государства. На этих 3-х основных моментах мировой истории я постараюсь показать, во-первых, правильно или неправильно наше теоретическое понимание исторической сущности государства, и, во-вторых, постараюсь ответить и на другой вопрос: можно ли усмотреть,—я позволю себе сказать отчаянную ересь,—можно ли вообще усмотреть какой-нибудь разумный смысл в развитии человеческого обще-

ства в целом, или никакого смысла в нем усмотреть нельзя. Это будет уже экскурсия в область общей философии истории; поскольку у нас по привычке в этой области также господствуют старые воззрения о том, что развитие человеческого общества идет по пути прогресса и прочих хороших слов, я не считаю возможным не затронуть этого вопроса. Итак, возьмем первый пример — падение Римской империи. Была Римская империя, процветала и развивалась; пришли варвары и взяли ее и разрушили. Так что ли? Ничего подобного, конечно, никогда не было. Прежде всего так-называемое великое переселение народов представляет собой движение, которое вовсе не укладывается в один акт нашествия гуннов или готов, нашествие Алариха или нашествие Атиллы. Мы знаем, что первые нашествия диких племен относятся к временам Цезаря, который уже воевал с галлами. Во всяком случае, от Цезаря, который жил за 60 лет до Р. Х., и до падения Римской империи прошло почти 5 столетий,—промежуток достаточный для того, чтобы не объяснять дело таким образом, что вот пришли варвары и все разрушили. Так дело не обстояло. Есть великолепнейший труд, пятитомный, чрезвычайно легко читающийся и один из восхитительнейших трудов по той красоте мыслей, которая в нем заключается. Это труд Фюстель-де-Куланжа, французского профессора, посвященный истории падения Западно-Римской империи. Западно-Римская империя в ее наиболее развитой форме существования, точно так же как и Римская империя с центром в Византии, но не с центром в Риме, продолжала все-таки существовать гораздо позже 476 или 410 г., когда Аларих взял и сжег Рим. От этого еще Римская империя отнюдь не погибла, Византия же продолжала существовать еще дальше. Она жила эта Римская империя в эпоху Юстинианова кодекса, на основе широкого торгово-промышленного оборота и частной собственности и на основе римского права, как оно выражено в кодексе Юстиниана в 511 или 512. Это было развитое торгово-промышленное государство, где господствовали богатейшая культура, философская литература, и пышным цветом цвело все, до чего дошло человеческое общество тех времен. Что было базой этого общества?

Рабский труд, с одной стороны, и полусвободный труд земледельцев-крестьян—с другой.

Вы помните знаменитое объяснение Тацита причин гибели Римского государства. Он говорил: «латифундии погубили Италию». Что такое латифундии? Латифундии это были богатые поместья римских магнатов, обрабатывавшиеся рабским трудом. Итак, рабский труд, как основа экономического и политического господства класса крупных землевладельцев, класса крупных помещиков, крупное землевладение, основанное на рабском труде, таковы были историческое классовое содержание и экономическая база той государственной формы, которая создалась в Риме на рубеже христианской эры к концу древней истории. Если в свое время Цинциннату или Катону ставили в особую заслугу в виде особой добродетели то, что сегодня они выполняли свой государственный долг, а завтра ходили за сохой, то, конечно, на самом деле это объясняется только тем, что Цинциннат жил еще в эпоху, когда было обычным, что военачальник сегодня ходил за сохой, а завтра брался за меч и, конечно, ни Красс, ни Помпей, которые славились тем, что едали на золоте,—они, конечно, уже не ходили за сохой. Вот почему эта поговорка является лишь отражением того периода, когда уже развилось это крупное помещичье хозяйство. Но когда развилось это крупное помещичье хозяйство, оно вторым своим следствием вызвало международный торговый оборот. Какой был торговый оборот в Римской и Византийской империи? Это был, главным образом, оборот не предметами непосредственного потребления и не необходимыми орудиями производства,—эти последние изготовлялись, главным образом, на тех же латифундиях руками рабов и обменивались затем только внутри страны,—это был торговый оборот, главным образом, предметов роскоши, которые составляли необходимый атрибут, необходимый аксессуар жизни крупного помещичьего землевладения. При этих условиях совершенно ясно, что и римские международные правоотношения являлись не чем другим, как только теми правовыми нормами, которыми регулировался только этот торговый оборот. А по существу хозяйство оставалось либо крупно-помещичьим, основанным на

рабском труде, либо оно было полуфеодальным, основанным на труде полусвободных крестьян и отпущенников, на господстве помещика, который был одновременно в пределах своего поместья царем и богом. Теперь представьте себе эту Римскую империю в ее наиболее развитой форме, уже после Алариха и Атиллы, в эпоху кодекса Юстиниана, Константинополя и Византии, эту громаднейшую Римскую империю, окруженную менее культурными странами и дикими народами, хотя, напр., такие страны, как Египет и Персия, не уступали ей по своей культуре, представьте ее себе не как развитое централизованное государство современного типа, а такой, как она создалась в эту эпоху, т.-е. как комплекс мало связанных между собой огромнейших поместий, будь это поместье в Италии, будь оно где-нибудь на Дунае и Египте. Что же в таких условиях варвары, которые, якобы, пришли и разрушили Римскую империю, *если бы они вовсе не пришли*,—спрашивается: *этакая громаднейшая махина, основанная на господстве крупно-помещичьего землевладения, с внешним торгово-промышленным оборотом исключительно предметами роскоши, она удержалась бы или нет. Или она распалась бы на свои составные части, сообразно натуральному характеру производства, на основе помещичьего владения и рабского труда*, на всех территориях, будь то в Испании, будь то в Галлии, будь то в Египте, будь то в Персии, Византии, Риме, все равно? Конечно, распалась бы до тех пор, пока не создалась бы другая, более крепкая связь, чем торгово-промышленный оборот предметами роскоши, и пока на основе развития обмена и производства предметов потребления масс населения внутри страны создались бы зачатки и почва для крупно-капиталистической фабрики и крупно-капиталистического производства. Вот почему прав Фюстель-де-Куланж, когда он, не будучи марксистом и подойдя совсем с другого конца, говорит: никакого переселения народов вовсе не было, а была совершенно естественная, неизбежная эволюция огромного государства Римской империи, основанного на принудительном

рабском труде, с малоразвитым собственным промышленным товарооборотом,—которое, создавшись, затем рассеялось и распалось на свои составные части, благодаря целому ряду опять-таки иных причин. Когда же оно распалось на свои составные части, то функции государства и охраны классового господства,—эти функции перешли непосредственно в руки помещика, который теперь, освободившись от опеки государства, будучи господином на своей территории, должен был заботиться о том, чтобы прежде всего охранить свои посевы, охранить свои завоевания, охранить свою культуру и для этого должен был иметь свое войско, свой суд, свои законы. Так развивается источник того, что составляет основу феодального общества, поместье-государство. Помещик, он же государь, он же судья, князь, военачальник, т.-е. царь и бог. Вот основная эволюция общества древне-римского и древне-римской культуры к обществу феодальному, обществу средневековья. На основе экономической базы города-общины создалась римская и афинская демократия; средневековое поместье дало феодальный строй.

Позвольте теперь ответить на второй вопрос: что же, эта средневековая культура была ниже по своему качеству, чем древне-римская, или выше? Отвечаю: не ниже и не выше, а «каждому овощу свое время», или все было на своем месте. Вы помните, вероятно, тот анекдот о горбуне, у которого было два горба и которому сказали по этому поводу, что «ты в своем роде тоже совершенство, потому что у тебя два горба». Так и тут. Средневековая культура соответствовала целиком своему времени и своим потребностям и в своем роде была тоже совершенством. С нашей точки зрения, возможно, быть-может, культура Греции и Рима была «выше». Возможно, что она была богаче, многообразнее, она была многограннее, она была красочнее,—но что же из этого вытекает объективно? Исторически она целиком соответствовала своей эпохе и для своей эпохи была более приспособлена и с этой точки зрения гораздо «выше», чем греческо-римская культура, если бы мы перенесли последнюю в эту эпоху. Вот почему мы не можем применять тут обычных критериев для разре-

шения вопроса, что лучше. Можно сказать: лучше, если мы раньше условимся считать, что «лучше». Иначе мы рискуем впасть в ошибку обычного филистера, который привык рассматривать развитие истории, как некий прогресс. С этой точки зрения про средние века он скажет: «это была мрачная эпоха, когда человеческая культура погрузилась в варварство и пошла назад». Почему назад, почему не вперед, почему не в бок, не вправо, не влево? Если бы мы хотели изобразить развитие культуры, я бы никогда его не изобразил в виде движения вперед, а я бы изобразил таким образом: вот одна культура, вот другая, а вот какая-то третья культура, а вот четвертая. В виде ряда эксцентрических или перекрещивающихся кругов. Так мы могли бы изобразить развитие культуры.

Оценка исторических явлений с точки зрения какой-то предуказанной цели, к которой идет, якобы, развитие культуры, представляется явно ненаучной постановкой вопроса. Экономическое верховенство класса помещиков-землевладельцев, который господствовал в Римской империи, и разрыв торгово-промышленных связей, может-быть, благодаря отдельным моментам движения и переселения народов, недостаточно развитого торгового оборота,—сделали то, что прежняя форма государства перешла в другую.

Позвольте перейти теперь к совершенно иному моменту развития производственных отношений и иных государственных форм уже в недрах самого средневековья. Если в государстве-поместье средневековья помещик, бывший господином, судьей, военачальником, в то же время являлся прежде всего блюстителем интересов господствующего класса, крупных помещиков - феодалов, то спрашивается: только ли путем насилия он поддерживал свое господство? И не было ли каких-либо еще моментов и причин, которые бы способствовали тому, что все окружающие его крестьяне, ремесленники, что они в феодальном обществе примирились с тем, что у них на шее сел феодал; и пришли к нему и сказали: «княжите и володейте нами». Если бы мы признали, что здесь было одно голое насилие, это было бы не нашей теорией, не теорией мар-

ксизма. Вот почему мы должны искать еще и ряд других мотивов. Приглядитесь ближе к этому средневековому обществу. Мы могли бы его изобразить так: река, лес и пр. (дело в том, что, как известно, представить себе средние века вне дремучих лесов и разбойников мы не можем). Итак, река, лес, большая дорога. На большой дороге стоит замок. Замок, как полагается, с высокими башнями, бойницами и т. д., хотя русский феодализм вовсе не имел бойниц, а каменные стены заменял простым частоколом. Около замка на большой дороге стоит застава. Эта застава находится в собственности и обладании господина поместья. Со всякого проезжающего по этой дороге он дерет пошлины, устанавливает торговые сборы. Рядом, на другом повороте реки, такое же поместье другого феодального владельца. Они друг с другом воюют. Для окрестного населения, живущего в условиях примитивной культуры, возможность спрятаться за каменные стены этого каменного замка являлась единственным и возможным средством спасения. В таком случае союз их с владельцами был или не был целесообразен? Конечно, был целесообразен. Он являлся их защитой. Тут нужна, однако, одна оговорка. Поскольку постоянные войны владельцев замков вовсе не входили в интересы населения, «гармонии интересов» тут вовсе не было, ибо крестьян-то владельцы не спрашивали, хотят ли крестьяне воевать. И свое право «войны и мира» феодалы устанавливали сами, как господствующий класс. Но так как война была факт, то, постольку интересы окрестного населения совпадали с интересами господствующего класса помещиков в интересах самозащиты и на этом взаимном согласовании услуг зиждилась основа тех правоотношений, которые господствовали в средневековом обществе, и то, что крестьяне согласились на деле подчиниться правам и законам, устанавливаемым феодальными властелинами.

Что же случилось дальше? Если вы посмотрите и проследите историю развития французского феодализма, и в частности династии Капетингов, начиная с их родоначальника, Гуго Капета, вы увидите, что Гуго Капет, этот будущий родоначальник династии абсолютных монархов Фран-

ции, первоначально был одним из самых незначительных и мелких феодальных владельцев, что во Франции был ряд феодальных властителей в 10 раз более крупных. К таким относятся нормандские герцоги, относится Наварское королевство и т. д. И в Англии мы имеем длиннейший период борьбы так-называемой Алой и Белой Розы, борьбы Ланкастеров и Иорков, которая нашла свое отражение в произведениях Шекспира. В целом ряде других государств мы найдем такую же историю феодальной борьбы. Возьмите у нас борьбу Твери и Москвы. Одним словом, эволюция государственной системы из феодальной системы есть не что иное, как история того, как один из этих феодальных родов и феодальных господ становится центром нового государственного образования для территорий, окружающих его таких же феодальных господ. Часто внешне это образование совершилось путем войны. А еще каким путем? Позвольте ответить опять-таки латинской пословицей: «Tu, felix Austria, nube»—«ты, счастливая Австрия, заключай браки». Вот еще одно из средств, при помощи которого кое-кто из феодальных господ усиливал свою власть. Австрия до последнего времени представляла собой пестротканое полотно, подобно салопу замоскворецкой купчихи, с точки зрения различных национальных элементов, которые вошли в ее государственную систему. Развитие феодальных отношений, с одной стороны, шло в сторону усиления одного из феодальных властелинов, и, конечно, не только путем голого насилия и оружия.

Основные причины заключались в развитии торгово-промышленного оборота. Колесо истории, которое шло вперед во времена Римской империи и которое после переселения народов, по примитивному представлению наших историков-идеалистов, пошло вдруг назад, теперь вдруг с развитием городов пошло опять вперед. В чем тут дело? Для того, чтобы понять, перенесемтесь в город Аугсбург. В средние века Аугсбург был известен как город банкиров. И вот эти банкиры из Аугсбурга явились выражением того нового элемента денежного и торгового капитала, который начал зарождаться вновь в эту эпоху. Возьмем эпоху первых крестовых походов. Ричард Льви-

ное Сердце шел с мечом освобождать Гроб Господень. Кто шел за ним? Кто шел вместе с ним? Торговцы. Чем они торговали? Тем же самым, что еще Христу волхвы приносили, т.-е., по существу, теми же предметами роскоши— пурпуром, жемчугом, янтарем и т. д. А как дальше пошло развитие торговли? Взгляните в Северную Италию, Ломбардию, по реке По, Венецию и затем южнее, Флоренцию, Пизу и т. д. Все эти торговые республики средневековья, через Адриатическое море они шли сюда, на восток, с одной стороны, а с другой—в Испанию к маврам, где развилась мавританско - арабская культура. Вы найдете вновь первичное торговое обращение, торговый оборот предметами роскоши. А отсюда они двигались уже по рекам вверх. В средние века слово «ломбардцы»,—это было такое же скверное название, как «жиды» или «цыгане». Это были элементы, которые не укладывались в средневековый уклад. Цыгане не укладывались потому, что был кочевой народ, который умел только воровать лошадей и ковать подковы. Их терпеть не могли и гнали всюду. Это были чужаки, которых нужно было поэтому гнать. «Жиды» не укладывались потому, что это были ростовщики, которые имели деньги и ссужали их королям и отдельным благородным графам и герцогам. Поэтому про «жида» говорили, что он «Христа продал», и что деньги его нечисты и поэтому их у него надо отобрать. У «нечистых» мавров по тем же причинам надо было отобрать «Гроб Господень». Так было на юге, в Венеции, Флоренции и Пизе, а на севере развивается Ганза, Ганзейский союз городов. Щупальцы этой Ганзы проникают до самого нашего «Великого Новгорода». Первоначально по рекам, так как дорог не было, по рекам начинает двигаться новый торгово-промышленный оборот, и трещать начинает старая феодальная система, трещать начинает господство государя-помещика. Государю-помещику становится тесно. Вспомните хотя бы Густава-Адольфа в Швеции, вспомните 30-летнюю войну. Война идет уже при помощи наемных войск. Деньги начинают играть решающую роль. А с деньгами начинает играть решающую роль город. Тогда уже феодалам становится совсем скверно. Государство-город—средневековая город-

ская коммуна, заключающая союз с королями и наиболее сильными феодалами, выдвигается на первый план. Зачем? Для борьбы за свою городскую самостоятельность. И феодалы дают им городские вольности. «Городской воздух делает человека свободным»,—говорит хорошая поговорка средневековья. Городской воздух делает человека свободным,—вот почему из всех феодальных поместий все обиженные начинают удирать в города. Города начинают расти. Более умные из феодалов освобождают города от налогов на первые 15—20 лет, дают им хартии на первые 15—20 лет, пока города будут «городиться», строиться, так как приходится огораживаться стенами от неожиданных нападений. Развивается городская культура, и зарождается и развивается городская буржуазия. С момента, когда она развивалась и выделила, выявила более или менее свое существо, как самостоятельный общественный класс, самостоятельный общественный строй, старый порядок, господство государства-помещика в пределах своего поместья, терпит крах, и возникает вопрос о регулировании новых отношений между новыми претендентами на государственное господство: между королями, с одной стороны, феодальными князьями, с другой стороны, городскими общинами, с третьей стороны, и почти в одно время почти повсеместно зарождается новая форма государства—сословно-представительная монархия. 1299 г.—первое собрание английского парламента, 1302 г.—первое собрание генеральных штатов Франции; 1505 г.—основное собрание польского сейма; 1613 г.—у нас в России собрание земского собора и избрание Романовых. Период с 1299 по 1613 г., от созыва английского парламента и до созыва земского собора (наш первый земский собор 1613 г. совпадает с 1614 г., последним собранием французских генеральных штатов, когда Франция уже перешла от сословно-представительной монархии к абсолютной монархии в 1614 г.)—этот период в 300 лет охватывает вторую фазу развития государственного порядка в Западной Европе, период развития городских коммун.

И опять-таки я возьму здесь две страны-соседки, пример которых показывает, что иногда даже близкое соседство ничего не говорит о направлении развития. Я возьму именно эти две страны, чтобы и тут связать изучение этого картинного развития государства и общества с общим вопросом о «смысле» исторического развития и сделать ряд других интересных выводов. Две страны— Франция и Польша. Обе встали на один путь государственного образования, но пошли по нему затем в совершенно противоположных направлениях. Франция, начав с созыва генеральных штатов в 1302 г. при Филиппе IV Красивом, к 1614 г. закончила этот период упразднением этих самых генеральных штатов и образованием абсолютной монархии. Польша кончила полным параличем королевской власти. Были очень красочные эпизоды в истории Франции за эти 300 лет. Было, напр., в эту эпоху восстание городского населения Парижа. Буржуа Этьен Марсель поднял восстание в Париже, как представитель новой французской буржуазии в борьбе против феодалов и против королевской власти. Как в эту эпоху, так в особенности в эпоху гугенотских войн эта борьба феодалов, с одной стороны, в виде ли католической лиги, или в виде гезов-гугенотов и промышленной буржуазии городов— с другой, принимала не раз самые разнообразные, самые причудливые формы. То король Карл IX вместе с феодалами-Гизами резал феодалов-гугенотов, то король Генрих IV, а первоначально король Наварры с феодалами-протестантами резал феодалов-католиков, то городская буржуазия Парижа вместе с королем и гизами режет гугенотов в Варфоломеевскую ночь, то протестантская буржуазная Ля-Рошель вместе с Генрихом IV отбивается от королевских войск. Везде и всегда,—и так было везде в истории, был переплет перекрещивающихся влияний то тех, то других сил. И если сегодня Париж устраивал гугенотам кровавую баню, то завтра он подает венец Генриху IV. Если сегодня Генрих IV говорит: «Я гугенот, клянусь умереть за истинную веру», то завтра он же заявляет, что «Париж стоит католической обедни» и объявляет себя верным поклонни-

ком папы. Ту же самую картину мы имеем и в Англии в эпоху борьбы Стюартов. Но суть одна. Это была борьба нового общественного класса, городской буржуазии, за свою самостоятельность и борьба феодалов за сохранение прежней независимости. Все равно, с кем и как, с королями, так с королями, с герцогами, так с герцогами, с католиками, так с католиками, с протестантами, так с протестантами, лишь бы сохранить свой интерес, лишь бы вырваться из-под эгиды властвования иного класса. В результате во Франции мы имеем картину образования крепкой и мощной буржуазии, опирающейся на ряд добытых в эпоху гражданской войны завоеваний. Королевская власть, в свою очередь, «под свои нози» покоряет всех врагов и супостатов, всех феодальных властителей, а после них начинает расправу... с городами. Тем не менее, эта расправа с городами, выражающаяся в отнятии городских вольностей, фактически есть победа городов, ибо феодальное дворянство, как правящий класс, отступает на задний план, а воротилой во Франции становится вновь выросшая буржуазия. Министры—буржуазные выходцы—от Кольбера до Неккера являются лучшими выразителями эпохи господства финансово-денежной аристократии, выросшей на почве торгового оборота. Создаются попытки единства законов, создается централизованное управление. Устанавливается единая форма торгового обращения, единая форма денежного обращения. Одним словом, складывается государственное хозяйство. Франция вышла из средневековья как мощное централизованное государство с крупной промышленной буржуазией, обессиленным экономически, но сохранившим свои политические привилегии дворянством и с сильной абсолютной властью короля. Так было во Франции. А в Польше? А в Польше было наоборот, т. к. в Польше борьба закончилась победой феодальных элементов над королевской властью. Слабое развитие городов в Польше привело к тому, что города и городская буржуазия получили в Польше меньшее зна-

чение, чем во Франции. На польском престоле сидел манекен, выборная игрушка в руках польского сейма. Наиболее яркое выражение децентрализаторские, анархические течения, развившиеся в условиях средневековой Польши, выявились в знаменитом праве любого депутата сейма путем своего «не позволяю» тормозить, сорвать любое решение сейма. Что значит эти два примера? Они говорят об одном. Они говорят о том, что и там, и там на одинаковой почве были поставлены одинаковые проблемы, а разрешены были совершенно по-различному. Вот еще одно доказательство «единства» исторического процесса. Развитие внешних форм государства в Польше пошло в ином направлении, чем во Франции, и впоследствии, когда мы будем останавливаться на изучении французской революции и ее сущности, вы увидите, что французская революция также была не одинока. Французская революция была в 1789—1795 г., а одновременно была польская революция в 1791—1793 г., и эта польская революция, вспыхнувшая для разрешения тех же проблем, что и французская революция, разрешила их опять-таки прямо в противоположном смысле. Вот почему французская революция кончилась победой французской буржуазии, кончилась декларацией прав человека и гражданина и затем деспотией Наполеона I, а польская революция кончилась разделом Польши в 1795 г. и исчезновением Польши, как самостоятельного государства, на период в 120 лет. Я указываю вам на эти отдельные примеры только, как на доказательство основной мысли, которую я выставил, о том, что государственная власть в различные эпохи истории человеческой культуры являлась не чем иным, как средством принуждения и насилия в руках господствующего класса. Формы государства вовсе не являются предуказанными и предопределенными в их развитии, они менялись в связи с развитием и изменением производственных отношений и классового строения общества. Но в то же время суть их—господство класса—была все время одна. По мере же того, как торговый оборот и промышленное развитие стерли целиком национальные границы,

когда реки, леса и горы перестали быть непреодолимыми препятствиями для развития хозяйственных отношений, с наступлением капиталистической эпохи производства первичная функция охраны внешней безопасности данного человеческого коллектива исчезла совершенно, канула в Лету полностью, и современное государство предстало перед нами в своем окончательно обнаженном виде как господства определенного класса, принудительно подчиняющего себе всех остальных.

Но об этом ниже.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ.

Государственные формы новой истории.—Демократическая республика, как главенствующая государственная форма.—Развитие государственных форм Англии, Германии, Франции и Америки за последнее столетие.—Различие государственных „форм" не помешало одинаковости исторического содержания каждой из них.—Классовое господство буржуазии, как конечный итог этого развития.—Философское обоснование современой демократической республики.—Историческое происхождение этого обоснования и его кричащее противоречие с реальным классовым содержанием буржуазного государства наших дней.—Вопрос о возможности использования этой формы для осуществления господства пролетариата.

Мы подошли теперь к рассмотрению той государственной формы, которая является в настоящее время господствующей в Западной Европе и с этой точки зрения является «нормальной» формой государства сейчас. Я говорю о буржуазно - демократическом государстве, как оно сложилось за последнее столетие, и в частности о демократической республике, которая является сейчас его наиболее типичной формой.

Революции последнего десятилетия уничтожили монархическую форму в большинстве тех стран, где таковая имела место. Монархии нет сейчас в Германии, Австрии, Турции, Персии, России, Китае. Лишь как пережиток, давно утративший свое реальное историческое существо, она существует в Англии, Испании и Италии, но говорить о том, что в Англии или Италии существует старая монархия, нельзя. Монархии в ее историческом классовом содержании, конечно, там тоже нет. Это такие же буржуазные парла-

ментарные страны, как Франция или Америка. Если в начале XIX века исключением была республика, то теперь исключением является монархия. Переходя к рассмотрению этой формы буржуазно-демократического порядка, мы должны по отношению к ней произвести тот же самый эксперимент, который мы проделали в нашей прошлой лекции по отношению к основным главенствовавшим формам государственной жизни античного и средневекового общества. Мы пытались в прошлой нашей беседе набросать в кратких и выпуклых чертах существо каждой из этих исторических государственных форм. Мы дали абрис зарождения классового общества вообще, картину перехода от развитого торгово-промышленного государства, деспотии древне-римской империи к средневековому порядку, существо средневековых феодальных отношений, зарождение и развитие сословно-представительных монархий на рубеже нового времени. Нам должно дать теперь анализ возникновения и развития современного буржуазного государства и его различных форм, вплоть до ее наиболее развитой «чистой» формы в виде буржуазно-демократической республики.

В прошлом очерке развития государственных форм мы остановились на том моменте, когда сословно-представительная монархия была заменена централизованной абсолютной властью. Так было, по крайней мере, во Франции. Так не было, как вы видели, в Польше, так не было, в свою очередь, в Англии, так не было в Америке. Но так было в Австрии, в Германии, так было в Испании, так было в России, так было в целом ряде иных стран (Швеции, Норвегии и т. д.), и в общем и целом надлежит признать, что все же абсолютная монархия была определенным этапом, который переживали все страны, в том числе Англия при Стюартах и Польша при Батории. Роль парламента и сейма соответственно уменьшалась, хотя они продолжали юридически существовать. Сущность же экономических отношений безусловно была тождественна. Это было государство, основанное на крупном помещичьем землевладении, на ряде политических привилегий дворянства и духовенства, на политическом бесправии третьего сосло-

вия и народных масс. Период так-называемого «просвещенного абсолютизма» в Германии и Австрии, Франции и России был переходным моментом от бесправия этого, игравшего уже крупную роль в общественной жизни, торгово-промышленного класса к предоставлению ему некоторых прав. Отсюда революционный или реформистский путь к оформлению политического значения этого класса в связи с его экономическим значением,—таков был процесс, который пришлось пережить каждой из этих стран. Мы рассмотрим эту эволюцию в четырех крупнейших странах Западной Европы, для того, чтобы притти к анализу той государственной формы, которая, как мы говорили выше, утвердилась, в конце-концов, в последнее полустолетие повсеместно,—именно к анализу буржуазно-демократической парламентской республики нашего времени.

Начнем с Англии. Мы знаем, что английский парламент, зародившись на рубеже XIII века, первоначально представлял собой господство крупно-помещичьего землевладения. Революция 1648—1688 гг., а по существу две революции, представляла собой попытку третьего сословия в лице палаты общин утвердить свое политическое господство наряду с господством феодального землевладения. Она кончилась казнью короля Карла и цезаризмом, господством Кромвеля. Господство Кромвеля—это не было господством крайней левой. Мы знаем, что крайняя левая потерпела в этом движении равным образом поражение. Действительную, основную победу буржуазии Англии, как класса, мы имеем в 1832 г., выразившуюся в избирательной реформе 1832 г., которая привела к уничтожению так-называемых «гнилых местечек». «Гнилые местечки»—это были те избирательные округа старой Англии, откуда депутаты палаты общин посылались, так-сказать, испокон-веков, по традиции. Промышленная жизнь рядом создала крупнейшие центры, в роде Манчестера и других городов, но эти города не имели представительства, несмотря на то, что они исчисляли население—и промышленное, и рабочее—десятками тысяч, в то время, как «гнилые местечки» исчисляли народонаселение максимум сотнями человек. Суть избирательной реформы 1832 г. в Англии заключалась в перерас-

пределении избирательных округов, в передаче представительства крупно-промышленным центрам, в отобрании представительства у этих захудалых местечек и перенесении центра тяжести государственной жизни на крупно-буржуазно-промышленные слои. Вот суть избирательной реформы 1832 г., а другой стороной этой реформы было понижение избирательного имущественного ценза. Следующей реформой избирательной была реформа, кажется, шестидесятых годов и, наконец, гладстоновская избирательная реформа 1884 г. в Англии. Все эти три избирательные реформы шли в одном направлении,—в сторону понижения имущественного ценза, во-первых, в сторону большего представительства буржуазии, во-вторых. Теперешнее избирательное право в Англии—всеобщее избирательное право. Незначительный остаток имущественного ценза устранен в 1918 г., однако, сохранились и король, и двухпалатная система. Тем не менее, мы имеем картину безусловно парламентского государства. Какое же это государство? Это будет ясно из следующих данных о составе палат общин в январе 1920 г. На общее количество депутатов мы имели: землевладельцев — 115 депутатов, фабрикантов — 138 деп., директоров страховых обществ—61 деп., директоров банков—28 деп., директоров угольных копей—17 деп., директоров нефтяных компаний—4 деп., директоров пароходных обществ — 30 деп., директоров текстильной промышленности—19 деп., пивоваров—10 деп., адвокатов—102 деп., офицеров—50 деп., флотских офицеров—12 деп., врачей—10, рабочих—65 деп. Подсчитайте. Лучшего выражения буржуазного существа английского парламента я не представляю себе. Эти данные относятся к 1920 г. Возьмем палату лордов, сосредоточение остатков крупного землевладения: адвокатов—28, директоров страховых обществ—94, директоров банков — 68, директоров угольных копей — 29, директоров нефтяных компаний—11, директоров пароходных обществ—33, директоров железнодорожных компаний — 62, пивоваров—11, фабрикантов-текстильщиков—10, фабрикантов другой промышленности—84. Картина более чем выразительная[1]). После этого говорить о том, что в Англии господ-

[1]) Данные взяты из книжки т. Ксенофонтова „Государство и право". Юрид. Изд. 1924 г. Москва.

ствует крупное землевладение,—явный абсурд, ибо даже в палате лордов в большинстве типичные представители буржуазного крупного капиталистического общества. Эти цифры говорят нам о том, что трактовать Англию иначе, чем крупно-буржуазное государство, никак нельзя. Это доказывает то, что в Англии, благодаря случайному совпадению ряда причин и стечению целого ряда обстоятельств, политическая форма господства буржуазии сложилась в виде компромиссной формы, с наличием целого ряда пережитков старого порядка, и, как таковая, сохранилась и господствует до сих пор. Тем не менее, интересы буржуазии прекрасно сохранены. Были случаи, правда, в истории Англии, когда ставился вопрос о коренном изменении английской системы. Так было во время движения чартистов, когда революционная стихия нашла свое выражение в мощном движении рабочих Англии, когда миллионы рабочих требовали введения всеобщего избирательного права, одногодичного парламента и т. д., и когда петиции рабочих за миллионами подписей трудящегося населения торжественно привозились в парламент. Мы знаем другие моменты в истории Англии, когда английское правительство из партии вигов, ведя борьбу от имени крупной промышленной буржуазии против крупного землевладения, ставило вопрос о назначении новых лордов властью короля и даже об упразднении палаты лордов. Это показывает, что в истории Англии были такие моменты, когда классовые противоречия настолько обострялись, что грозили разорвать политическую надстройку. Но не разорвали, и историческая форма буржуазного государства сложилась так, как мы видим ее сейчас. Так произошло в Англии. Перейдем к Германии.

История развития Германии была совершенно другая. Германское буржуазное государство развивалось в совершенно иной обстановке. Что же представляла собой Германия на рубеже XVIII и XIX веков? Германия представляла собой бесконечное количество маленьких и больших независимых или полунезависимых княжеств. Если французская революция дала для Германии что-либо, так это то,

что вымела вон железной метлой три четверти из этих самостоятельных князей и вместо них создала единую Германию. Тот факт, что французская революция была разбита,—этот факт спас Германию, как союз государств. Сохранилась и уцелела и прежняя династия Фридриха II. Поражение Наполеона на полях Ватерлоо определило сохранение той же системы, вплоть до 1848 г. Случайный факт, ибо Наполеон мог победить при Ватерлоо. Последнее отнюдь не было исключено. Между тем на полях Ватерлоо дралась конституционная буржуазная Англия рука-об-руку с феодальными соседками—Германией и Австрией—против новшеств, которые нес с собой Наполеон, хотя у себя во Франции в это время Наполеон держал всех под сапогом. Это одно из интереснейших противоречивых переплетений принципов, идей и интересов, которые дает нам всемирная история. Не менее интересное сочетание было в это время в Германии. Германия в 1814—1815 гг. переживала крупное общественное движение, национальное возбуждение и национальный подъем. Лучшие умы Германии, в лице ее крупнейших философов, в роде Фихте, выпускавшего в то время свои знаменитые «речи к немецкой нации» и др., требовали беспощадной борьбы с французами и изгнания Наполеона из Германии. Этот общественный подъем, охвативший буржуазную Германию, сыграл свою роль. Но в каком отношении? Что же получили эти патриоты Германии, в конце-концов, после изгнания Наполеона? Они получили старую прусскую палку, они получили старого прусского капрала, и уже в 1820 г. студенты на Вартбургском празднике в Вартбурге торжественно сжигали на площади эту самую прусскую палку и прусскую капральскую шапку, в виде протеста против внутренней реакции, восторжествовавшей после изгнания Наполеона. Так или иначе, но Германия уцелела от французской революции и, как исправленное и дополненное издание прежней Германии, просуществовала до 1848 г.

Этот «безумный» или «сумасшедший» год, как его называли буржуазные историки, принес одновременно ряд революций: революцию мартовскую в Германии и революцию в Австрии. Он принес созыв франкфуртского общегерман-

ского парламента, принес с собой революцию и созыв учредительного собрания в Берлине и Вене, зато 1849 год принес поражение германской революции. Товарищи, читавшие труды по истории германской революции, знают, как затем австрийскую революцию раздавил генерал Виндишгрец, а берлинскую революцию раздавил другой генерал, как затем славяне пришли спасать германскую монархию под предводительством Елачича, как россияне пришли подавлять венгерскую революцию по приказу царя Николая I. После неудачи и краха революции последовало восстановление, хотя, конечно, неполное, но, тем не менее, восстановление старого порядка. И только в 1870 и 1871 гг. Бисмарк докончил то, что начала революция. Бисмарк путем войны с Францией, путем создания Германской империи «кровью и железом», этот «железный канцлер» с тремя волосами на макушке, политически оформил мощную капиталистическую Германию и одновременно ввел всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право в общегерманский рейхстаг. История Германии показывает, таким образом, нам не путь приспособления и компромисса, как в Англии, а путь революционных пертурбаций, во время которых революция потерпела поражение. Сказать, что все здесь было заранее предопределено, конечно, нельзя. Могло быть так, но могло быть и иначе. А случилось так. В той же Австрии всеобщее избирательное право было дано только в 1905—1906 гг., различные же конституции местных ландтагов в Германии по-разному определяют до сих пор избирательное право своих государств. Но политическое существо было одно: господство буржуазного класса, господство буржуазии, несмотря на всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, и однопалатную систему, потому что союзный совет Германии играл ничтожную роль по сравнению с общегерманским рейхстагом, с одной стороны, и при отсутствии ответственности министров перед парламентом, так как этого не успела себе завоевать германская буржуазия—с другой, с сохранением сильной личной власти германского императора. Результат получился

один: в Германии и посейчас правят крупные буржуазные воротилы Круппы и Стиннесы вместе с представителями крупного помещичьего землевладения, при чем и те, и другие настолько хорошо спелись, что в период гегемонии Германии на мировом рынке до империалистической войны не только для крупной германской буржуазии, но и для буржуазии мелкой не было большего фетиша, перед которым бы она преклонялась, чем ее любезный «Vaterland». Так сложилась история Германии. Есть или нет всеобщее избирательное право, есть или нет двухпалатная система, есть или нет ответственность министров перед парламентом, — роли на деле не играет, Англия и Германия — обе равно представляют собою два крупно-промышленных буржуазных государства, основанные на крупном машинном производстве, и обе развивались в одном и том же направлении империалистических захватов во имя интересов господствующего класса.

Третье государство — Франция. Франция пережила за историю XIX века столько революций, как никакая другая страна. Революция 1789 г., революция 1791—93 гг., переворот 9-го термидора и переворот 18-го брюмера, реставрация Бурбонов, 100 дней и реставрация Наполеона, новое восстановление Людовика XVI, революция 1830 г. и утверждение Орлеанской монархии Людовика-Филиппа, революция 48-го года, падение Гизо и первая попытка рабочей республики, революция июньских дней 48-го года, революция 2-го декабря 1852 г. и установление империи Наполеона III, революция 1870 г. и ниспровержение II империи, революция 71-го года и Парижская Коммуна, падение Парижской Коммуны,—это все кровавые кризисы, насильственные перевороты, заканчивавшиеся удачей. А сколько было неудачных попыток переворотов? От 1830 по 1848 г. не было года, в котором бы не было каких-либо активных выступлений на улицах или какого-нибудь большого тайного заговора против монархии. Лионское восстание 1830 г.,—это исключительно рабочее восстание,—дает пример таких движений, которые не привели к государственному перевороту, но все-таки были. И только после Коммуны 1871 г. Франция вступает в сравнительно «мирное житие». С 1789 по 1871 г.

мы имеем период постоянных социальных бурь, социальных катастроф, когда новые экономические взаимоотношения классов бурлят, не раз разбивают вдребезги политическую надстройку, пока не устанавливается наиболее соответствующая интересам господствующего класса государственная форма в виде демократической республики. **История пошла тут тоже путем потрясений, принесших, однако, победу революции.** Мы имеем здесь всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право, двухпалатную, но фактически однопалатную систему, ибо вторая палата большой роли не играет, и выборного президента, никакого отношения к остаткам монархической власти не имеющего. На деле, однако, и тут имеется господство ярко-выраженного буржуазного режима. Нет другой республики, где бы более наглядно, более оголтело проявлялось господство буржуазии, чем в современной Франции. И тот факт, что во главе Франции сейчас стоят или стояли лица, которые были прикосновенны к социализму в 1884—85 гг. и даже в 1901—1903 гг., лучше всего показывает, насколько форма не играет роли в отношении существа. Мильеран, Вивиани, Бриан и другие близкие к ним деятели современной Франции не хуже Пуанкаре и Клемансо выражают сейчас ее буржуазное существо, а это все бывшие социалисты и бывшие вожди социалистических партий Франции. Вот третье государство, где политическая форма сложилась опять-таки совершенно иной.

И, наконец, возьмем четвертое государство—Америку, **которая никогда не знала абсолютной монархии.** Лучшего примера для доказательства того, как внешне различно может складываться историческое развитие, трудно найти. В этом государстве не было и нет никаких революций. Политическая жизнь слагалась, кроме эпохи гражданской войны, внешне мирно и без осложнений. Государство построено не только на началах политической свободы, но и на началах федерализма и максимальной самостоятельности отдельных штатов. Исторические случайности и тут сыграли большую роль, но политическое содержание, классовое содержание получилось также одно и то же. Что собой представляет это четвертое буржуазное государство в его сложившейся наи-

более идеальной республиканской форме, — пусть свидетельствует за нас американский сенатор Петигру, книжку которого разобрал т. Ксенофонтов. Этот разбор нам будет достаточен, чтобы показать в ее настоящем свете эту наилучшую современную демократию. В этой книжке политического деятеля Америки имеются следующие цитаты. Вот что говорит сенатор Петигру о происхождении этой демократии: «Лидеры учредительного собрания совершенно не имели в виду создавать демократию, правление народа, они стремились создать правительство собственников, а не «прав человека». Этот факт подтверждается общественным положением людей, составляющих учредительное собрание. Из них 40 чл.—владельцы революционных ассигнаций, 14 чл.—крупные земельные спекулянты, 24—ростовщики, 11 чл.—купцы и 15 рабовладельцы. Крупнейшая фигура учредительного собрания—Вашингтон, сам был рабовладельцем, спекулянтом землей и большим владельцем революционных ассигнаций».

«Конституция С. Штатов была составлена тем же собранием промышленников, спекулянтов и их приспешников—адвокатов. Конституция была создана для защиты прав собственности, и в течение 125 лет своего существования она так хорошо отвечала своему назначению, что в настоящее время она стоит перед нами не только как главный оплот привилегий и узаконенной несправедливости в Америке, но и как величайший когда-либо написанный документ для защиты прав кучки богачей, грабящих и эксплоатирующих массы» (стр. 136).

Вот что говорит сенатор Петигру об этой стране, где господствует всеобщее избирательное право, где налицо развернутая демократия, президент, широко развитый принцип федерации отдельных штатов. А вот что он говорит о теперешней Америке, об ее сенате, как органе верховной власти, выявляющем «народную волю»: «Сенат Американской республики, выражающий высшую волю американского народа в целом, на две трети состоит из адвокатов, состоящих на жалованье у трестов, банков, железнодорожных компаний, в общем на жалованье у промышленников. Они, эти наемники, величают себя народными пред-

ставителями, да иначе и не может быть: «народ» здесь—это владельцы всех естественных богатств страны, транспорта, банков, фабрик и т. д., в общем кучка богачей. Эта кучка через своих агентов-адвокатов управляет страной, в ее руках весь правительственный аппарат, служащий ей как средство обогащения. Сенаторы—это продажные люди. Их оптом и в розницу покупают промышленные круги Америки». И дальше: «Если кто из сенаторов пробовал выступать против интересов господствующих классов, он бывает предметом насмешек, издевательств, бесстыдной клеветы, вплоть до публичных обвинений в аморальности, как человека антисоциального. Газеты убедили вас в этом. Наемная печать сделает для них невозможной общественную деятельность, это в лучшем случае. А то может быть и другое: завтра же будет готов донос об его «темном прошлом» и «грязном настоящем», десятки свидетелей будут готовы под клятвой подтвердить это, а потом застенок, тюрьма... Печать должна бы довести об этом до сведения общества, но, ведь, она скуплена капиталистами» (стр. 143—144). Вот вторая цитата американского сенатора. Известен факт, что в Америке газетные короли держат в своих руках все издания, а о Рокфеллере говорят, что он даже издал исправленное издание библии, потому что в библии было много выпадов против частной собственности, поэтому нужно было издать «исправленную» библию. О политических партиях в Америке, Петигру говорит: «В Америке существуют две главные партии: республиканская и демократическая. Исторически обе эти партии представляют лишь различные точки зрения на способ лучшего ограбления рабочих. В настоящее время демократы и республиканцы являются выразителями интересов крупных промышленников. Я могу это утверждать, так как знаю лидеров обеих партий в течение 50-ти лет и сам работал в руководящих кругах этих партий. Я покинул партию республиканцев, как открыто перешедшую на служение трестам и синдикатам. Последние ныне распоряжаются этой партией; они субсидируют ее и дают огромные суммы на ведение кампаний и подкупы избирателей». Наконец, что такое президент? Петигру пережил 10 президентов, и вот что он пишет о них: «Дипломированные

тупицы, ставленники трестов, синдикатов, банков, железнодорожных компаний, в общем промышленных кругов». «До сих пор,—говорит он,—все президенты были представителями крупного капитала, их наемники, а потому и от них было несчастье американского народа. Я прибыл в Чикаго на назначенный там республиканцами съезд партии. Представители крупной промышленности прибыли на съезд в полном составе и сразу овладели съездом. Там были: Генри, глава стального треста, Девиссон и Леймонт от Моргана, Эпипербюри, вице-президент от Ильсильвиальской ж. д., Дик-Смелсон из Питтсбурга, второй богач после Рокфеллера, и ряд других. Они написали программу и выставили кандидатов. После долгих препирательств они выставили кандидатом в президенты Гардинга, нынешнего президента Америки». «И как может быть иначе,—восклицает Петигру,—если кресло президента С. Штатов продается с аукциона на национально-республиканских съездах партии и остается за тем, кто больше даст?» (стр. 271). Вот факты из реальной жизни. Цитаты, которые приводит деятель американской республики, лучше всего говорят, что такое сейчас объективно в самом высшем своем различии представляет американская демократия. Господство, циничное господство буржуазии, не останавливающееся перед подкупом, обманом и насилием, поскольку все средства хороши для утверждения господства буржуазии,—вот что он изображает нам.

Фактическим «президентом» демократической Американской республики были: банки, фирмы Морган (король банков и ж. д.), Рокфеллер (король банков, нефти, хлеба, молока), Дюпон (король пороха), Шваб (король стали), Свит (король мяса) и прочие короли и президенты промышленного и финансового мира!

Такова реальная картина действительного существа нынешних государств Западной Европы. На наш первый вопрос, относительно того, во что вылилась эволюция государственных форм, мы этим ответили. Господство буржуазии неограниченное и безусловное, — таков наш ответ. Однако, это не разрешает вопроса о государственной форме и ее политическом значении. Мы видели, что в то время, как в Англии монархия сохранена, как внешняя оболочка

этого буржуазного господства, во Франции в результате ее революционных бурь, в Германии в результате последней революции 1918 г., в Австрии, в Турции и даже в Китае утвердилась, как форма этого господства, демократическая республика.

Поэтому анализ этой последней государственной реформы должен быть заключительным аккордом всего нашего обзора развития государственных форм, как таковых.

Что такое демократическая республика, как государственная форма, на каких принципах она построена, и в какой мере она обеспечивает то откровенное господство буржуазии, которое мы видим выше,—вот вопросы, которые мы сейчас должны разрешить.

Позвольте подвергнуть эту форму анализу логическому и анализу историческому, беря ее в ее наиболее чистом, законченном виде. Каковы ее основные характерные черты?

Буржуазная демократическая республика, основанная на всеобщем, равном, прямом и тайном праве, на торжественном провозглашении особых неотъемлемых прав человека и гражданина, и на принципах так-называемого парламентаризма, т.-е. абсолютной зависимости исполнительной власти от власти законодательной, от голосования в парламенте,—такова эта «чистая» демократическая форма. Каковы основные предпосылки этой формы прежде всего с точки зрения чисто-логического анализа, или какому основному представлению или воззрению на существо государства и человеческих отношений она отвечает? Логический анализ этой формы дает нам следующее. В своих предпосылках она базируется на следующих четырех тезисах-аксиомах. Первое: все граждане республики политически, как правовые единицы, равны. Второе: все эти равные друг-другу политические единицы—граждане, как таковые, имеют ряд от них неотъемлемых и им присвоенных прав. Третье: все они осуществляют эти свои права согласно своей свободной воле. Четвертое: осуществление этих прав выражается ими путем голосования. Вывод: свободное голосование свободных граждан определяет в демократической республике направление государственной поли-

тики и содержание издаваемых законов. Такова основная философия этой государственной формы. Своей предпосылкой она предполагает, таким образом, прежде всего, в качестве базы для всех остальных построений алгебраическое равенство граждан друг-другу в качестве политических слагаемых, в качестве самостоятельных и равновеликих величин. Это есть типично механическая теория, свое лучшее отражение нашедшая в механическом же процессе подсчета избирательных бюллетеней. Голосование состоялось, бюллетени в урну положены, счетчики под наблюдением специально на то управомоченных лиц производят подсчет голосов. Так определяется и выявляется народная воля. Таково существо этой теории и того основного воззрения, на котором основывается все строение теперешней развитой демократии — парламентской демократической республики. Спрашивается: в какой мере эта теория, существо которой самым кричащим образом опровергается повседневными фактами жизни любого из этих парламентских государств и совокупностью тех данных о составе и политике английского парламента или американского сената, которые мы приводили, отвечает тому, что есть? Как она возникла, как она развилась, и как она может существовать сейчас рядом с вышеприведенными, опровергающими ее политическими фактами? На это отвечает нам исторический анализ возникновения этой формы.

Исторический анализ развития экономических и политических отношений за последнее полустолетие освещает нам, как это случилось. Что же дает нам этот исторический анализ?

Какие экономические условия прежде всего могли предопределить этакое воззрение на государство, или, вернее, каким производственным отношениям могла соответствовать в свое время этакая, с позволения сказать, «научная» идеология»? Весь эволюционизм, которым так гордится современная наука, который она кладет в основу всех своих построений во всех других отраслях, здесь для этой теории государства и общества забыт и не существует. Вся она типичный образец надуманной, искусствен-

ной «арифметической» теории, лишенной всякого исторического научного подхода к изучению явлений. Повторяю: каким экономическим формам соответствует эта идеология, или, вернее, какие экономические условия могли породить этакую теорию? Ответ совершенно ясен. Только в условиях буржуазного общества, основанного на принципе индивидуальной частной собственности, на принципе свободного торгового оборота, противопоставляющего друг-другу отдельных товаропроизводителей как равновеликие величины на рынке, могла возникнуть такая теория. Она не что иное, как отражение конкуренции и борьбы этих самостоятельных товаропроизводителей, «свободно» выступающих на рынке, один с молоком, другой с сапогами и требующих поэтому «равенства» во взаимоотношениях. Только в условиях товарного хозяйства, мелкобуржуазного общества и мелкобуржуазного производства могла создаться такая теория. Таков наш ответ на этот вопрос. И история целиком и полностью своими данными и датами подтверждает этот ответ. Для современного крупнопромышленного мащинного производства, для мира трестов и синдикатов, для эпохи банковского и финансового капитала, и для оправдания господства королей стальных, угольных, керосиновых и т. п. эта теория не годится. Она возникла тогда, когда не было этих королей, и вся бесправная мелкобуржуазная масса третьего сословия рвалась на борьбу с королевской властью под знаменем «свободы» и «равенства» всех людей друг с другом. Эта теория возникла в эпоху перед французской революцией и свое первое писаное выражение нашла в теории общественного договора Жан-Жака Руссо в его «Contrat social». Люди родятся свободными, и лишь в силу целого ряда исторических причин—насилия, темноты, некультурности—возможно было такое извращение человеческой природы, как деспотия Бурбонов. Такова была эта теория. Общественный договор есть та форма, которая была первоначально и должна быть положена, по мнению Руссо, в основу правильно построенного государственного порядка. Отсюда эта теория общественного договора, исходящая из принципа равенства людей друг-другу, как частиц единого общества (типично механиче-

ская теория, свойственная механическому мышлению XVIII века), легла затем в основу всего дальнейшего развития буржуазно-демократического государства. Что Руссо, как творец теории общественного договора, был один из наиболее искренних выразителей интересов именно мелкобуржуазного общества,—свидетельствует та приводимая Оларом цитата из его сочинений, в которой он говорит о том, кому должна принадлежать власть в его обществе и государстве. Руссо говорит о том, что власть не должна принадлежать имущим, богатым, обеспеченным классам, ибо это породит деспотию или олигархию, она не должна принадлежать неимущим классам, черни, ибо сие породит охлократию. Власть должна принадлежать средним классам, бережливым хозяевам, знающим ценность труда и благоприобретенного имущества. Эта теория была полностью воспринята затем французской революцией, основным актом которой была «декларация прав человека и гражданина», в своем первом параграфе гласившая: «все люди рождаются свободными».

Отсюда эта теория вместе с революцией победоносно прошла затем по всем государствам Западной Европы и окончательно воплотилась в форме демократической парламентской республики, являющейся, как мы говорили, сейчас главенствующей и потому обычной формой государства в Западной Европе.

Таков исторический генезис этой государственной формы.

Это не означает, однако, что, раз возникнув, эта форма осталась всецело соответствующей изменившимся классовым отношениям или не видоизменялась сама.

Возникнув впервые в эпоху борьбы с абсолютистской монархией, буржуазно-демократическая форма, всецело отвечавшая условиям мелкобуржуазного производства и мелкобуржуазного оборота, нашла свое окончательное завершение в форме демократической парламентской республики лишь к концу XIX века, а частично и лишь в первой четверти XX века (революция 1918 г. в Германии, февральская революция 1917 г. в России). К этому времени, однако, производственные и экономические отношения шагнули далеко вперед, и буржуазия, как господ-

ствующий класс, явилась на историческую сцену не как мелкий товаропроизводитель, а как крупнейший производитель-фабрикант и даже как союз фабрикантов и промышленников, держащий в своих руках монополию на производство, при чем часто даже не в национальном, а в общемировом масштабе. В качестве противостоящей ему силы вырос организованный и в национальном, и в общемировом масштабе рабочий класс.

С этой точки зрения политическая форма явилась не только не соответствующей, но и прямо противоречащей своему историческому назначению обеспечить господство мелкобуржуазных слоев. Правда, крупная буржуазия сумела, как мы это видели выше, обеспечить свое классовое господство и при демократической республике. Но это не разрешило всего вопроса целиком. Проблема социализма стала теперь главенствующей проблемой дня, а отсюда встал вопрос о возможности и разрешении этой проблемы в пределах данной государственной формы, т.-е. буржуазно-демократической республики и помощью средств, которые она, эта республика, предоставляет всем своим гражданам, в том числе и представителям пролетариата.

В этом и заключается тот основной вопрос, который поставлен сейчас перед нами жизнью во всех государствах Европы, и на который два борющихся ныне крыла рабочего движения — революционно - коммунистическое и соглашательско - реформистское — дают два принципиально-разных ответа[1]). «Можно и должно»,—отвечают социал-соглашатели, с Каутским во главе. «Невозможно»,—отвечаем мы. Анализу этой последней проблемы мы посвятим нашу следующую беседу.

---

[1]) Поскольку II Интернационал еще имеет за собой значительную часть рабочих,—мы вынуждены еще именовать его „крылом рабочего движения“. Это, конечно, нисколько не меняет его мелкобуржуазной сущности.

БЕСЕДА ПЯТАЯ.

Точка зрения Карла Каутского на демократическую республику, как единственно возможный путь для мирного осуществления пролетарской революции.—Почему это утверждение не верно.—Коалиция как неизбежная форма, к которой пришло сейчас парламентское развитие Западной Европы.—Историческая сущность коалиции.—Независимость исполнительной власти и падение значения парламента.—Бессилие законодательной власти и политическое могущество финансовых воротил.—Что может при этих условиях дать завоевание большинства в стране, завоевание большинства в парламенте и даже образование рабочего министерства.—Пример Макдональда, Гильфердинга и Шейдемана.—Роль попутчиков в развитии пролетарской революции.—Фашизм, как лозунг политики буржуазии.—Теории Маркса и Ленина по вопросу о методах и тактике пролетариата в период революции. Соглашатели на службе у буржуазии—Чему учит опыт российской революции.

В прошлый раз мы остановились на анализе того, как сложилось буржуазное господство в наиболее крупных странах Западной Европы, и мы сделали два вывода. Наш первый вывод заключается в том, что в каждой из стран, которые мы рассматривали,—в Англии, Германии, Франции и Америке, мы взяли эти наиболее типичные страны,—утвердилось господство буржуазии. Данные о современной Америке, которые я приводил из книжки Петигру, и данные о социальном составе английского парламента по выборам 1920 г. являются лучшим доказательством того, что господство буржуазного класса, оголтелое господство буржуазии есть основной политический факт во всех этих четырех странах. Таков был наш первый вывод. Второй же вывод был тот, что те формы, в которых выразилось политическое господ-

ство буржуазии в этих странах, оказались, тем не менее, весьма различны, и самый переход от господства дворянской аристократии в эпоху абсолютной монархии к господству буржуазии оказался чрезвычайно разнообразным как по своей длительности, так и по отдельным фазам своего развития. Вот два практических вывода, которые мы получили. Оба эти вывода нам теперь надлежит хорошенько усвоить, раньше чем перейти к рассмотрению той основной проблемы, разрешением которой мы должны закончить наши исследования, ибо, конечно, не только из соображений чисто-теоретического характера мы с вами эти исследования производили. Эта проблема,—единственная, которая нас может сейчас практически интересовать,—заключается в разрешении двух вопросов: 1) как же при наличии господства буржуазии во всем мире, в рамках буржуазией созданного и буржуазией управляемого буржуазного государства, хотя и архидемократического по своим формам, должен действовать рабочий класс, чтобы наилучшим способом в рамках этого государства обеспечить свои интересы, во-первых, и подготовить и осуществить переход от этого буржуазного господства к утверждению своего собственного господства, т.-е. господства рабочих, во-вторых, и 2) как затем после утверждения своего господства, на каких началах он должен построить своепролетарское государство, чтобы этим окончательно утвердить свое политическое господство.

Вот те два вопроса, разрешением которых мы должны закончить наши беседы. Полагаю, что правильный ответ на них стоит того, чтобы оправдать труд и время, которые мы на это потратили.

Нам могут сказать, что ответ на первый вопрос сейчас не нужен, так как в России, по крайней мере, господство пролетариата—уже факт, и потому русским рабочим не нужно знать, как следует бороться за свое господство. Такая точка зрения, конечно, не верна, прежде всего потому, что русский рабочий класс есть только часть мирового пролетариата, и его победа еще не есть победа во всем мире, а, во-вторых, нам важно не только практическое осуществление русскими рабочими их победы, но и теоретиче-

ское осознание каждым из них, что тот путь, по которому они пошли, был, есть и остается единственно правильным путем, и что всякий иной путь неизбежно привел бы их к поражению и не к чему иному. Русский рабочий равно должен знать, почему до сих пор всякий раз неудачей кончаются попытки борьбы рабочих за освобождение в других странах, в чем их ошибки, и в чем главная вина и преступление всех тех предателей рабочего класса, которые упорно, закрыв глаза на все уроки истории, продолжают вести рабочих по ложному пути во имя, якобы, спасения «демократического государства» и во имя мирного перехода к социализму в противовес «ужасам большевистской диктатуры» и «дикой анархии», проявленной, якобы, русскими рабочими в их борьбе за свое господство.

Эти соображения, обвинения и упреки еще имеют силу для значительной части рабочих Западной Европы, и этими же аргументами пытаются воздействовать социал-предатели на наших рабочих, и потому точное и отчетливое представление об единственно возможном пути, при помощи которого рабочие всех стран единственно смогут даже в рамках архидемократического буржуазного государства сломать господство буржуазии и утвердить социалистический строй, должно быть усвоено,—повторяю,—каждым из рабочих во что бы то ни стало и какой-угодно ценой. Одна цитата из сочинений прежнего вождя революционных рабочих, а ныне вождя социал-предателей, Карла Каутского, покажет, насколько нужна еще эта работа.

«Благодаря демократии, — пишет Каутский, — становится возможной мирная форма пролетарской революции без кровопролития и насилия. Германская конституция, рожденная революцией, предоставляет пролетариату достаточные возможности для мирного завоевания политической власти. О насильственной отмене конституции не должно быть ни помысла, ни желаний».

И дальше: «Итак, через демократическую республику нормальным путем должно произойти завоевание политической власти пролетариатом. Демократическая республика—государственная форма диктатуры пролетариата. Демократическая республика—государственная форма осуществления со-

циализма. Диктатура с какой-угодно стороны для нас неприемлема» («Пролетарская революция и ее программа», стр. 171 и 174).

Так говорят нынешние представители социал-предательского социализма, нынешние вожди II Интернационала, клянущиеся именем пролетариата. Во имя этой цели Шейдеман и Носке были палачами германских рабочих в 1918 и 1919 гг. Во имя этой цели Гильфердинги и Давиды пошли в правительство Штреземана в сентябре 1923 г., и ныне формирует рабочее правительство вождь английских рабочих Рамзей Макдональд. Во имя этого понимания, во имя этой цели он продает буржуазии интересы рабочих. Во имя тех же целей Гомперс в Америке и Лонге во Франции удерживают революционных рабочих от борьбы против буржуазного государства. Во имя разоблачения всех этих социал-предателей каждый рабочий должен перед собой поставить и должен себе ответить на вопрос, которому мы посвящаем нашу последнюю беседу.

Кто же прав? Все эти соглашатели или русский рабочий класс? Все эти теоретики или русские революционные коммунисты? И действительно ли мыслим и возможен в рамках буржуазного демократического государства мирный переход от господства буржуазии к господству пролетариата с помощью тех легальных форм, которые дает рабочим нынешняя демократическая государственная форма?

Так стоит вопрос, и к разрешению его мы сейчас перейдем.

Чтобы яснее и отчетливее была постановка вопроса, для чистоты анализа мы возьмем ту государственную форму, которая является, как мы уже говорили выше, наиболее развитой формой буржуазной демократии, а именно форму парламентской демократической республики, построенной на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, полновластия парламента и переизбираемого в определенные сроки президента. Мы помним (об этом я говорил в прошлый раз), что основной предпосылкой развитой демократии является теория о том, что в ней равные и свободные граждане, равновеликие друг-другу, свобод-

ным голосованием определяют направление законодательной политики и деятельность исполнительной власти. Политическим выводом отсюда, который сделал первый, как вы помните, еще Лассаль, и который за ним с тех пор повторяют все оппортунисты, начиная от Бернштейна и кончая Каутским, был тот, что «невозможно, чтобы представители в парламенте не явились, в конце-концов, подлинным отражением и защитником интересов самого народа» (см. Лассаль, «Программа работника»). В интерпретации Каутского формула Лассаля получила следующий вид: по мере того, как рабочий класс организуется в мощную политическую партию, охватывающую в своем большинстве весь пролетариат, он проникается одной-единой политической программой, начинает представлять собой большинство населения в стране и большинство депутатов в парламенте и своим голосованием в последнем счете решит вопрос о существе государственной политики. Другими словами, путем парламентского голосования в рамках буржуазной демократии будет возможно завершить переход от господства буржуазии к господству рабочего класса. Такова эта теория. В еще более выпуклой и яркой форме эту теорию можно было бы изложить и представить следующим образом. Вот существует государственная машина. Машина эта представляет собой совокупность целого ряда рычагов, винтов, приводных ремней и пр. У руля этой машины стоят власть имущие, вожди, парламентарии, буржуазия. Они держатся постольку, поскольку избирающее их, голосующее население голосует за то, чтобы они стояли у власти. Голосование совершилось. Большинство получили представители рабочей партии. В силу того, что они получили большинство, буржуазные министры должны уйти в отставку. Президент формирует новый кабинет из представителей оппозиции, в данном случае из большинства рабочей партии. Новые вожди, стоящие у государственного руля, повертывают этот руль подобно тому, как в театре Мейерхольда или в Камерном театре двигаются то вправо, то влево рычаги макета. Колесо государственной машины, которое до сих пор вертелось направо, начинает вертеться влево и устанавливает социалистический строй. Если же где-нибудь

какой-нибудь представитель буржуазии или целая группа их посмеет оказать сопротивление новому порядку, в таком случае военный министр и министр юстиции примут соответственные меры, и под руководством бравого генерала, который только-что служил буржуазному порядку, все строптивые буржуа будут немедленно усмирены. Буржуазные судьи и прокуроры, только-что законопачивавшие в тюрьмы коммунистов, будут громить теперь буржуа и загонять их в тюрьмы за нарушение приказов нового правительства. При помощи штыков сама буржуазия загонит, таким образом, неповинующихся в социалистический рай. Вот каким образом в карикатурной, вульгарной форме можно представить себе теорию «мирного» «демократического» перехода от государства капиталистического к государству социалистическому через овладение государственной машиной. Эта теория, таким образом, предполагает, во-первых, что при всенародном голосовании большинство получит рабочая партия, что, получив большинство, в силу этого она обязательно станет у власти; во-вторых, что когда она станет у власти, то все ей непосредственно моментально подчинится вполне, и в частности государственная машина, и, наконец, что таким образом возможно осуществить переход к социализму. Увы! ни одно из этих положений не верно, и практика истории уже доказала, во-первых, что рабочая партия едва ли когда-либо сможет получить действительное большинство; во-вторых, что рабочая партия, если даже и получит большинство путем всенародного голосования, то это еще не значит, что она благодаря этому станет у власти; в-третьих, что, если она даже станет у власти, то это не значит еще, что государственная машина будет ей подчиняться, и, в-четвертых, что если даже государственная машина будет ей подчиняться, то и это еще не значит, что рабочая партия благодаря этому одному уже сможет осуществить социалистический порядок. Все это нужно, говорю, доказать. Все эти представления—результат основной ошибки, заключающейся в том, о чем мы говорили с самого начала. Такое воззрение есть результат ошибочного воззрения на государство, как на мертвый ме-

ханизм, как на мертвую машину, как на технический аппарат, отделенный от живой реальной действительности от общественных отношений, как таковых. Если мы раньше определили право, как отражение в писаной или неписаной форме реальных общественных отношений, то государство есть не что иное, как те же определенные порядком организованные и принудительным порядком поддерживаемые общественные отношения. А отсюда вытекает, что оно не есть механизм, не есть машина, и такое представление о нем есть то юридическое представление, над которым смеялся Энгельс, когда он говорил,—вы помните эту цитату,—что для юристов-цивилистов, профессоров государственного права и прочих «политиков по профессии» юридические нормы представляются самодовлеющими, имеющими самостоятельное бытие. Вот в этом представлении о государстве, как о некоей машине, которую можно по желанию, по произволу заставить вертеться направо и налево, и заключается корень той основной методологической ошибки, которую допускают добросовестные сторонники этого воззрения; недобросовестные сторонники допускают эту эту ошибку из совершенно иных соображений.

Этому механическому воззрению мы должны противопоставить наш марксистский подход. Однако, еще прежде попытаемся противопоставить ему чисто-фактические данные.

Какую картину представляет собой в настоящий момент любая страна Западной Европы с точки зрения соотношения сил в ее парламенте и формы ее правительства? Возьмите те же четыре страны, с которыми мы все время имели дело: Англию, Германию, Францию и Америку. Что мы имеем там в настоящий момент?

Возьмемте прежде всего современные, только-что закончившиеся выборы в Англии. Что они говорят? Консервативная партия получила 256 мест в парламенте, рабочая партия—191 место и либерально-буржуазная партия—159. Что это означает? Это означает, что классовые противоречия в Англии достигли такого положения, что ни одна из основных борющихся групп, борющихся политических партий, опирающихся на определенные классовые отношения, не получила большинства в парламенте. Что должен сделать ко-

роль Англии? Он должен сформировать кабинет из большинства. А большинства нет. Самое большое количество голосов получила консервативная партия, но консерваторы только-что потерпели на выборах поражение, они потеряли по сравнению с тем, что имели, около ста мест. Консерваторы не могут, по закону, составлять правительства, так как если либералы и рабочие соединятся против консерваторов, то большинства у последних нет. Болдуин не может вновь получить портфеля. Следующая партия рабочая. Но для того, чтобы она получила большинство, для этого необходимо, чтобы к ней присоединилась либеральная партия. Последняя также не может существовать без поддержки рабочей партии. Следовательно, может иметь место только коалиция, т.-е. временный политический блок двух разнородных в социальном отношении, борющихся и противоположных по своим классовым интересам групп. Таков итог, к которому пришла в настоящий момент Англия. Ничего нового по существу своему этот итог не представляет, так как и до этого времени рабочая партия имела значительное число депутатов в парламенте и всегда своими голосами поддерживала либеральную партию в ее голосованиях против консерваторов, Таким образом, блок был на деле всегда. Разница с настоящим положением заключается не только в том, что теперь блок должен быть оформлен юридически, но и главное в том, что вне этого блока вообще невозможно формирование какого бы то ни было правительства, и, главное, что решающее значение в этом блоке получили рабочие. В этом то новое, что принесли выборы 1923 г.

Историческое же значение этого последнего факта заключается в том, что он не только не является случайностью, но и, наоборот, объективной неизбежностью при тех отношениях политических сил в стране, какие, в свою очередь, обязательно складываются в условиях демократически-парламентской государственной формы в период максимального развития капиталистического порядка. Неизбежность коалиционного состава правительства с обязательным участием в коалиции рабочей партии,—вот к чему уже пришло парламентское развитие Англии параллельно

с ее крупно-капиталистическим развитием. Таков английский урок.

Возьмем Германию.

Современная Германия с момента революции 1918 года представляла собой также парламентарную демократическую республику. На тот путь, на который только-что вступает сейчас Англия (путь образования рабочего министерства), она вступила немедленно после революции. И коалиция буржуазных групп и социал-демократической партии являлась с 1918 г. до конца 1923 г. постоянной формой правительства Германии. Лишь в конце 1923 г., и то только на-время, Германия вернулась к чисто-буржуазному министерству. Наибольший расцвет этот принцип коалиции получил в эпоху штреземановского министерства с сентября по ноябрь 1923 г., когда принцип широкой коалиции был объявлен всеми партиями, и социал-демократами в том числе, единственно спасающим страну принципом. Эту политику коалиции мы находим не только как метод практической политики социал-демократов,—мы находим ее теоретическое оправдание у нынешнего предателя интересов рабочих, Карла Каутского. Вот как он обосновывает необходимость этой политики:

«Чисто-буржуазная власть при демократическом государстве отделена от чисто-пролетарской власти периодом времени, в течение которого совершается превращение первой во вторую. Этому соответствует и переходный политический период, в течение которого правительство, как общее правило, имеет форму коалиции» («Пролетарская революция и ее программа», стр. 137) и дальше: «Отказ от коалиции есть следствие непонимания классовой борьбы. Не кто, как Маркс, боролся против этого. Речь идет о том; когда пролетариат еще недостаточно силен, чтобы образовать свое собственное правительство, но в силах устранить всякое правительство, ему враждебное. Здесь вопрос стоит так: буржуазное правительство милостью пролетариата (там же, стр. 133, курсив наш).

Так пишет Каутский в 1922 г. В 1910 г. и по тому же

поводу писал: «Участие социал-демократии в коалиционном правительстве, в блоках с буржуазными партиями было бы самоубийством, оно было бы равносильно тому, что социал-демократия продает свою политическую силу буржуазному правительству» («Путь к власти»).

Эти две цитаты дают прекрасный и до известной степени верный анализ того объективного положения, которое создается, как мы видели, и в Германии и в Англии. Другой вопрос, почему Каутский делает отсюда в 1923 г. практический вывод диаметрально-противоположный тому, который он делал в 1910 г. Объективный анализ от этого не делается иным. Суть его в том, что на определенной стадии развития капиталистических отношений при условиях парламентарно-демократической государственной формы буржуазное правительство *) не может существовать иначе, как при помощи или опираясь на союз с представителями рабочей партии в парламенте, которые на этот предмет, беря формулу Каутского 1910 г., «продают буржуазии свою политическую силу».

Таково положение в Германии. Коалиционный блок всех партий, кроме крайних левых, кроме коммунистов,—таков этот итог. В Германии он начат Шейдеманом и Носке, продолжен Гильфердингом и Давидом и оправдан «Форвертс» и Каутским. Макдональд, новый премьер-министр Англии, только-что еще вступает на этот путь. Нет ни малейшего сомнения, однако, в том, что он добросовестно и последовательно пройдет этот путь полностью. Итак, коалиция,—таков итог развития парламентаризма в Германии.

От Германии обратимся к Франции. Роль всех оттенков французской социалистической партии во время империалистической войны известна. Начиная от гэдистов и кончая анархо-синдикалистами, все они в период войны фактически поддерживали правительство, т.-е. осуществляли блок. Еще раньше Франция была первым застрельщиком

*) Но не пролетарская. В этом заведомом отказе от активной борьбы и состоит предательство соглашателей.

той же теории блока и коалиции, когда в 1900 г. в случае с Мильераном, теперешним президентом Франции, первая дала пример вступления социалистов в буржуазное правительство. Именно тогда по этому поводу Каутский ломал копья против Жореса и Мильерана и против какой бы то ни было коалиции, совершенно основательно утверждая, что «самое существо задачи, выступающей перед пролетариатом, исключает всякие, какие бы то ни было блоки и коалиции с буржуазными партиями» («Путь к власти»). С тех пор буржуазная Франция, как Франция современная, так и Франция времен дрезденского и амстердамского конгресса 1904 г., давно уже существует исключительно благодаря «коалиции», что не мешает, однако, как мы видели, тому, что Франция является по сю пору застрельщиком самой гнуснейшей и наглой политики империалистических захватов, оплотом мировой реакции и страной, где хищническое господство буржуазии не знает никаких пределов. Так обстоит дело во Франции *).

Наконец, Америка. В Америке идет борьба двух политических групп — демократической и республиканской буржуазных партий. На деле обе эти партии могут существовать, как партии господствующие до тех пор, пока третья сила—американский рабочий класс—не восстала против них. Но американский рабочий класс не может восстать, пока во главе руководящих органов американского пролетариата стоят соглашатели Гомперс и К°. Благодаря политике последних американский пролетариат идет на поводу у буржуазии. Америку ожидает тот же путь, что и Англию и Германию, с той только разницей, что, в то время как Германия переживает уже критический период коалиции, Англия его только начинает, Америка же едва перешла в приготовительный класс.

Чему же учат нас эти факты? Эти факты учат нас прежде всего тому, что по мере развития капитализма буржуазия расслаивается на ряд конкурирующих между собой групп, не дающих возможности создать устой-

*) В настоящий момент, после новых выборов 1924 г., Пуанкаре ушел в отставку, и образован кабинет Эррио с участием социалистов. История повторяется.

чное буржуазное большинство. Отсюда вытекает неизбежный блок с социалистами. Эти последние, однако, в свою очередь, переживают равным образом не менее неизбежную эволюцию.

Чтобы понять, почему буржуазия не в состоянии создать своего самостоятельного устойчивого большинства и вынуждена обратиться к помощи рабочей партии, от этих констатированных фактов, сделавшихся основными фактами политической парламентской жизни крупнейших буржуазных стран, мы должны спуститься еще ниже, в самую глубину экономических отношений, и посмотреть, что там происходит, так как, только так подойдя к вопросу, мы сможем правильно понять и оценить эти последние явления.

Какую же картину мы имеем там?

В области экономических отношений в качестве повсеместно господствующей фазы экономического развития мы имеем в это время ту фазу капитализма, которая в настоящее время в науке именуется империалистской фазой или фазой империализма. Что же такое этот последний?

Для анализа экономического существа империализма никто не сделал больше, чем нынешний вождь германских социал-предателей Гильфердинг в своем «Финансовом капитале». По Гильфердингу, империализм есть та фаза развития капитализма, при которой управляющая роль в промышленности и производстве в общенациональном масштабе принадлежит воротилам банкового и промышленного капитала, целиком господствующим на внутреннем рынке своей страны. Основой могущества этой финансовой и промышленной олигархии является уже достигнутое ею объединение всего производства своей страны в руках немногочисленных групп руководителей трестов и иных капиталистических союзов, монополистов на внутреннем рынке, не знающих в силу этого никаких границ своему экономическому могуществу. Эти «некоронованные короли» угля, железа, стали в своей стране полные господа. В экономической борьбе они сталкиваются только с такими же монопольными объединениями монополистов других стран. В дальнейшем наиболее сильные из них расширяют границы своего могущества далеко за пределы своей собственной

страны, в результате чего на место национальных монопольных объединений капитала возникают интернациональные объединения. Отсюда борьба за проникновение капитала данной страны на территорию другой страны, за расширение своего господства за пределы национальных границ, за захват промышленной гегемонии на мировом рынке становится целью, во имя которой эти монопольные национальные и интернациональные объединения капитала выступают на мировую арену. Этот-то момент развития капитализма, или, вернее, его перерождение в ряд интернациональных объединений промышленного и банкового капитала, борющихся между собой за мировую гегемонию и мировое владычество, Гильфердинг и называет империалистской фазой развития капитализма. Политическим выражением этой эпохи явились империалистские войны, в том числе грандиозная мировая война 1914—1918 гг., предсказанная наиболее дальновидными теоретиками социализма, в том числе в свое время Каутским еще в 1910 г. Объективная неизбежность этих империалистских войн за мировое господство, за новый передел мира, за подчинение своему влиянию малокультурных стран, за превращение своего государства в империю, объединяющую под своей властью самые разнообразные народности и племена, превращающее их либо в колонии—поставщики сырья, либо в колонии—рынок сбыта,—таковы политические и экономические цели, которыми пропитывается в эту эпоху капиталистического развития вся политика буржуазных государств. В этом сущность так-называемой империалистской политики. Однако, эти новые формы экономического быта народов находят свое отражение не только во внешней политике современных буржуазных государств. Небывалому экономическому могуществу этих некоронованных королей должно отвечать не меньшее их политическое могущество внутри страны. Никакие империалистские войны, ведущиеся правительствами во имя доставления новых прибылей капиталистическим королям, не могли бы иметь места, если бы государственная власть данной страны не находилась в полном подчинении у тех же национальных объединений капиталистов. Господство капитали-

стов над правительством, превращение последнего в пешку в руках финансовых и промышленных воротил,—вот что представляет собой на деле политическая и государственная система буржуазных государств повсеместно в момент наступления этой фазы капиталистического развития. Но это-то и есть тот основной политический факт, с которым мы уже столкнулись при изучении политического состояния крупнейших современных государств. Никакие войны не были бы мыслимы в Англии, если бы состав английского парламента был иной, чем тот, который мы обрисовали по данным статистики выборов 1920 г. И никакое участие Америки в империалистской войне не было бы возможно, если бы американский сенат не формировался, не управлялся, не покупался и не продавался оптом и в розницу, так, как это обрисовал Петигру, описывая выборы президента Гардинга. И все же эти данные являются по существу только слабыми иллюстрациями действительной политической мощи буржуазии. Реальная политическая власть буржуазии далеко не исчерпывается численностью ее классового представительства в парламенте. На самом деле она гораздо сильнее и более соответствует степени ее экономического могущества, и, наоборот, именно парламент менее всего способен правильно отражать ее действительную политическую силу. Последнее происходит потому, что в парламенте рядом с буржуазией заседают представители других слоев населения, в том числе представители рабочих, в то время как на деле вся сплошь исполнительная власть, т.-е. все органы государственной машины, в лице ее основных командных верхов, верхушек армии, чиновничества, церкви, науки и т. д., заполнена исключительно представителями буржуазии, т.-е. людьми, неразрывными узами связанными именно с буржуазией, как с классом, живущими ее симпатиями или антипатиями, ее идеями и интересами, и не за страх, а за совесть готовыми потому до последней капли крови отстаивать ее господство, существующий порядок и основы капиталистического строя. Деньги, чины, ордена, личный почет и уважение, возможность широко жить и управлять,—все это дал им буржуазный строй. При таком по-

ложении даже и без обязательного подкупа (а мы на примере Америки видели, что подкуп играет не последнюю роль в политических махинациях буржуазных воротил) эти командующие верхи государственной машины на деле являются теснее связанными с буржуазией, чем с парламентом, которому, по закону и конституции, они, якобы, подчинены.

Такое положение вещей мы имеем сейчас в Западной Европе, даже при наличности архидемократических государственных форм, всеобщего избирательного права и т. д.

Экономическое и политическое господство незначительной по количеству группы промышленных воротил,—таков, таким образом, основной факт, который мы выше констатировали. Этого еще мало, однако, для того, чтобы укрепить формально ее господство в парламенте и в стране, так как реально-то воюют на войне, платят налоги и работают на фабриках и заводах не эти воротилы, а трудящееся население, рабочие и крестьяне. Отсюда забота о том, чтобы держать в повиновении эти слои населения,—такова основная политическая забота буржуазии. Неслыханная эксплоатация населения со стороны королей промышленности порождает, в свою очередь, не только рост сознательности, но и усиление организованности рабочего класса, как такового, выступающего в этот момент на политическую сцену, как политически организованный класс. Этот факт порождает также недовольство и среди мелкобуржуазных слоев населения, которые становятся в силу этого в оппозицию по отношению к правящей крупно-капиталистической клике. Либерально-буржуазная оппозиция проникает в парламент и фактически получает там большинство. Отсюда заботы о том, чтобы удержать это парламентское большинство «в сфере своего влияния», как говорится в кулуарах палаты, делаются основной трудностью для правящих воротил. Сравнительно легко ей удается этого достигать только до тех пор, пока в парламенте не появляются строго-выдерживающие классовую линию в политике представители пролетариата. С этого момента дело сразу осложняется, и на сцену, *как объективно неизбежный факт, появляется блок мелкой буржуазии и пролетариата в парламенте против крупно-капиталистических верхов.*

Таким образом, одинаково логически-неизбежным следствием наступления империалистской фазы развития капитала является, с одной стороны, фактический захват власти монополистами капитала, держащими на откупу все правительство, а с другой—рост либеральной и рабочей оппозиции и объективный блок мелкой буржуазии и рабочего класса против крупной буржуазии и финансовых воротил. Противоречие классовых интересов ударяющейся в военщину и империалистские помыслы крупной буржуазии, с одной стороны, и радикально-настроенной мелкой буржуазии—с другой, приводит к тому, что вместе друг с другом они более уже не в силах создать сплоченное и устойчивое парламентское большинство. Яростная вражда друг с другом разделяет также крупно-промышленные группы, стремящиеся путем отдельных парламентских комбинаций перетянуть на свою сторону мелкобуржуазных депутатов парламента. Закулисный торг за министерские портфели, подкуп и застращивание с обеих сторон пускаются во-всю. Этот период является до настоящего времени обычным для Америки, Франции и Англии. Как общее правило, власть юридически за все это время находилась в руках представителей мелкобуржуазного либерального или радикального большинства (радикал-социалисты и «левый» блок во Франции, либеральная партия в Англии, национал-либералы в Германии, и т. д.). Так было, однако, только до того момента, когда власть по мере усиления представительства социалистов в парламенте и по мере разочарования мелкой буржуазии в своих вождях стала грозить привести к социалистическому большинству (министерство Шейдемана и Носке в Германии, Макдональда в Англии, Керенского в России, и т. д.). Изверившаяся в своих вождях буржуазия начинает отдавать свои голоса социалистической партии. Теперь социалисты превращаются если не в главенствующую силу, то в кандидаты в главенствующую силу в парламенте. Представители либеральной буржуазной оппозиции и представители рабочей партии начинают составлять блок, который на этот раз формально возглавляется социалистической партией. Это-то и есть тот момент, который мы выше констатировали в Англии и в Германии при изучении фактического

соотношения сил в их парламентах сейчас. *Блок социалистов и радикальной мелкой буржуазии против крупно-промышленных олигархов, на основе большинства в парламенте и под руководством социалистов,—таков этот конечный этап формального развития парламентаризма,* наступающий тем верней с объективной неизбежностью, чем в большем *кричащем противоречии в то же время находится он с реальной политической и экономической* мощью крупной буржуазии в данной стране. Этот блок является лишь объективным политическим отражением той остроты классовых противоречий, когда, по выражению Маркса, капиталистический базис и политическая надстройка *уже не могут дальше существовать рядом, и одна из них должна уступить.*

Позвольте теперь вернуться к рассмотрению того, что же *на деле* означает это получение оппозиционным блоком мелкой буржуазии и рабочего класса большинства как в парламенте, так и в стране.

Циничная политика буржуазии, озлобление масс в результате разорения, приносимого империалистскими войнами, недовольство мелкой и средней буржуазии политикой правящей клики, рост организованности и революционной сознательности рабочего класса,—вот что создает этот блок мелкой буржуазии и рабочих в стране. Может даже случиться и не так, как в Англии, где рабочая партия стала на второе место в парламенте,—она может стать полностью на первое место и формально получит абсолютное большинство как в парламенте, так и на выборах (сравни пример русских с.-р. на выборах в учредительное собрание в 1917 г.). Будет ли, однако, это формальное большинство голосов, полученное на выборах, означать действительное большинство *социалистов* в стране, при чем настолько прочное, что оно гарантирует рабочей партии захват власти и радикальную социальную реформу в духе социалистической революции?

Никоим образом. Блок, к которому должна прибегать в парламенте рабочая партия, чтобы получить большинство, есть блок обоюдный, и голосующие за рабочую партию пред-

ставители городской и мелкой буржуазии оттого, что они голосуют за Макдональда или хотя бы даже за Либкнехта, Чернова и даже Ленина, еще не перестают от этого быть мелкими буржуа. Более того: если их предоставить самим себе, то они голосуют и будут голосовать за Либкнехта в Германии, за Макдональда в Англии, за Ленина в России лишь до тех пор, пока рабочая партия не поставит ребром вопроса о социальной революции, как свою программу сегодняшнего дня, т.-е., другими словами, они пойдут за ней только до тех пор, пока она остается только крайней демократической левой, но, тем не менее, буржуазно-демократической партией в парламенте.

Целый ряд исторических фактов подтверждает это наше утверждение.

«Митляуферы», т.-е. «попутчики»,—так называл их когда-то Каутский в своем анализе причин роста и затем поражения германской социал-демократии на выборах в рейхстаг в 1907 г. Германская с.-д. фракция в рейхстаге с 83-х депутатов по выборам 1903 г. упала тогда до 47-ми. Это не помешало той же партии получить на выборах 1910 г. уже 110 мест. Решающим моментом, обусловливавшим колебание голосов, послужил партейтаг германской социал-демократии в 1906 г. в Иене, когда под непосредственным влиянием русской революции 1905 г. германская социал-демократия приняла решение бороться за социальную революцию всеми мерами, вплоть до всеобщей стачки. Такая постановка вопроса оказалась уже неприемлемой для мелкобуржуазных групп, и они откатились назад с такой же быстротой, с какой перед тем голосовали за социал-демократию. В еще более крупных размерах та же картина повторилась в последние годы, в 1918—1919—1920 гг. в Германии.

Мелкий буржуа двойственен по своей природе, и история одинаково знает примеры как поразительного геройства со стороны мелких лавочников и крестьян, проявленные ими на баррикадах вместе с рабочими в период исторических кризисов, так и картины необычайных зверств, проявленных ими же по отношению к рабочим, как это

было в июньские дни 1848 г. во Франции, после поражения Парижской Коммуны в 71-м году или у нас в России после неудачи декабрьского восстания в Москве в 1905 г. или в июльские дни 1917 г. Мелкий лавочник и крестьянин почти равномерно поставляют в этих случаях из своей среды как погромщиков, «хитрованцев» или «сенновцев» и деятелей «союза русского народа», «двухглавого орла», так и бесстрашных и последовательных борцов за революционный коммунизм, приобщившихся к борьбе пролетариата, несмотря на то, что они являются выходцами из мелкобуржуазного класса. Ту же картину дает весь класс мелкой буржуазии в целом. Для того, чтобы мелкий буржуа пошел за социальной революцией последовательно, до конца, нужно или его непосредственно чем-нибудь в этой революции заинтересовать, или его поставить перед ней, как перед совершившимся фактом. Но и в этом последнем случае вопрос об его дальнейшем поведении останется далеко не выясненным. Рассчитывать же на мелких буржуев, что они завтра пойдут за социальной революцией до конца только потому, что они сегодня голосовали вместе с рабочими,—такой расчет является безусловной политической ошибкой и проявлением явной политической близорукости.

Получение большинства социалистической партией на выборах, таким образом, абсолютно не означает еще, что о н а уже имеет за собой, как за партией переворота, действительное большинство населения. Более того: получение этого большинства в нормальных условиях и не в эпоху революционного кризиса означает скорее как-раз обратное, а именно, что партия по своей практике, в и д и м о, п е р е с т а л а или п е р е с т а е т б ы т ь р е в о л ю ц и о н н о й и с о ц и а л и с т и ч е с к о й п а р т и е й, иначе она большинства не получила бы. Опыт показал: п о п у т ч и к и о т к а т ы в а ю т с я о б ы к н о в е н н о н е м е д л е н н о н а з а д, к о г д а п а р т и я с т а в и т н а о ч е р е д ь в о п р о с о с у щ е с т в е с о ц и а л ь н о г о п о р я д к а и с о ц и а л ь н о й р е в о л ю ц и и.

Так было за все эти годы в Германии. Мы имели за все эти годы в Германии господство социал-демократии, кото-

рое опиралось в первую очередь на голоса рабочего класса и на «митляуферов», на голоса мелкой и средней буржуазии. Это был блок мелкой буржуазии и рабочего класса. И всякий раз, когда в течение этих лет история ставила на очередь вопрос о социальной системе и о социальном перевороте, как это было в начале 1918 г., как это было во время восстания, жертвами которого пали Либкнехт и Люксембург, и, наконец, в октябре 1923 года, мелкобуржуазные группы населения, и в частности мелкобуржуазные оппортунисты германской социал-демократии, все силы употребляли на то, чтобы *не допустить торжества революции*, и затем путем блока с буржуазией *спасали* существующий буржуазный строй.

Только в России история пошла иным путем. Но в России была иная и тактика рабочей партии. Последняя не только не стала ждать большинства на выборах или в парламенте, но и повела открытую революционную борьбу, несмотря на то, что большинство на выборах в учредительное собрание получили ее противники. Успех Октябрьской революции обусловливался вовсе не тем, что большинство страны голосовало за социалистов. Суть этого успеха заключалась в том, что составлявшие большинство в стране русские крестьяне только в блоке с революционными рабочими увидели для себя возможность, во-первых, заключить мир и, во-вторых, *реально* получить землю, что и решило борьбу, так как взять ее иначе не представлялось возможным. К подробному рассмотрению этого факта мы еще вернемся. Пока-что отметим только одно,— что и в России, как и в Германии, голосование мелких буржуа за социалистов отнюдь не означало ни того, что мелкая буржуазия за социалистами пойдет до конца, как это случилось в России, ни того, что она за ними не пойдет, как это случилось в Германии. По существу, это голосование *ровно ничего не означало*, кроме указания на то, что, следовательно, в стране имеются налицо предпосылки, свидетельствующие о *возможности политического союза мелкой буржуазии и рабочих, но и только*. Только возможность, и отнюдь не больше. Самое же закрепление этого блока и *превращение его в тесней-*

щий политический союз для борьбы до конца зависят, как показал тот же опыт России, уже от совершенно иных причин.

Вот ответ, который приходится давать на первый вопрос о том, означает ли, что рабочая партия получает реальное большинство в стране, если она в результате голосования получит большинство на выборах. Наш ответ: не означает. Во всяком случае, кроме симптоматического, другого значения получение этого большинства не имеет и для политики партии не может явиться ни в коей мере решающим. Этого относительного значения получения большинства на выборах не хотят видеть,—вернее, не хотят учитывать,—представители оппортунистического социализма, для которых получение такого большинства есть альфа и омега всей политической премудрости, и на ожидании которого они строят всю свою политику.

Позвольте теперь перейти ко второму вопросу, который нами был поставлен в начале беседы: может ли рабочая партия стать у власти, если она даже получит большинство в парламенте и стране? Таков был второй поставленный нами вопрос.

Что означает в данном случае «стать у власти»? Фактически этот вопрос сливается с третьим. Получит ли она реально власть?

Мы с неменьшей категоричностью, чем на первый, отвечаем отрицательно и на этот второй вопрос. Получение большинства на выборах еще не означает получения реального большинства в стране. Получение большинства в парламенте еще не означает реального получения власти.

История современных Германии, Италии, Англии и ряда других стран позволяет утверждать это совершенно категорически. Об этом нам говорил, впрочем, тот же Каутский в 1902 г. «По мере того,—писал он тогда,—как растет значение социал-демократии в парламенте, падает значение самого парламента». Все то, что мы говорили выше о реальном значении, которое получают в хозяйственной и политической жизни страны воротилы капитализма, нужно сейчас вспомнить, чтобы понять причины факта, который тот же Каутский констатировал уже 20 с лишним лет на-

зад. Для этих воротил парламент фактически является совершенно ненужным. Все государственные сделки и все основные государственные акты, даже вопросы войны и мира разрешаются в кулуарах и кабинетах финансовых воротил и дельцов, независимо от парламента и помимо парламента. Это обстоятельство является настолько общеизвестным фактом, что оно нашло свое отражение даже в литературе. Ярко и талантливо все эти закулисные махинации финансовых дельцов и послушных им парламентских клоунов изобразил Мопассан в своем классическом романе «Бель-Ами» («Милый друг»). То положение вещей, которое Петигру обрисовал по поводу выборов президента Гардинга и Версальского договора—другая иллюстрация того же факта. При таком положении вещей считать, что одного получения большинства в парламенте достаточно для завоевания реальной власти, является не меньшей утопией, чем полагать, что для этого достаточно получить большинство на выборах, ибо параллельно с тем, как идут отмирание и уменьшение действительной роли парламента и законодательной власти, идет реальное усиление значения исполнительной власти. Об этом писал опять-таки тот же Каутский, который тогда же, в 1902 г., указывал, что «государственная власть никогда не была так сильна, как теперь, или, вернее, никогда ее экономические средства не достигали такого развития» («На другой день после социальной революции»). В руках исполнительной власти армия, полиция и деньги. «Столь же мало,—продолжает он,—как и от вооруженных восстаний, можем мы ожидать крушения существующего строя и от финансовых затруднений». Таким образом, для Каутского уже тогда была ясна объективная независимость исполнительной власти от власти законодательной, т.-е., другими словами, правящей клики от парламентского большинства, а следовательно, было ясно, или, по меньшей мере, должно было бы быть ясным, что о д н о г о з а в о е в а н и я парламентского большинства недостаточно для того, чтобы реально получить власть, во-первых, и что номинальное получение власти, даже если бы оно имело место, в свою очередь, не означает еще ее реального получения.

«Парламент бессилен,—продолжает Каутский,—но он может возродиться к новой жизни лишь тогда, когда его завоюет вместе с государственной властью полный действенных сил пролетариат и заставит его служить своим целям».

Так писал Каутский еще в 1902 г., и тогда этим совершал ошибку, пышным цветом расцветшую через 20 лет, в 1922 г., когда, исходя из тех же предпосылок, Каутский сделал вывод (мы приводили его выше), что «только мирным путем, через демократическую республику и парламент, пролетариат может завоевать власть». Возродится или нет парламент когда-либо,—это мы увидим ниже, но что центр завоевания власти лежит вне парламента, это было ясно Каутскому уже тогда, и доказано было затем многократно фактами политической жизни последних лет, и в особенности опытом Германии, вдребезги разбившим все ожидания Каутского.

Реальная действительность сложилась в своей первой половине именно так, как об этом писал Каутский, т.-е. в форме диктатуры исполнительной власти над законодательной и фактического бессилия парламента. Его фактическая ненужность для финансовых воротил привела затем к тому, что откровенную, ничем не прикрытую эту же диктатуру буржуазия немедленно выдвинула как программу дня, как только угрозы пролетариата использовать свое большинство в своих классовых интересах обрисовались на горизонте с достаточной серьезностью.

Фашизм,—вот ответ, который дала буржуазия во всей Европе за последние два года на притязания пролетариата к реальному использованию своей силы как в парламенте, так и вне его. Фашизмом ответила буржуазия, как только почуяла угрозу, и откровенная проповедь упразднения парламента сделалась с этого момента политической программой. Парламент больше не нужен, так долой парламент! Долой парламент в Италии, и да здравствует Муссолини! Долой парламент в Германии, и да здравствует генерал Сект! Долой парламент в Англии, если Макдональд осмелится действительно бороться за социальную революцию! И уж, конечно, долой парламент в Америке,

если найдется дерзкий, который осмелится посягнуть на господство Морганов, Рокфеллеров, Юзов, Гардингов и им подобных! Диктатура фашизма,—таков второй этап дальнейшей эволюции государственных форм Западной Европы, которая намечается сейчас, как логически неизбежный путь этого развития. Он неизбежен в целях приведения в соответствие устарелой политической надстройки с реальным экономическим базисом и реальным значением буржуазии. Пока последняя еще твердо стоит на ногах, и пока устои ее власти не взорваны, в свою очередь, новыми создавшимися в недрах самого капитализма силами организованных рабочих. Диктатура фашизма в таком случае для буржуазии есть не менее неизбежный и единственный исход.

Болтовня Каутского о «мирном пути развития» делается в этих условиях не только смешной, но и прямо издевательской над всеми стремлениями пролетариата к освобождению. Парламент и парламентские министры получают значение для буржуазии лишь постольку, поскольку им удается дело, для которого их еще терпят финансовые дельцы, т.-е. дальнейшее одурачивание рабочих масс. Ц е з а р и з м,—вот что вырисовывается, как д а л ь н е й ш а я п е р с п е к т и в а р а з в и т и я. Для буржуазии парламент становится ненужным, так как она и без него хорошо устраивает свои дела. Старая политическая надстройка трещит и расползается по всем швам. Тогда-то наступает социальная революция.

Н о и н а ч е, к а к ч е р е з н а с и л и е, она не может произойти,—таков последний итог, к которому приводит с неумолимой логикой анализ создавшегося положения вещей. Не иначе, как через насилие, так как все другие пути отрезаны. «Насилие было всегда повивальной бабкой старого строя, когда он чреват новыми»,—писал Маркс. Энгельс также это недурно понимал. «Стреляйте первыми»,—писал он некогда по адресу буржуазии, предвидя такое обострение положения, при котором «пушки сами начинают стрелять». «Стреляйте первыми»,—говорил он, ибо видел, что другого выхода нет, и в этом его вызове заключался правильный ответ на третий вопрос, поставленный в начале нашей беседы: п о д ч и н и т с я л и н о в о м у п р а в и-

тельству вся старая государственная машина, если даже новое правительство из рабочих станет у власти в результате получения парламентского большинства?

Если рабочая партия станет у власти, это еще не будет означать, что старая государственная машина без боя подчинится ей и станет служить ее целям,—таков ответ, который приходится дать на третий из поставленных нами вопросов.

Опыт жизни говорит за то, что этого также не последует. Когда генерал Лоссов в Баварии не подчинился распоряжению центрального правительства Штреземана, что сделал Штреземан с Лоссовым? Ничего. Ничего потому, что Лоссов был не один. За его спиной стояли вся баварская черная сотня, вся баварская буржуазия, а за ней в виде резерва вся крупнобуржуазная промышленная буржуазия Германии. Ответом на приказание Штреземана была попытка фашиста Гитлера свергнуть правительство Штреземана. Так ответила часть германской буржуазии на попытку буржуазного же правительства. Как же ответит вся германская буржуазия, держащая в руках всю государственную машину, на попытку разрушить буржуазный государственный строй? Она ответит фашистским переворотом, при чем, как это показал опыт России, она ответит гражданской войной даже в случае первоначальной победы пролетариата. И в том, и в другом случае пролетариату для того, чтобы реально обеспечить себе власть, прежде всего придется вдребезги разбить всю старую государственную машину. Другого выхода у него нет, ибо опять-таки, согласно русскому опыту, именно эта машина, т.-е. живые люди, ее составляющие, теснейшим образом связанные с прежним буржуазным строем, от него жившие и им питавшиеся,—оказали у нас в России и тем паче окажут его во всех иных странах самое упорное сопротивление.

Это предвидел целиком Карл Маркс, когда в «18-м брюмера» писал: «Все политические партии, которые были до сих пор, все свои усилия направляли на то, чтобы завое-

вать государственную машину и заставить её служить своим целям. Рабочий класс не может завоевать государственной машины,—он должен ее разбить». И в другом месте: «В то время, как все перевороты усовершенствовали эту машину, пролетариат должен разрушить, сломать ее» («Письма к Кугельману»).

Так отвечал Маркс на вопрос о возможностях завоевания государственной машины в противоположность Лассалю и его панегирику всеобщего избирательного права и в противоположность Каутскому 1904 г. и Каутскому 1924 г., в противоположность всем оппортунистам всех стран и всех времен. Государственная машина не есть мертвый механизм, а есть определенная группировка лиц, имеющих свои классовые интересы и их отстаивающих. Она не подчинится новой власти и будет бороться с ней. Наш теоретический вывод получил блестящее подтверждение на практике. Таков ответ на третий вопрос, который приходится дать. И, наконец, последний ответ на четвертый вопрос.

Если бы даже государственная машина подчинилась новой власти, то означает ли это, что рабочей партии, ставшей у власти, удастся осуществить социалистический переворот? И на это приходится дать отрицательный ответ. *Без гражданской войны, без упорной борьбы, без кровавого насилия, без самых жестких форм диктатуры, этого не удастся новому правительству,—таков последний ответ.*

Отсюда вытекает последний вопрос — *о средствах борьбы.*

Двум величайшим вождям рабочего движения и революционным практикам пролетарской борьбы—Марксу и Ленину—мы предоставим теперь слово для получения ответа на этот последний вопрос.

«Пролетариат воспользуется своим политическим господством для того, чтобы *отнять* у буржуазии весь капитал, *централизовать* его в руках государства, т.-е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата. Это может совершиться только *деспотическим* вторжением в право частной собственности» (курсив наш).

(«Коммунистический Манифест», стр. 46). Так пишет Маркс. Для этого он требует:

«Чтобы разоблачить демократию в ее гнусной измене рабочим, необходимо организовать и вооружить пролетариат, вооружить винтовками, револьверами, амуницией и пр., при чем это должно быть сделано немедленно. Мы не должны допустить возрождения старой, буржуазной полиции, направленной всегда против рабочих. Рабочие должны организоваться в независимую пролетарскую гвардию со своими собственными начальниками и генеральным штабом и стать под команду не официального правительства, а революционно-рабочего правительства. Ни под каким предлогом рабочие не должны разоружаться, противодействуя всем попыткам вооруженным отпором. Необходимо порвать с буржуазной демократией, несмотря на ее триумф. Создание независимой пролетарской гвардии, вооружение рабочих, создание собственного, рабочего правительства,—вот те главные пункты, которые пролетариат должен иметь в виду во время предстоящего переворота». И в другом месте:

«Для того,—пишет Маркс,—чтобы иметь действительную возможность дать отпор мелкобуржуазным демократам, в первую очередь рабочим необходимо централизовать свои рабочие клубы. После свержения официального демократического правительства этот централизованный аппарат под руководством Центрального Исполнительного Комитета образует генеральный штаб в центре движения... Это есть один из самых важных пунктов нашего плана». «Демократические плоские фразы республиканцев, именующих себя «социал-демократами», «красными», не должны ввести рабочих в заблуждение. Мы не можем позволить, чтобы общины и провинции стали препятствием революционной деятельности, проводимой центром... Обязанность революционной партии—централизовать нацию» (подчеркнуто нами).

У Владимира Ильича мы находим по тому же поводу

следующие огненные строки. Они были посвящены декабрьскому вооруженному восстанию в Москве:

«Декабрь подтвердил наглядно еще одно глубокое и забытое оппортунистами положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство, и что главное правило этого искусства — отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное наступление. Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало. Мы должны наверстать теперь упущенное нами со всей энергией. Недостаточно группировок по отношению к политическим лозунгам,—необходима еще группировка к вооруженному восстанию. Кто против него, кто не готовится к нему, того надо беспощадно выкидывать вон из числа сторонников революции, выкидывать к противникам ее, предателям или трусам, ибо близится день, когда сила событий, когда обстановка борьбы заставят нас разделить врагов и друзей по этому признаку. Не пассивность должны проповедывать мы, не простое «ожидание» того, когда «перейдет» войско,—нет, мы должны звонить во все колокола о необходимости смелого наступления и нападения с оружием в руках, о необходимости истребления при этом начальствующих лиц и самой энергичной борьбы за колеблющееся войско».

Потом же в 1906 г. он писал:

«Будем помнить, что близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание. Оно должно быть по возможности единовременное. Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу. Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу. Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс, беспощадное истребление врага станет их задачей; организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войска будут втянуты в активную борьбу. Партия сознательного пролетариата должна выполнить свой долг в этой великой борьбе».

Так писали Маркс и Ленин, и жалкой издевкой перед этими великими заветами представляется трусливое фило-

софствование Каутского, осмеливающегося теперь еще поучать немецких рабочих тому, что «современная демократия предоставляет все возможности к нормальному ходу пролетарской революции. Большинством народных представителей в демократическом парламенте пролетариат завоюет власть, что гарантирует ему и экономическую власть, без нарушений производительных сил, в результате чего он может черпать обеими руками полученное богатство».

Как же обстоит все-таки дело с парламентом, и вытекает ли из вышеприведенных цитат, что с парламентом вообще надлежит покончить, и что рабочей партии вовсе не нужно обращать на последний внимания? Ничего подобного. По этому поводу у тов. Ленина мы находим следующие указания:

«Прежде всего, большевикам никогда не удалось бы достичь победы, если бы они не провели правильной тактики соединения нелегальной работы с обязательным использованием «легальных» возможностей. В реакционнейшей думе большевики завоевали себе всю рабочую курию. Свою победоносную борьбу против парламентской буржуазно-демократической республики большевики начали очень осторожно и подготовляли ее не так-то просто. Мы не призывали сразу к свержению правительства, а разъясняли невозможность его свержения без предварительных изменений в составе и настроении советов. Мы не провозгласили бойкота буржуазному парламенту, учредилке, а говорили с апрельской конференции нашей партии (1917 г.), что буржуазная республика с учредилкой лучше такой республики без учредилки, а рабоче-крестьянская, советская республика лучше всякой буржуазно-демократической, парламентской республики. Идя в парламент, партия большевиков не забывала своего пролетарского первородства. Депутаты парламента от нашей партии пошли в Сибирь вместо дорожки, ведущей к министерским портфелям в буржуазном правительстве. Революция 1917 г. еще раз проверила нашу партию. Была создана демократическая республика, мы не пошли ни на какие соглашения со «своими» империалистами, не пошли к министерским портфелям, а подготовляли свержение буржуазно-демократического правительства, фор-

мально входя в учреждения буржуазной республики—предпарламент, учредительное собрание. Искусство политики и правильное понимание действительно пролетарской партией своих задач состоят в том, чтобы верно учесть условия и момент, когда авангард пролетариата может успешно взять власть в свои руки, располагая поддержкой широких масс вообще, и особенно рабочего класса. У нас мерилом успеха в этой борьбе явились, между прочим, выборы в учредительное собрание в ноябре 1917 г., где большевики на основе всеобщего и равного голосования получили большинство в столицах пролетариата».

Для нас парламент, учредительное собрание—только трибуна для пропаганды, для заявления голоса пролетариата и возможной в пределах капиталистического строя борьбы за его интересы («Детская болезнь «левизны» в коммунизме»).

Таков истинно-революционный взгляд марксизма на политическую роль парламента. Центр тяжести, как видим, здесь лежит не в парламенте, а вне его, и парламент является только одним из средств. Опыт же русской борьбы показал, что открытая вооруженная борьба на улицах, всеобщая стачка в главнейших предприятиях и даже поголовная стачка являются основными формами, в которые неминуемо выливается, в конце-концов, борьба, затягивающаяся затем, как это было у нас, на целые три года ожесточенной гражданской войны на всех фронтах, чуть ли не 8.000 верст протяжения в общей сложности. Успех последней определился, конечно, отнюдь только не одной технической возможностью нападения или обороны. Этот успех определился в корне прежде всего соотношением общественных сил в стране, степенью организованности пролетариата, возможностями, которые ему предоставила международная обстановка, успеть создать свою государственную машину, в том числе свою армию, свою систему управления и военную промышленность, а в основе всего суметь закрепить реальный политический союз всех трудящихся масс

своей страны, в том числе связь с мелкой крестьянской буржуазией на почве реального удовлетворения ее интересов в виде захвата и передела помещичьей земли. У того же Владимира Ильича мы находим по этому поводу правильный прогноз стоявших перед русским пролетариатом задач, который он дал в 1905 г., накануне первой революции 1905 г.

«Она не сможет,—писал он об этой грядущей революции,—затронуть без целого ряда промежуточных ступеней основ капитализма. Она сможет в лучшем случае внести коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства, провести последовательный и полный демократизм, вплоть до республики, вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьезному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня,—наконец, перенести революционный пожар в «Европу» (стр. 72, «Тактика большевизма», тов. Ленина). Это Ленин писал о русской революции до 1905 г., когда еще ни у кого не было ясного представления о том, как размахнется русская революция 1917 г. Русская революция пошла дальше, чем предвидел даже Ленин, и затронула самые основы капитализма, но сущность политической тактики пролетариата в отношении к мелкой буржуазии дана в этой цитате правильно, как она не менее правильно выражена Владимиром Ильичем в его последней предсмертной статье, о Рабкрине от ноября 1922 г. Только союз рабочих и крестьян, плодотворность которого доказывается повседневными фактами государственной политики пролетариата по отношению к крестьянству,—только такой союз обеспечил прочность пролетарской революции в России и ее успех, и обеспечит впредь, вплоть до тех пор, пока «пожар революции не перекинется на Западную Европу».

Этим мы могли бы закончить наше изучение государства и его сущности вообще, и государственных форм буржуазии и политики пролетариата по отношению к ним, в частности. Но наш анализ не был бы полон, если бы мы его не закончили указанием, к чему привела и к чему не

может привести всякая иная политика, в том числе политика Каутского, проделанная на опыте германской революции и германского рабочего класса.

Почему Каутский, Гильфердинг, Носке, Шейдеман, Давид и К° в Германии, почему Макдональд в Англии, почему Гэд и Лонге во Франции, почему Вандервельде в Бельгии, почему с.-р. и меньшевики в России и все вожди II Интернационала оптом и в розницу не могут привести рабочих не к чему иному, кроме как к поражению, жертвам и новой эксплоатации?!.

Потому, что они уже давно сами перестали быть социалистами, продались буржуазии и полностью ассимилировались мелкими буржуа, интересы которых теперь и представляют.

Та самая двойственность психологии мелкого буржуа, о которой мы говорили выше, заставила их тогда, когда они стали у власти, прежде всего всеми мерами стремиться избегнуть какой-нибудь коренной ломки существующего буржуазного порядка. Мелкий буржуа, мелкие собственники прежде всего не могут себе представить такого порядка, при котором покушаются на собственность. А тем более еще путем «деспотических посягательств на нее», как этому учил Маркс в «Коммунистическом Манифесте». «Мы имеем все основания рассчитывать,—пишет Каутский,—что грядущая пролетарская революция произойдет на основе демократии,—другими словами, мирным путем. Мы в праве ожидать, что пролетарская революция не вызовет контр-революции. Пролетарской революции чужд бурный метод наступления» (курсив мой). (Каутский, «Пролетарская революция и ее программа», стр. 126). Если раньше Каутский и Энгельс повторяли: «стреляйте первыми, господа буржуа», то теперь единственный лозунг Каутского сводится к следующему: «ради бога, не стреляйте, и в особенности не стреляйте вы, пролетарии. Не потрясайте установившегося порядка! Избегайте во что бы то ни стало революции».

Не допустить торжества революции и путем блока с буржуазией спасти существующий строй,—такова теперь основная цель политики этих предателей. Буржуаз-

ное правительство милостью пролетариата,—так определил сам Каутский то, что имеет место сейчас в Германии, и в этом он совершенно прав. Буржуазное правительство милостью пролетариата,—вот все, что мы имели за эти годы в Германии. Для этого только их и держит (Каутских) буржуазия, как единственный и последний свой оплот. Это, действительно, равносильно продаже своей политической силы буржуазному правительству. Так определил Каутский эту свою будущую роль в 1902 г., ибо тогда уже он предсказывал, сверх того, что «коалиция может только скомпрометировать пролетарскую партию, и пролетариат только смутить и расколоть» («Путь к власти»). Это грозное пророчество оказалось роковым. Смутили и раскололи пролетариат германские социал-предатели с тем же Каутским во главе, с 1918 г., когда, по их предложению, были распущены общегерманские советы рабочих депутатов. Смутили и раскололи пролетариат во время восстания, когда погибли Либкнехт и Люксембург. Смутили и раскололи во время капповского движения, смутили и раскололи во время начала рурской оккупации, смутили и раскололи в сентябре 1923 г. и смущают и раскалывают его до сих пор во имя той же цели, спасения буржуазного порядка и буржуазной собственности.

Не только, однако, смущают и раскалывают. Кровью германских рабочих залиты площади Берлина и Гамбурга, Дрездена, Мюнхена и ряда других городов. Во имя тех же целей, спасения буржуазного порядка, социал-предатели взяли на себя добровольно роль палачей. Шейдеман и Носке, Эберт и Зеверинг, один перед другим, состязаются в удушении революции при помощи пуль, тюрем и голода. Не за страх, а за совесть, не словами, а пулями продолжают они отстаивать буржуазный порядок. Это уже не только продажа своей политической силы буржуазии,—это прямое холопство перед ней ее усерднейших наймитов и верных слуг.

Этот урок должны прежде всего осознать все германские и всякие иные рабочие. Они осознали уже, впрочем, этот урок. События сентября и октября 1923 г. в Герма-

нии определенно говорят об этом. Однако, далеко еще не все.

Не осознали еще этого рабочие Англии. Но мы думаем, что тут поможет им Рамзей Макдональд. Уже теперь газеты говорят, что свои первые шаги в области международной политики он обещает вести на основе «испытанных принципов министерства иностранных дел». В области рабочего движения уже сейчас новое правительство говорит о том, что не следует немедленно ставить вопрос о «национализации копей». Состав правительства говорит определенно о приглашении лиц, которые еще недавно были деятелями либеральной партии, а некоторые, как Веджвуд, вышли из крупнобуржуазных слоев. Думать о том, что такое правительство поведет Англию к рабочей революции,— утопия, но в том, что оно примет все меры к тому, чтобы убедить рабочих, что путем парламента революцию невозможно осуществить, можно быть вполне уверенным. И чем скорее Макдональд сумеет проделать эту свою историческую миссию, тем лучше.

Так же обстоит дело и в других странах.

Мы позволим себе теперь перейти, наконец, к рассмотрению последнего вопроса: как же и на основе каких принципов должен рабочий класс строить свое государство, в случае, если ему удастся захватить власть?

Опыт шестилетнего существования Советской России показывает, во-первых, что такое государство возможно, и, во-вторых, что оно может быть не только построено, но и быть достаточно прочным и мощным государством рабочих и крестьян.

К изучению этого опыта позвольте перейти.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ.

Русская революция от февраля по октябрь.—Безвластие, как ее характерная черта.—Советы рабочих депутатов и Временное правительство.—Диктатура Керенского, как конечный итог развития мелко-буржуазной политики.—Советы, как орган власти и основа нового государства.—3-й Съезд Советов и учредительное собрание, как столкновение двух начал и двух новых государственных форм.—Гражданская война, как единственный метод, которым могла ответить на революцию буржуазия. — Объективная неизбежность классового характера нового государства, нашедшая свое выражение в конституции РСФСР.—Избирательное право по конституции. — Политические свободы по конституции.—Слияние исполнительной и законодательной власти по конституции и упразднение парламентаризма. — Положительные стороны пролетарского творчества в русской революции.—Государство пролетариата есть орган диктатуры масс. — Широкая автономия местных Советов при отсутствии всяких органов принуждения их к подчинению центральному правительству, как основной принцип нового пролетарского государства в противовес прежней бюрократической централизации государства буржуазии. —Широчайшая национальная свобода, как ее второй основной принцип.—Сущность договорных отношений Союза Советских Социалистических Республик.

Советское пролетарское государство родилось в буре и грозе. Не путем мирной парламентской эволюции, не путем овладения старой государственной машиной, а из баррикадной борьбы, из всеобщей стачки, из развалин старого государственного порядка на новых, невиданных доселе основах, опираясь на новые, неизвестные доселе учреждения, в результате самостоятельного творчества трудящихся масс возникло это новое государство. Новая государственная форма—образец и прообраз таких же государственных форм для рабочих и крестьян иных западноевропейских государств, оно возникло и утвердилось, создалось и укрепилось от Архангельска до Кавказа и от Бот-

нического залива (Балтики) до берегов Тихого океана. К изучению принципов, на которых оно строилось и создавалось, и характернейших его черт, отличающих его от всех остальных государственных образований буржуазной Европы, мы сейчас приступим. Прежде всего, однако, и тут мы поставим все тот же наш предварительный вопрос, который ставили всегда при изучении определенных этапов в истории буржуазных государств, и который уже по этому одному мы не можем не поставить сейчас. Можем ли мы вперед утверждать, что та форма, которую приняло пролетарское государство в России, т.-е. советская форма, является или должна явиться обязательной формой государства, которую примут вслед за ней и все другие народы Европы, по мере того, как пролетариат будет захватывать в стране за страной власть и утверждать в них свое классовое господство? Или же мыслимы и всякие иные формы?

Отвечаем: конечно, мыслимы и всякие иные формы. Мало того: этот ответ мы даем не только на основании одних наших общих теоретических воззрений,—мы его даем также и на основании опыта, ибо мы имеем в прошлом опыт не одной только России,—мы имеем опыт Парижской Коммуны 71-го года, которая также была не чем иным, как государственной формой диктатуры рабочего класса, хотя и отличалась очень многим от политических форм, утвердившихся в Советской России. В эпоху французской революции мы имели диктатуру городской бедноты предместий Парижа в тот период, когда эта беднота путем непосредственного давления управляла парижским конвентом. Политическая форма этой диктатуры там опять-таки была иная. Рабочее правительство Финляндии в кратковременный момент его существования также было иным. Даже наш Совет рабочих депутатов 1905 г.,—этот прообраз Советов 1917 г.,—также иначе был построен, чем строятся Советы сейчас. Мы не знаем и не можем знать тех форм, которые могут возникнуть в результате пролетарской революции на Западе. В частности мы не можем предугадать и предвидеть значение и роль, которую в германской революции сыграют так-называемые

рабочие «фабзавкомы» (фабрично-заводские комитеты). Однако, все это разнообразие форм отнюдь не может ни на одну минуту поколебать единства тех принципов, на которых строилась повсеместно каждая из этих форм пролетарской диктатуры. Строилась и будет строиться, поскольку колебание этих принципов явилось бы колебанием самого принципа господства рабочего класса, т.-е. того принципа, который создает это новое государство, отличает его от всех прочих, ранее до того существовавших государств. Эту оговорку нам нужно сделать, чтобы избежать неверного в корне антимарксистского фетишистского представления о нашей российской советской государственной форме.

Что же предопределило, во-первых, успех пролетарской революции и, во-вторых, ее государственную форму?

Как возникла эта государственная форма? В какой обстановке она возникла?

Советское государство возникло в результате Октябрьской революции пролетариата, второй революции после февральской революции 1917 г. Первой государственной формой, которая утвердилась в России немедленно после свержения царизма, была форма парламентской буржуазно-демократической республики. Вернее, должна была бы утвердиться, ибо она не успела даже сформироваться. Учредительное собрание, которое должно было ее сформировать, просуществовало всего несколько часов 5-го января 1918 г. До тех пор существовало Временное правительство, которое, в свою очередь, пережило не меньше, чем 4 состава: правительство Львова — Милюкова, правительство первой коалиции Львова — Керенского, правительство диктатуры Керенского после июльских дней и, наконец, правительство так-называемой директории в эпоху «предпарламента», накануне Октябрьской революции. Анализ этого периода русской революции представляет собой наибольший интерес, потому что за эти короткие 8 месяцев русская революция не прошла, а проскочила со скоростью курьерского поезда через все те этапы государственного развития, которые Западная Европа и западноевропейские государства переживают десятилетиями и не изжили их еще до сих пор, при чем все эти этапы вместе

и каждый порознь вложили свой вклад в самосознание пролетариата, учили его определенным способом—и тем самым подготовили вторую революцию Октября. Мы должны поэтому их внимательно изучить. Вот эти этапы:

1-й этап—чисто-буржуазного, далеко не демократического временного правительства Львова, с февраля по май 1917 г., с Милюковым, как министром иностранных дел, и Гучковым в качестве военного министра.

Милюков и Гучков опоздали. Общее настроение миллионов трудящихся масс было, против захватнической войны. Милюков же и Гучков хотели во что бы то ни стало продолжать войну. Таков был повод народного движения конца апреля 1917 г. Причиной же было явное несоответствие такого правительства соотношению общественных сил в стране и в частности тому значению, которое приобрели, как действительная политическая сила, трудящиеся массы (армия и рабочий класс) после только-что победоносно окончившейся февральской революции и февральских баррикадных боев. И к концу апреля, после опубликования знаменитой милюковской ноты от 18-го апреля, взрывом народного негодования были свергнуты оба: и Гучков, и Милюков.

2-й этап—от мая по июль—есть первый период коалиции в России, поскольку участие Керенского в правительстве Львова не может еще считаться осуществлением коалиции, так как, будучи единственным социалистом в правительстве, он, конечно, не мог быть официальным воплощением такового. В этот второй этап в правительстве на 6 министров-капиталистов были 4 социалиста, и он был периодом коалиции «чистой воды». Просуществовало это правительство с мая по июль, до следующего взрыва народного негодования 3-го и 5-го июля под лозунгом:« Долой министров-капиталистов!». Именно этот этап соответствует периоду коалиции Штреземана—Гильфердинга в Германии, когда буржуазное правительство может существовать только «милостью пролетариата» и его партии, «продающей буржуазии свою политическую силу». Оно просуществовало до тех пор, пока народное движение не взорвало коалиции и не поставило перед социалистами вопроса реб-

ром, с кем же они, с буржуазией или с трудящимися? Наши соглашатели оказались в этом отношении не хуже и не лучше своих европейских собратий... Народное выступление окончилось поражением. Непосредственным результатом поражения были усиление буржуазной реакции и попытка контр-переворота со стороны реакционной военщины (наступление Корнилова на Петроград 27-го августа). Это именно тот период, которому в Германии соответствует период капповского путча, с одной стороны, и позднейшие попытки установления фашистской диктатуры и гитлеровского переворота — с другой. В результате неудачи и июльского движения пролетариата и корниловского восстания в России утвердилась третья форма государственного управления и третий этап в виде диктатуры Керенского в качестве председателя совета министров, освобожденного отныне от всякой формальной политической ответственности как перед Советами рабочих депутатов, так и перед своей партией, из которой он официально и вышел, чтобы «освободиться» и от партийных уз. Типичный выразитель мелкой буржуазии и ее политики, он бросается в этот момент, как и вся мелкая буржуазия, от «московского совещания», носившего ярко контр-революционный характер, к «демократическому совещанию» в Петрограде, носившему характер попытки объединения мелкобуржуазных демократических групп с социал-соглашателями против крупной буржуазии. Образование «предпарламента» в сентябре 1917 г. явилось последней попыткой мелкой буржуазии удержать в своих руках власть. Чрезвычайно характерной является позиция, занятая ею по отношению к принципам демократического государства. Предпарламент не только не имел решающего значения, но и был официально сведен на роль «законосовещательного» органа при директории. Таким образом, мелкая буржуазия к концу предоктябрьского периода полностью завершила круг предназначенного ей логикой классовой борьбы диалектического развития. Начав с прокламирования в России «всех свобод» в феврале и марте 1917 г. и «полновластия» народа, к октябрю она пришла к утверждению диктатуры Керенского, опиравшегося, в свою оче-

редь, с одной стороны, на диктатуру Кишкина (ярко выраженный представитель кадетской буржуазии), с другой стороны, Пальчинского—яркий представитель буржуазии реакционной, т.-е. к отрицанию полновластия парламента и к угрозам против пролетариата. Эти угрозы «кровью и железом» Керенский рассыпал по адресу рабочих еще на заседании предпарламента двадцать четвертого октября, т.-е. накануне пролетарской революции, похоронившей его самого навеки.

Таков был третий этап дооктябрьского периода русской революции. Чему же нас учит эта фактическая история русской революции? Она нас учит прежде всего тому, что по существу в России за это время не было вовсе никакой государственной формы. Для буржуазных историков такое положение вещей является вопиющим нонсенсом. Согласно их теории, такого положения вещей вообще не может быть.

А, между тем, оно именно таким было. Осью, вокруг которой вертелось все, был факт наличия с самого начала двух правительств и двух параллельных государственных форм. Этого факта не могут видеть узколобые доктринеры буржуазной науки уже потому, что для них только формальное правительство является таковым. Для марксистов правительством является то, которое имеет в руках реальную действительную силу. А таковую с самого начала и до октябрьских дней имело не правительство Керенского или Львова, а правительство Советов рабочих и солдатских депутатов. Именно это правительство, находившееся все время под непосредственным давлением народных масс, ибо сами Советы, состоя в тот момент в громадном большинстве из меньшевиков и правых с.-р., этого не хотели, свергло Милюкова и Гучкова в апреле, свергло правительство первой коалиции в июле, отбило наступление реакции, сосредоточив вокруг себя политическую и военную реальную силу против Корнилова, в августе, взорвало своим уходом из предпарламента правительство Керенского в сентябре и свергло его окончательно в октябре, утвердив, наконец, и формально свое собственное господство.

Этому правительству трудящихся масс, поддержанному повсеместно по всей стране крестьянскими восстаниями, солдатскими комитетами на фронте и фабрично-заводскими комитетами в городах, формальное правительство Львова—Милюкова — Гучкова—Керенского—Церетели—Авксентьева—Кишкина—Бурышкина не могло противопоставить ничего, кроме жалких ударных «батальонов смерти», юнкеров, казацких отрядов и женщин-доброволиц, защищавших в октябрьские дни Зимний дворец. Правительство было свергнуто фактически без боя. Это не означало, однако, как мы видели, что буржуазия сдала свое экономическое господство без боя. Гражданская война в России началась после октябрьского переворота и продолжалась три года. И только после упорной борьбы пролетариат окончательно утвердил свою власть. Но он утвердил ее на основах, которые заложил в момент февральской революции 1917 г. в виде Советов рабочих и солдатских депутатов, как органов его классового представительства и классовой организации, возникших одновременно, параллельно и независимо от официального правительства буржуазии. Таким образом, начало пролетарскому государству было положено рабочим классом еще в недрах буржуазного государства, рядом с ним, независимо от него и несмотря на него. Таков первый основной принципиальный вывод, который дает нам анализ пролетарской революции в России. Только благодаря наличию этих организаций оказались возможными Октябрьская революция и ее победа, они же легли в основу нового государства после Октября. В той цитате из писанного Марксом Манифеста ЦК коммунистов 1850 г., которую мы приводили в прошлой беседе, мы видим намеки на такого же рода классовые организации. Именно их Маркс выдвигал как необходимое условие и предпосылку пролетарской победы, когда говорил о необходимости для рабочих в период буржуазной революции организовать и централизовать свои рабочие клубы, рекомендуя одновременно рабочим «организоваться в свою независимую пролетарскую гвардию, со своими собственными начальниками и генеральным штабом и стать под команду

не официального, а революционно-рабочего правительства». Наша революция восприняла эти заветы, когда создала эти «рабочие клубы»—Советы, централизовала их на Съезде Советов и защитила их своей «независимой пролетарской гвардией, со своими собственными начальниками и генеральным штабом». Первым уроком, который дала, таким образом, история пролетарской революции в России для пролетарских революций в других странах, есть организация в недрах буржуазного государства в момент революции, а если можно, то и до нее, своего собственного государства и своего собственного правительства, построенного на классовой основе.

В этом заключается коренной принцип построения пролетарского государства вообще и принцип пролетарской тактики в социалистической революции в частности.

Интереснее всего, что мы находим выражение того же принципа в истории революций Западной Европы всякий раз, когда на сцену выступали, как творческая сила, народные массы. В Парижской Коммуне 71-го г., несмотря на ее всеобщее избирательное право, на основе которого она существовала, на деле секции этой коммуны представляли собой не что иное, как непосредственную массу вооруженных пролетариев, посылавших в центральную коммуну своих представителей и силой своего реального значения, как реальной вооруженной силы, фактически приведших буржуазию либо к поголовному бегству в Версаль, либо к добровольному отказу от своих политических прав и политическому небытию, лишь бы как-нибудь просуществовать пока что этот временный период захвата «чернью» политической власти.

В эпоху Великой французской революции парижский конвент одно время находился под таким же непосредственным давлением бедноты парижских предместий и Парижской Коммуны, от имени своих секций посылавших со своими требованиями делегации к решетке конвента. Управлял тогда не конвент, а эти секции. Недаром же мелкобуржуазная Жиронда все силы направляла на то, чтобы «освободить» Францию от диктатуры Парижа, противопоставив унитарной республике якобинцев федералистическую республику

департаментов. Крупная буржуазия и дворянство эмигрировали в Кобленц или гибли на гильотине, средняя и мелкая буржуазия шла за Жирондой, управлял же Францией и спас Францию Париж. В обоих случаях, однако, как в Парижской Коммуне 71-го г., так и в Коммуне 1792 г., новые повелители государства опирались не на старые государственные формы, а на созданные самой революцией новые организации нового претендующего на господство класса. Ту же картину мы имеем в революции 1905 г. в России. Два правительства существовали в октябре—декабре 1905 г. в Петрограде: правительство Витте—Дурново, заседавшее в Мариинском дворце, и правительство Совета рабочих депутатов, заседавшее в 4-й роте Измайловского полка. Поражение декабрьского восстания 1905 г. утвердило победу царского правительства. Вся история 1-й и 2-й думы вплоть до переворота 3-го июня 1907 г. была затем не чем иным, как агонией революции.

Таков урок, который нам дает история пролетарской революции в России. Второй урок дает нам история борьбы учредительного собрания 1918 г. с Советами рабочих и солдатских депутатов и III Всероссийским Съездом Советов. Это тоже была борьба двух государственных форм, двух миров — старого и нового. Буржуазная государственная форма, наиболее совершенная, построенная по всем правилам науки буржуазной демократии, учредительное собрание на основе четыреххвостки, юридически полновластный выразитель «воли всего народа», столкнулся здесь с едва намеченным в основных принципах, аляповато сколоченным новым государством трудящихся — с Советами. Зато последние опирались на реальную силу, были реальной властью. Борьба продолжалась всего несколько часов, и новая форма перешагнула через старую, разбив ее вдребезги, рассыпав, как ненужный карточный домик.

«Не парламентская республика, возвращение к ней от Советов рабочих депутатов было бы шагом назад, а Республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов во всей стране, снизу доверху»,— под таким лозунгом выступил в бой против прежней государственной фор-

мы пролетариат. Этот лозунг, — а мы его берем текстуально из тезисов т. Ленина, опубликованных им в апреле 1917 года,—этот лозунг с тех пор сделался основным лозунгом трудящихся масс не только в России, но и всего мира. В нем выражен основной принцип пролетарского государства, его классовая основа, и на внимательном анализе его мы должны теперь остановиться.

«Россия сейчас самая свободная страна в мире»,—так писал Владимир Ильич в тех же тезисах в апреле 1917 г. Отсутствие насилия над массами со стороны правящих классов, физически невозможное в момент только-что закончившейся победоносной борьбы над старым порядком, было немедленно использовано трудящимися для организации Советов, как форпостов для своей классовой борьбы в новых условиях. По мере укрепления затем и усиления этих форпостов, с одной стороны, и по мере того, как буржуазия от режима широчайших свобод и максимальной лойяльности начала переходить к режиму диктатуры и подавлению рабочих масс (первые выстрелы по рабочим уже имели место 27-го апреля, во время демонстрации, приведшей к изгнанию из правительства Милюкова и Гучкова), для трудящихся масс становилась ясной не только объективная неизбежность вооруженного конфликта с буржуазным правительством, но и полная ненужность для них какой-либо другой формы государственного управления, кроме формы федерации Советов. Передача государственной власти в руки органов управления, где власть еще принадлежит, или хотя бы может принадлежать, другим классам, в то время, как в Советах она полностью и исключительно уже принадлежит рабочим и крестьянам, явилась в таких условиях логической нелепостью с точки зрения их классовых интересов. Вот почему с момента второго Съезда Советов лозунг «вся власть Советам», объединивший вокруг себя всех рабочих, крестьян и солдат, сделался настолько всеподавляющим и всеобщим, что перед ним не мог устоять никакой иной лозунг, в том числе и старый привычный лозунг революционной борьбы большевиков: «Вся власть учредительному собранию, на основе всеобщего и т. д. избира-

тельного права». Возвращение к парламентской республике, к власти буржуазии представилось в этих условиях вопиющей бессмыслицей. И учредительное собрание умерло, не успевши расцвесть, при чем никто и нигде не поднялся на его защиту, и само оно сделалось реакционным лозунгом, под которым буржуазия повела теперь свою гражданскую войну против диктатуры трудящихся. В этом столкновении двух государственных форм и победе новой формы заключается второй урок, который дала пролетарская революция в России. Все остальное, что имело место, и сама конституция РСФСР, принятая на V Съезде Советов в июле **1918** г., являлись не чем иным, как выводом из этих двух основных уроков,— одного, который дал доoктябрьский период нашей революции, и другого, который дал январь **1918** г. Позвольте же теперь формулировать выводы из них.

Опыт революции доказал, во-первых, что ячейки будущей государственной системы рабочий класс заложил еще в недрах старого государственного характера организации, что только противопоставив эту систему новых классовых организаций, органов новой власти на местах органам прежней государственной формы, а отнюдь не слиянием их, пролетариат мог обеспечить себе победу.

Опыт пролетарской революции в России показал, во-вторых, что новая государственная форма пролетариата выросла затем как совокупность учреждений, представляющих собой трудящиеся массы и защищающих и ограждающих исключительно их интересы. Всякие представительства других классов в них отметены. Таким образом, чисто-выдержанный классовый принцип государственной организации,— таков основной принцип, который революция положила в основу строения нового государства.

И, наконец, третий вывод заключался в том, что эта новая государственная форма смогла одержать верх только после ожесточенной борьбы, в процессе которой старая форма была разбита вдребезги, новая же укрепилась независимо от нее и несмотря на нее. Эти три практических тактических вывода должны быть еще дополнены четвертым, политическим,

Мелкобуржуазная масса крестьянства, широкие слои городской буржуазии, мелкой и средней, вотировали в своем громадном большинстве за социалистов-революционеров и меньшевиков в учредительное собрание в ноябре, т.-е. уже после октябрьского переворота, следовательно, внешне выступали как бы против большевиков. Тем не менее, широчайшие массы крестьянства, крестьянской армии и весь поголовно рабочий класс пошли за большевиками как в октябре, так затем и в январе, в момент разгона учредительного собрания. Этот на первый взгляд противоречивый факт служит величайшим доказательством, которое дала история, правоты марксистского понимания государства вообще и роли и значения всеобщего голосования в эпохи революций в частности.

«Искусство политики и правильное понимание действительно пролетарской партией своих задач состоят в том,— писал Ленин в цитате, которую уже мы проводили,—чтобы верно учесть условия и момент, когда авангард пролетариата может успешно взять власть в свои руки, располагая поддержкой широких масс вообще и особенно рабочего класса. У нас мерилом успеха в этой борьбе явились, между прочим, выборы в учредительное собрание в ноябре 1917 года, где большевики на основе всеобщего и равного голосования получили большинство в обеих столицах».

Буржуазия не была в состоянии по своей природе, как класс имущих, пойти на полное удовлетворение интересов мелкобуржуазной массы крестьянства в форме экспроприации помещичьих и государственных земель, рабочий же класс, наоборот, был непосредственно заинтересован в обратном, поскольку усиление крестьянского землевладения являлось могучим толчком для развития производительных сил страны. Правящая буржуазия, как показал опыт Керенского, не только не была склонна к ликвидации войны, но и, наоборот, была за ее продолжение до «победного конца», широчайшие массы крестьянской армии были заинтересованы прямо в обратном, и в том же был заинтересован и рабочий класс. При такой обстановке можно было

быть уверенным в том, что под лозунгом немедленной экспроприации земель, немедленного мира и социалистической революции на деле пойдут за рабочим классом поголовно вся армия и все крестьянство. Эти обстоятельства дали возможность пролетарской партии заключить на деле тесный политический союз с мелкой буржуазией и повести ее на переворот против учредительного собрания, несмотря на то, что формально большинство голосов на выборах крестьяне и армия отдали не большевикам, а их противникам. Здесь сказалась правильность анализа ситуации со стороны пролетарской партии, отчетливое понимание ею условий, при которых единственно возможна пролетарская революция в мелкобуржуазной стране; в частности отчетливое понимание ею относительного значения всяких политических и парламентских голосований вообще. Таков был четвертый урок, который дала пролетарская революция в России. Его можно было бы формулировать следующим образом:

При наличии реальной заинтересованности широких трудящихся масс в политическом союзе с пролетариатом и соответствующей политике пролетариата в этом направлении рабочий класс может смело и безбоязненно итти вперед и творить свое пролетарское дело, несмотря и даже вопреки всем, каким бы то ни было формальным законам и формальным показателям настроения этих масс, хотя бы последние выразились в виде голосования против пролетарской партии на выборах или в парламентах. Основа власти рабочего класса и прочность этой власти лежат в реальной заинтересованности в этой власти со стороны широчайших масс населения, — таков был принцип, который затем на основе этого урока пролетарская революция положила в основу строения своего пролетарского государства и дала затем, как директиву для правящей партии пролетариата на все время его политического господства. Как мы увидим ниже, эта власть колебалась всякий раз, когда в своей практике партия отступала от этой директивы.

На основе этого союза и изложенного выше принципа построения государства, как органа классового господства трудящихся, одновременно с уничтожением старой государственной формы было создано новое государство, новая государственная власть, новая система государственного управления.

В какую же форму вылилось это новое государственное образование?

«Вся власть Советам»,—так был формулирован основной политический принцип Советского государства. III Съезд Советов в принятой им «Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа» определил следующим образом сущность и задачи нового пролетарского государства (стт. 1, 2, 3 и 7-я декларации). «Россия объявляется республикой Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам». «Беспощадное подавление эксплоататоров, установление социалистической организации общества и победа социализма во всех странах»,—такова, согласно 3-й статьи, задача нового государства. В силу этого «эксплоататорам не может быть места ни в одном из органов власти»,—гласит 7-я ст. декларации. «Хорошо роешь, старый крот!» — хочется воскликнуть при чтении этих статей. То, что с трудом дается пониманию буржуазных теоретиков, было без всякого труда воспринято и осуществлено рабочими массами. Классовая организация насилия господствующего класса над классами ему враждебными, — таково было существо всякого государства во все времена. Таким же, но на основе подавления ничтожнейшего меньшинства громаднейшим большинством, его строит и пролетариат. Строит и отстаивает до окончательной победы, до момента окончательного «уничтожения эксплоатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти», как говорит ст. 9-я конституции РСФСР. В развитие этой статьи основными, определяющими избирательное право в Советском государстве в Советы являются стт. 64 и 65 конституции.

«Правом избирать и быть избираемым в Советы пользуются, независимо от вероисповедания, национальности,

оседлости и т. п., следующие обоего пола граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, коим ко дню выборов исполнилось 18 лет»,—говорит конституция:

а) все, добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда, как-то: рабочие, служащие всех видов и категорий, занятые в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и пр., крестьяне и казаки-землевладельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли;

б) солдаты Советской армии и флота;

в) граждане, входящие в категории, перечисленные в пунктах «а» и «б» настоящей статьи, потерявшие в какой-нибудь мере трудоспособность (ст. 64).

И наоборот: «не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий:

а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;

в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;

г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов, служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома[1]).

Можно, конечно, спорить против отдельных пунктов этих статей, как, напр., против пункта «в», которым исключаются все коммерческие посредники и частные торговцы, в том числе и мелкие, и указать на несогласованность его и пр. с пунктом «а» ст. 64, согласно которому служащие всех видов и категорий, занятые в промышленности, торговле и сельском хозяйстве, пользуются избирательным

[1]) Мы приводим неполный текст ст. 65, считая достаточным цитирование только основных пунктов ст. 65. Желающих полностью изучить текст конституции мы отсылаем к другим учебникам.

правом, но безусловная целесообразность и классовое существо всей статьи от этого не меняются. Эта сущность заключается в полном отстранении от государственного управления представителей буржуазии.

В полном соответствии с тем же принципом установлены конституцией пределы пользования так-называемыми «политическими свободами» в пролетарском государстве. Пользование этими правами также ограничено. Если раньше тов. Ленин в одной из своих статей определил диктатуру, как систему управления «вне всяких законов», то в «Декларации прав» стт. 14, 15, 16, 17 и 23 определяют границы пользования свободой совести, свободой печати, свободой собрания, свободой союзов тем же классовым принципом, который положен в основу избирательного права. «Передав в руки государства технические материальные средства по изданию газет и книг», «все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкой, освещением и отоплением», советская конституция не только декларировала «право трудящихся свободно устраивать собрания, митинги и шествия», как свободное выражение своих мнений путем печати и свободное распространение произведений печати по всей стране, но и обеспечила тем самым трудящимся материальную возможность пользования этими правами. В то же время ст. 23-й она сохранила за центральной государственной властью право по своему усмотрению лишать отдельных лиц и отдельные группы этих прав, если они, эти лица и группы, «пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции».

В своей критике советской конституции Карл Каутский, а за ним, или вместе с ним, все теоретики буржуазного государства нападают прежде всего на этот пункт. И это совершенно понятно, ибо это основной пункт советской конституции, определяющий политическую диктатуру пролетариата. Когда-то в «Коммунистическом Манифесте» Маркс писал, что коммунисты отличаются от всех партий тем, что они прежде всего и раньше всего «преследуют интересы рабочего класса в целом».

Ст. 23-я является лучшим выражением этого принципа,

поскольку, преследуя именно интересы рабочего класса в целом, советская конституция предоставляет центральной власти возможность лишать политических прав даже отдельных лиц, будь они даже архипролетариями, если их деятельность направлена против этих интересов. Против фетишистского понимания «демократических свобод» направлена эта статья, являющаяся основной, решающей статьей в советской конституции.

Наконец, самая система избирательного права,—она тоже не менее характерно и выпукло отражает существо пролетарской диктатуры и строение костяка, хребта пролетарского государства.

Стт. от 53-й по 60-ю и от 66-й по 78-ю определяют нормы избирательного права и порядок выборов. И эти статьи находятся не в меньшем кричащем противоречии с принципами строения демократического буржуазного государства, чем те, которые мы уже выше цитировали. Мало того, что избирательное право в пролетарской республике не всеобщее избирательное право, оно равным образом и не прямое, и не тайное, и не равное избирательное право.

Прежде всего оно не равное избирательное право. В то время, как на губернские съезды советов от волостных съездов идет один депутат на 10.000 жителей; от городов и фабрично-заводских поселков идет один депутат на две тысячи избирателей (стр. 53). На Всероссийский съезд депутаты избираются по расчету один на 25.000 избирателей от городских советов и один на 125.000 избирателей от губернских съездов. На уездных съездах советов от сельских советов один депутат идет от тысячи жителей, от фабрик же и заводов один делегат на двести избирателей. В этом принципиально выдержанном во всей конституции соотношении представительства городского, т.-е. пролетарского, населения перед населением сельским отражается основной принцип первенствующего значения рабочего класса в политической жизни нашей страны. Рабочий класс есть гегемон революции, ее вождь и руководитель. Опираясь на крестьянские массы вместе с ними и руководя ими, он творит революцию. Поэтому ему обеспечивается конституцией преобладающее представительство.

Так система избирательного права в Советской России отражает в себе принцип существа всего государства, как такового, принцип диктатуры того класса, который это государство строил. В русских условиях это есть единственно возможное построение государственной власти для совершения пролетарской революции в стране с подавляющим большинством крестьянского, т.-е. мелко-буржуазного, населения. С тем большей настоятельностью выдвигается отсюда, однако, чрезвычайная важность для рабочих гибкости и эластичности политической тактики, построенной с начала и до конца на предпосылке теснейшей связи интересов рабочих и крестьян.

Это не значит, однако, в свою очередь, того, чтобы в других странах с иным соотношением общественных классов и иным экономическим строением для политической диктатуры пролетариата нужна была именно эта форма построения избирательного права. Вопрос техники, а не вопрос принципа,—вот как для рабочих может стоять тут этот вопрос.

Так же ставит конституция и вопрос относительно прямых или не прямых, тайной или открытой системы выборов.

Для определения порядка выборов конституция вообще не знает никаких норм, и согласно ст. 66 выборы производятся, «согласно установившимся обычаям, в дни, устанавливаемые местными советами». Против этого правила также восстают все теоретики буржуазной демократии. Тот же Каутский в «Диктатуре пролетариата» (Вена, 1918 г.) по поводу этой статьи пишет: «Следовательно, дело обстоит, повидимому, так, что каждое собрание избирателей по своему усмотрению определяет порядок выборов. Произвол и возможность отделаться от неудобных оппозиционных элементов внутри самого пролетариата были бы, таким образом, доведены до высшей степени» (стр. 37). В ответ на это Владимир Ильич в своей брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» дает следующую классическую по своему содержанию отповедь: «Ну чем это отличается от речей чернильного кули, нанятого капиталистами, который вопит по поводу угнетения масс при стачке «желающих трудиться» прилежных рабочих? Почему чиновничье буржуазное определение порядка выборов в

«чистой» буржуазной демократии не есть произвол? Почему чувство справедливости у масс, поднявшихся на борьбу с их вековыми эксплоататорами, у масс, просвещаемых и закаляемых этой отчаянной борьбой, должно быть ниже, чем у горсток воспитанных в буржуазных предрассудках чиновников, интеллигентов, адвокатов?». Так отвечал тов. Ленин, и к его аргументации можно добавить только одно: если Каутскому нужно обеспечение в руководящих органах рабочего класса представительства, не согласного с большинством меньшинства, то это нужно ему во имя фетишистского трактования начал демократизма вообще. Это типичная отрыжка именно того мелкобуржуазного представления о государстве, как выражения «воли всех», и о парламенте, как представительстве всех, над которым мы смеялись в одной из прошлых бесед. Не разговаривать и спорить «в своих руководящих органах, не отражать все» течения и оттенки, а править, руководить и действовать выбирают трудящиеся массы своих представителей. С точки зрения диктатуры большинства, та постановка вопроса, которую дает наша конституция, есть опять-таки единственно правильная постановка.

Наконец, наше избирательное право не прямое, а многостепенное избирательное право. Прямое в первичной ячейке Советской власти при выборах в сельские и городские советы, оно затем превращается в двухстепенное при выборах на губернские съезды и трехстепенное при выборах на Всероссийский съезд. Такое построение также ставит вверх ногами все обычные представления теоретиков государственного права о «должном» построении «демократического» государства. Трехстепенные выборы означают, говорят они, полное извращение воли населения, просеиваемой через три сита и ускользающей таким образом от контроля со стороны избирателей. Буржуазные теоретики не замечают при этом другой кардинальной особенности такого построения избирательного права, которое дает тут конституция, и которая составляет самое существенное и принципиальное отличие всей системы строения Советского государства от всех остальных государств Западной Европы. Не в том суть, что у нас, благо-

даря системе нашего государственного строения, отдельные советы, съезды советов, Всероссийский съезд имеют не прямое избирательное право. Не в этом суть. Мы согласны будем при известных условиях,—и, вероятно, так, в конце-концов, и сделаем,—на прямое избирательное право непосредственно во Всероссийский съезд. Если только это было бы технически возможно, так как и так уже наши Съезды Советов насчитывают обыкновенно от 1.000 до 2.000 делегатов и в этом отношении являются самым демократическим парламентом мира. Это вопрос техники и технической возможности созыва съезда именно от первичных ячеек, где избирательное право всегда прямое. Буржуазные теоретики не замечают тут другого. Согласно советской конституции, участвуют в «определении государственной воли», выражаясь научным языком буржуазии, не отдельные индивидуальные граждане, как это соответствует базе мелкобуржуазного строя и мелко-буржуазной идеологии, а определенные рабочие коллективы: фабрики и села, губернии и города. В этом коренное отличие и в этом основная гарантия того рабочего демократизма, который дает советская конституция, в противовес фиктивному парламентскому демократизму, при чем тут ею достигаются сразу две цели: с одной стороны, именно этот, свойственный только базе крупно-развитой промышленности, метод представительства трудящихся масс обеспечивает их коллективное участие в работе по проведению пролетарской диктатуры. Тем же способом, каким фабрика, данный рабочий коллектив вносит свою долю труда в общую сокровищницу народного национального богатства, тем же способом, каким та же фабрика, тот же рабочий коллектив выступает в случае необходимости с винтовками в руках на борьбу с внешним врагом,—тем же способом она участвует и в управлении страной. Это ее первое достоинство. Второе—еще важнее.

«Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет представлять и подавлять народ в парламенте,—вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных

монархиях, но и в самых демократических республиках»,— пишет по этому поводу Ленин («Государство и революция», стр. 37, изд. 1923 г.).

В противовес этому, ст. 78-я конституции предоставляет избирателям, пославшим депутата, право во всякое время его отозвать и произвести новые выборы согласно общему положению. Но реальную возможность использования этого права дает только та система представительства, какая усвоена нашей конституцией. В этом основная и действительная гарантия рабочего демократизма, которого не дает никакая иная система избирательного права и никакой парламентаризм, так как при всеобщих, прямых, равных и тайных выборах непосредственно в парламент такая гарантия утрачивает всякий смысл, ибо при механическом подсчете голосов от избирательного округа население последнего не имеет физической возможности ни собраться, ни сговориться, ни даже проследить за тем, насколько отвечает в своей деятельности посланный депутат наказу пославшего его населения. И наоборот, только при данной системе советских выборов от данного рабочего коллектива, в своей повседневной жизни работающего всегда вместе и сообща, избранный депутат становится, как говорил Маркс, приказчиком, посланным данным коллективом, ему подчиненным, с ним связанным и им в любое время могущим быть отозванным обратно.

Диктатура масс тут обеспечивается полностью.

Сказанного достаточно, чтобы обрисовать основные принципы советской конституции и пролетарского государства в той его части, в которой это государство и конституция являются выражением классового господства и принуждения, направленного против всех остальных классов. Но наши конституция и государство являются не только этим. В руках рабочего оно явилось одновременно органом не только господства вообще, но органом господства большинства населения. Оно явилось, вместе с тем, органом, на котором легли определенные функции по регулированию общественных отношений среди этого большинства, поддержанных

также принудительной силой, хотя бы и не направленных непосредственно на подавление прежних эксплоататоров. Рабочим пришлось взять на себя также функции по управлению производством и распределением, по осуществлению иных культурных и общественных функций, поскольку осуществление таковых еще нуждается в принуждении и упорядочении. Наша конституция в этой своей положительной части (текущее законодательство и текущее управление) также оказалась построенной на принципах, прямо противоположных принципам, на которых строилось всякое иное буржуазное государство. При чем эти принципы также не явились результатом специально продуманной и выдержанной во всех деталях системы и вылились на практике как продукт такого же стихийного творчества масс, как такое же отражение принципа их диктатуры. Вот почему, отложив это их теоретическое и философское обоснование к анализу до следующей беседы, пока-что мы ограничимся только их изложением в самых общих и главных чертах.

Как построено государственное управление в Советской республике? Оно построено опять-таки на принципе, прямо противоположном тому, на котором построена буржуазная демократия. Мы видели при изучении истории Западной Европы, что в свое время принцип разделения властей, т.-е. отделения исполнительной власти от власти законодательной и от власти судебной, был тем принципом, который выставила либеральная буржуазия в эпоху своей борьбы с абсолютной монархией. Ей было нужно это разделение властей, так как в этом была гарантия того, что законодательная власть будет единственным источником права, а исполнительная будет подчинена ей полностью. В конце-концов, на деле развитие буржуазного государства пришло к прямо противоположным результатам—диктатуре исполнительной власти над законодательной и управлению страной правящей кликой, независимо и даже против парламента. Парламент теперь сделался для буржуазии ненужным. Пролетарское государство строит свою систему властей на том же принципе полного слияния исполнительной власти и власти законодательной, хотя отнюдь не только на этих осно-

ваниях. Для периода диктатуры, которую осуществляет пролетариат, всякая иная постановка вопроса должна быть отвергнута, как принципиально противоречащая существу этой диктатуры. Исполнительной властью ведает пролетариат и издает законы тоже пролетариат. Поэтому, кроме технической, нет никакой принципиальной нужды в разделении этих властей. Вот почему основная статья советской конституции о предметах ведения Совета Народных Комиссаров, как высшего органа управления страной, говорит (ст. 37): «Совету Народных Комиссаров принадлежит общее управление делами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Однако, не только одно общее управление. Согласно ст. 38-й «Совет Народных Комиссаров издает декреты, распоряжения, инструкции и вообще принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни».

Еще более рельефно сущность рабочего парламентаризма и рабочей демократии выражает Ленин в следующих словах: «Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь нет» (стр. 38). В полном соответствии с этим Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет является «высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» (стр. 31). Как таковой, он: 1) «дает общее направление деятельности рабоче-крестьянского правительства и всех органов Советской власти в стране, 2) объединяет и согласует работы по законодательству и управлению (стр. 31 и 32), 3) рассматривает и утверждает проекты декретов и иные предложения, вносимые Советом Народ-

ных Комиссаров или отдельными ведомствами, 4) также издает собственные декреты и распоряжения» (ст. 33 конституции).

Все эти отдельные постановления и статьи означают одно: единство законодательной и исполнительной власти в целях обеспечения наибольшей гибкости законодательной работы, единства самой работы, ее наибольшей быстроты в соответствии с существом всей государственной системы, как организации диктатуры, и реальной возможности немедленно же на опыте своей собственной работы проверить целесообразность своего законодательства. Вот что означает формула ст. 32-й, согласно которой ВЦИК объединяет и согласует работы по законодательству и управлению. В этом его основная контрольная роль.

Согласно ст. 36-й, «все члены ВЦИК обязаны работать в Народных Комиссариатах, т.-е. по управлению страной, и выполнять особые поручения ВЦИК».

Наконец, совершенно последовательной с той же точки зрения единства законодательной и исполнительной власти, как равно наиболее отвечающей духу пролетарской диктатуры, является ст. 50-я конституции, которая, после ст. 49-й установив в 17-ти пунктах компетенцию Центрального Исполнительного Комитета, затем гласит: «сверх перечисленных вопросов, ведению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов подлежат все вопросы, которые они признают подлежащими их разрешению».

Бесцельная, нелепая с точки зрения буржуазных теорий, эта статья 50-я является всецело целесообразной и понятной, и уместной с точки зрения основных принципов нашей конституции и наших воззрений на существо государственной власти. Так построена центральная исполнительная и законодательная власть.

Еще более принципиальные нововведения, непонятные и невозможные в буржуазных государствах, вводит наша конституция в обла-

сти организации исполнительной власти на местах. Об этом говорят главы X, XI и XII конституции.

Если существом всей системы государственного управления в буржуазных государствах было выделение из среды населения особого кадра лиц, чиновников, специалистов по управлению государством, связанных между собой особым порядком назначения и увольнения (иерархическая подчиненность), порядком прохождения службы (табель рангов) и порядком вознаграждения (система 20-го числа и пенсий), представивших в силу этого особую группу с особыми групповыми интересами, всецело зависимую от центральной власти и поэтому представлявших собой послушную в руках этой власти силу для подавления и угнетения населения, поскольку верхи этой системы были теснейшим образом при помощи высоких окладов, чинов и орденов связаны с правящей буржуазной кликой,—советская система покончила с этим орудием прошлого в корне, ибо уничтожила: а) их зависимое от центральной власти и изолированное от остальных трудящихся положение, б) ослабила материальное неравенство как внутри самой этой группы, так и в отношении к остальной массе населения, в) во всех узловых пунктах этой системы вместо принципа назначения и увольнения их приказом начальствующих лиц поставила их выборность и сменяемость местными органами трудящихся во всякое время. В этом суть советской системы, которую она провела всюду последовательно, даже в таких областях государственного управления, как армия, промышленность, транспорт и другие, где централизация вызывается самым существом этих отраслей, и принцип.

Отсутствие системы бюрократического назначенства управления сверху, т.-е. отсутствие основного принципа, на котором построены все государства Западной Европы,—вот что характеризует нашу конституцию. И в этом ее характернейшее отличие от всех буржуазных западно-европейских государств. Специальное постановление VIII Съезда Советов каждый раз лишь с особого постановления Президиума ВЦИК допускает исключение из этого принципа. Непосредственное подчинение местных органов органам

центральным, помимо губернского исполнительного комитета, не имеет места (п. 4 постановления VIII съезда о взаимоотношениях центральных и местных органов). Так на обратном принципе, лишь как исключение из общего правила, построен в Советской республике прокурорский надзор.

В полном соответствии с этим ст. 61-я конституции определяет как предмет ведения местных областных, губернских, уездных и волостных советов и их съездов— объединение в с е й советской деятельности в пределах данной территории. Согласно же последних законодательных актов 1922 г. о губернских исполнительных съездах советов и губернских исполнительных комитетах, губернский съезд советов есть высшая на территории губернии власть, подчиненная исключительно Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету и его Президиуму, при чем он «руководит деятельностью всех подчиненных ему на территории губернии органов власти, а также наблюдает и контролирует учреждения и предприятия, подчиненные центральным органам». В этих целях он имеет право (ст. 22): а) непосредственных сношений с высшими учреждениями Республики, вплоть до участия в заседаниях ВЦИК, СНК и Совета Труда и Обороны по делам губернии, б) представлять во ВЦИК и СНК об отмене изменений и постановлений центральной власти, признаваемых им по местным условиям нецелесообразными, распоряжений органов центральной власти (п. 4), приостанавливать проведение в жизнь под коллективной ответственностью всего состава членов губисполкомов, в) издавать в порядке управления обязательные для населения постановления и отменять и изменять постановления всех подведомственных ему органов и, наконец (п. 24), к о н т р о л и р о в а т ь и р е в и з о в а т ь д е я т е л ь н о с т ь в с е х п р а в и т е л ь с т в е н н ы х у ч р е ж д е н и й, п о д в е д о м с т в е н н ы х в с е м ц е н т р а л ь н ы м о р г а н а м, н е в х о д я щ и х в с о с т а в о т д е л о в г у б и с п о л к о м а.

Если добавить сюда право по п. 11 ст. 28-й право заключения займов в РСФСР и за границей, право составлять и утверждать местный бюджет, устанавливать и вводить в пределах соответствующих полномочий налоги, то мы получим объем

власти, который мало чем будет отличаться от суверенных прав государства вообще и, во всяком случае, не может быть определен только как местное самоуправление в старом «земском» смысле этого слова или... «ведение местных дел».

Эти права и обязанности настолько широки, что целиком и полностью оправдывают данное в ст. 1-й конституции определение нашей республики, «как республики Советов, где вся власть в центре и на местах принадлежит Советам».

Более того: те же принципы федеративного начала и широких полномочий местных органов проведены даже в построении низшей советской ячейки — волостного исполнительного комитета и сельского совета. Волостной исполнительный комитет также имеет свой бюджет и назначает и смещает своих ответственных работников (раздел II пост. ВЦИК о волостных съездах советов). И, наконец, сельские советы, согласно п. 10, также являются высшим органом власти в пределах и в границах обслуживаемой им местности. Все постановления сельского совета, не выходящие за пределы его ведения, обязательны к исполнению для всего населения данной местности.

Этот принцип федерализма может казаться явно несовместимым с принципом диктатуры и всевластия центральных органов. Но это противоречие только кажущееся. И, наоборот, именно потому, что мы имеем систему диктатуры трудящихся,—только поэтому оказалась возможной такая организация исполнительной власти на местах. Она оказалась мыслимой и возможной только потому, что все государство явилось органом классового господства не меньшинства над большинством, как было до сих пор, а большинства над меньшинством, объединившихся в свое государство не на началах назначения и принуждения, а на началах добровольного подчинения и широкой местной автономии. После исключения из органов власти представителей иных нетрудовых классов для борьбы и столкновений между центральной властью и местной властью не оказалось вовсе почвы, ибо и тех, и других объединило объективное един-

ство интересов представляемых ими трудящихся масс. По тому же поводу Ленин пишет:

«Бернштейну просто не может притти в голову, что возможны добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию, добровольное слияние пролетарских коммун в деле разрушения буржуазного господства и буржуазной государственной машины. Бернштейну, как всякому филистеру, централизм рисуется как нечто только сверху, только чиновничеством и военщиной могущее быть навязанным и сохраненным».

Лучшего аргумента, конечно, придумать нельзя.

Первый же период Советской республики знаменовался еще большим федерализмом, выразившимся в том, что каждая область, если не каждый город, имели у себя свой «совет народных комиссаров» и свой «центральный исполнительный комитет». И это несмотря на то, что 1918 г. был годом наиболее тяжелым в смысле гражданской войны.

Это мало,—согласно ст. 11 конституции даже «советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще стоят областные съезды советов и их исполнительные органы».

Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику. И, наконец, еще дальше в том же направлении пошла советская конституция при решении национального вопроса.

«Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России,—говорит ст. 8 декларации,—III Всероссийский съезд Советов ограничивается установлением коренных начал федерации советских республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они, и на каких основаниях, участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях».

То, что только мельком было набросано в 8-й ст. декларации, принятой на III Съезде Советов, нашло свое окончательное выражение в новой конституции об образовании Союза Советских Социалистических Республик, принятой на 2-й сессии ЦИК'а Союза Советских Республик в 1923 г., году, когда согласно договору Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, Украинская Советская Республика, Белорусская Советская Республика и Закавказская федерация, объединяющая три республики (Грузию, Армению и Азербайджан), объединились в одно Советское государство—Союз Советских Социалистических Республик,—как гласит договор.

Национальный вопрос, как мы видели, являлся вопросом, над которым всегда билось и никак не могло разрешить буржуазное государство. Оно не может его разрешить потому, что империализм (см. выше) самым существом своим имеет подавление малых национальностей и в частности угнетение и эксплоатацию некультурных народов Востока и Азии. Единство трудящихся не менее принципиально исключает своим существом всякое национальное угнетение. Вот почему уже декларация прав на III съезде объявила «о полном разрыве Советской России с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благостояние эксплоататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах».

Союз этот является добровольным объединением равноправных народов», где «за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза», а доступ в Союз «открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим войти в него в будущем».

На этих основах в противовес политике произвола и насилия построена Федерация Советских республик. Добровольное вхождение и право свободного выхода гарантируют эту свободу. Нет ни одной страны в мире, которая так строила бы государственное единство. Зато с тем большим основанием Советская Республика имеет возможность укреплять это единство путем добровольного отказа

этих отдельных частей Союза от части своих суверенных прав и передачи их центральным органам Союза в целом.

Согласно ст. 1-й конституции, республики передали центральному Союзу: а) монополию на руководство всей внешней политикой Союза, б) руководство вооруженными силами и установление единой системы внутренней торговли, в) единое руководство транспортным и почтово-телеграфным делом, г) руководство внешней торговлей и установление единых форм денежной и кредитной системы. Будучи гарантированы в своем праве в любой момент выйти из Союза, договорившиеся республики пошли еще дальше. Ясно отдавая себе отчет в том, как говорит декларация, что «восстановление народного хозяйства и разрушенных производительных сил оказалось невозможным при раздельном существовании республик», договорившиеся республики передали в ведение Союза «установление единых основ и общего плана народного хозяйства в целом и утверждение единого государственного бюджета». Но и этого оказалось мало. Если для установления единого хозяйственного плана и бюджета оказалось необходимым, чтобы скорее сообща восстановить разрушенные войной и революцией производительные силы страны, то тем паче такое единство политики оказалось необходимым для первых опытов построения единого социалистического хозяйства, где вообще единый план и учет должны быть положены в основу всего. Одновременно эти же последние соображения толкнули Союз Республик к объединению и тех отраслей, где, казалось бы, для этого не было никакой внешней необходимости. Их диктовала необходимость единства идей, цели и общего пути к социализму и единства экономического развития.—Вот почему следующими абзацами той же ст. 1-й конституции Союза в ведение последнего также передано установление общих начал и во всех остальных отраслях государственного управления, как-то: «в области землеустройства и землепользования», «общих основ гражданского и уголовного законодательства, судоустройства и судопроизводства», «установление основных законов о труде» и «общих начал в области народного просвещения и народного здравоохранения».

Единую неделимую республику в свое время проповедывал Маркс против федералистических стремлений буржуазных республиканцев, стремившихся противопоставить мелкобуржуазные области пролетарским центрам. «Централизовать нацию,—такова формула, которую он дал в области практической политики своим ученикам. Советская республика достигает того же самого эффекта предоставлением широкой автономии и федерации угнетенным национальностям. Однако, это оказалось возможным только при условии установления и в этих государствах диктатуры трудящихся масс.

Задача, неразрешимая для буржуазии,—совмещение принципа централизованного управления с принципом национальной независимости,—оказалась разрешенной только в пролетарском государстве.

Органами, которым по конституции формально поручена охрана последней, является Центральный Исполнительный Комитет Союза, состоящий одновременно из Союзного Совета и Совета Национальностей. Компетенция Центрального Исполнительного Комитета Союза аналогична компетенции ВЦИК. Совет же Национальностей, без которого не может получить силы закона ни один более или менее важный декрет, образуется из представителей союзных и автономных Советских Социалистических Республик, по пяти представителей от каждой, и представителей автономных областей РСФСР по одному представителю от каждой. Таким образом, каждая незначительная национальность имеет свое национальное представительство, а все вместе они представляют орган, имеющий равную силу с высшими центральными органами страны, при чем при недостижении соглашения, по требованию любой стороны, вопрос подлежит передаче на разрешение высшей руководящей власти — очередного или чрезвычайного съезда Советов Союза» (ст. 24). Особо наблюдает за точным исполнением конституции Верховный Суд Союза Советских Социалистических Республик. Такова в общих чертах советская конституция, и таково строение пролетарской Советской республики первого в

мире государства трудящихся, рабочих и крестьян в его положительных чертах.

Раньше, чем перейти к ее дальнейшему анализу, мы должны подвести некоторые итоги.

Опыт пролетарской революции показал, что только посредством создания своих классовых организаций еще в недрах буржуазного государства или в момент буржуазной революции и затем только путем противопоставления этих организаций всему буржуазному государству и централизованного руководства ими оказалось возможно установление власти и диктатуры пролетарских масс.

Установление этой диктатуры еще не означало, однако, установления социалистического порядка и упрочения власти рабочих. Только в результате длительной гражданской войны мыслимо такое упрочение.

Отсюда лишение буржуазии каких бы то ни было политических прав, поскольку нет еще мирового господства пролетариата, явилось основной политической директивой момента, в частности в русских условиях, и до сих пор установление трудового избирательного права, установление дискреционного права центральной власти, на ограничение прав отдельных лиц или целой группы лиц и даже целых политических слоев пользования «свободами», вплоть до полного лишения права ими пользоваться, является основными гарантиями сохранения этой диктатуры.

Одновременно условием успешности пролетарской революции явилось то, что в основе всех конкретных политических шагов лежала идея создания и укрепления блока пролетариата и городской и крестьянской бедноты на основе реальной классовой заинтересованности последней в победе пролетариата и его партии. Эта заинтересованность отнюдь не принимала форм политического и парламентского блока, который нанес бы ущерб революционному руководству пролетарской партии. Ее гегемония в этом отношении должна быть незыблема. На деле—делом завоевала пролетарская партия этот реальный жизненный блок и на деле заставила массы мелкой буржуазии примкнуть к рабочим. Та же гегемония рабочего класса была

затем закреплена формально после переворота, и рабочим обеспечены руководящая роль и представительство во всех главных государственных учреждениях.

На-ряду с этим, однако, пролетарская революция и пролетарская республика наметили те принципы строения своего государства, которые оказались присущи только ей и которые никогда не могут себе позволить буржуазные государства, а именно:

а) полный отказ от системы централизованного бюрократического управления сверху путем назначенства и приказов (система главкизма и чиновничьей иерархии), кроме тех отраслей, где иная система управления не может быть принята по самому существу функций, возложенных на эти органы управления (армия, транспорт, некоторые отрасли промышленности), б) систему широкой автономии местных органов власти в виде губернских советов и их исполкомов, как наиболее гарантирующую при общем единстве интересов трудящихся масс от бюрократических излишеств и извращений, и в) систему широчайшей национальной свободы на основе добровольного вхождения отдельных национальностей в Союз Советских Республик.

Эти принципы, которых не может себе позволить ни одно буржуазное государство, оказались мыслимы только в Советской республике, только в пролетарском государстве. Они явились зародышем тех новых форм государственного управления и строительства общества, обрисовкой и теоретическим анализом которых с точки зрения идеального государства будущего,—хотя бы в общих чертах,—мы и закончим наши беседы.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ.

Теоретическое обоснование нового государства, как оно дано Лениным в его книжке „Государство и революция“.—Практическое несоответствие практических форм структуры Советской власти за 6 лет с этими теоретическими воззрениями. — В чем выразилось это несоответствие и каковы его причины.—Восстановление органов принуждения в виде армии и милиции.—Восстановление иерархического неравенства и бюрократической системы управления.—Явилось ли это отступление объективно-оправданным историческими условиями и в какой мере.—Каково должно быть новое общество по Ленину.—Привычка управлять по очереди, как основа новых общественных отношений в новом государстве. — Каждому по его потребностям, как основной принцип распределения в новом обществе.—Исчезновение всяких форм принуждения с момента исчезновения последних источников неравенства—неравенства физического и умственного труда.—Почему, несмотря на допущенное отступление, все же мы идем по правильному пути.—Что практически завещал Владимир Ильич нам для скорейшего приближения нашего теперешнего государства к формам нового общества и нового государства, предуказанного им в своих трудах.

Задача, которую мы должны поставить перед собой в нашей последней беседе, представляется задачей двоякого рода. С одной стороны, мы должны закончить наши общего характера теоретические исследования о природе и существе государства и попытаться обрисовать ту форму общежития (мы не рискуем уже больше называть ее государством), которую должно принять новое общество. Это— одна задача.

Второй задачей нашей последней беседы мы должны поставить рассмотрение того, что именно, исходя из того же понимания, надлежит делать сейчас с нашей теперешней государственной машиной, такой, как она создалась

в результате 7-летнего государственного строительства и 7-летней диктатуры пролетариата, или какова же наша практическая задача сегодняшнего дня для проведения в жизнь этих теоретических воззрений, так как последняя задача оказалась на практике гораздо сложнее и труднее, чем казалось нам в 1917 г., и мы до сих пор не только с ней не справились, но в некоторых отношениях даже отступили назад.

Последние слова требуют некоторого разъяснения. В буре и в грозе, сказали мы, родилось Советское государство. И это верно. В буре и в грозе оно родилось, строилось и, окрепшее, стоит сейчас незыблемой твердыней перед лицом всех своих врагов. Но если его теоретические основы были осознаны в общем и целом лишь накануне его строительства (книжка Владимира Ильича «Государство и революция» вышла в свет в ноябре 1917 года, а писалась в августе), и само оно в своих главных основаниях явилось результатом скорее стихийного творчества масс, чем продуманного покойного строительства революционной партии, то такое положение вещей не могло не отразиться на его дальнейшей судьбе. Разбить старую машину было легко, но строить новую в атмосфере борьбы и гражданской войны, без всякого практического опыта и с едва намеченными веками теоретического анализа было, по меньшей мере, трудно. В результате новое переплелось со старым, и старое ожило вновь. И шесть лет спустя после переворота, в марте 1923 года, Владимир Ильич по поводу уже созданного советского, пролетарского государства вынужден был написать в своих знаменитых статьях о Рабкрине следующие роковые строки:

«Дела с государственным аппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать: отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его».

И дальше: «Мы уже 5 лет суетимся над улучшением нашего государственного аппарата, но это именно только суетня, которая за 5 лет доказала лишь свою непригодность или даже свою бесполезность или даже свою вредность» (там же).

Беда же оказалась в том, что, как он писал в своей первой статье о Рабкрине в январе 1923 г., «наш государственный аппарат, за исключением Наркоминдела, в наибольшей степени представляет собой пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутый сколько-нибудь серьезным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата».

Так он характеризовал состояние государственной машины на 6-й год диктатуры пролетариата, т.-е. состояние того орудия, при помощи которого пролетариат эту диктатуру осуществлял. Такая характеристика орудия диктатуры должна быть принята, по меньшей мере, внушающей опасенье за самое диктатуру. Но это только одна сторона вопроса. Беда оказалась еще серьезнее. Благодаря тому, что аппарат по своим традициям, навыкам, системе и методам управления, а в значительной мере и личному составу, был и целиком остался заимствованным от старого, в своей значительной части он превратился снова в те «особые кадры людей, специализировавшихся на управлении», о которых писал Энгельс, что они, «обладая общественной властью и правом взыскания налогов, становятся, как органы общества, н а д о б щ е с т в о м».

А само новое общество, долженствовавшее, по словам Энгельса, «по-новому организовав производство на основе свободных и равных ассоциаций производителей, о т п р а в и т ь в с ю г о с у д а р с т в е н н у ю м а ш и н у т у д а, г д е е й б у д е т т о г д а н а с т о я щ е е м е с т о: в м у з е й д р е в н о с т е й, р я д о м с п р я л к о й и б р о н з о в ы м т о п о р о м («Анти-Дюринг»), оказалось само во власти этого государства, начавшего охватывать, «обволакивать» с в о и м в л и я н и е м с а м и х н о в ы х р у к о в о д и т е л е й.

Выпукло и ярко характеризует это создавшееся положение специально по вопросу о госаппарате и реформе Рабкрина резолюция XII съезда партии, поставившая этот вопрос во главу угла, как политический вопрос. Приблизить вновь наше государство к его исходному пункту — органу диктатуры масс и органу самодеятельности масс, — так встал вопрос.

Сначала ответим на первый основной вопрос.

Впервые Ленин поставил вопрос о новой форме государства в своих тезисах в апреле 1917 г. Он высказал тогда требование создания такого «государства-коммуны», где бы «не было полиции, армии и чиновничества», и все государство было бы построено «на началах выборности и сменяемости всех должностей в любое время, с заработной платой всех не выше заработной платы среднего хорошего рабочего» и вместе с тем дал ряд указаний на то, чего не надо делать рабочему классу при построении своего государства.

В своей книжке «О государстве и революции», датированной августом 1917 г., анализируя это «государство-коммуну» и его существо, Владимир Ильич равным образом подчеркивал прежде всего, что его отличительной объективной чертой является то, что оно должно быть построено так, чтобы в нем объективно было невозможно возникновение старого положения вещей и старого бюрократического порядка. Об уничтожении этого старого государственного порядка, старой государственной машины, как основной задаче революции, он поэтому пишет прежде всего. «На самом деле,—пишет он, полемизируя с Каутским,—как-раз наоборот: мысль Маркса состоит в том, что рабочий класс должен разбить, сломать готовую государственную машину, не ограничиваться простым захватом ее» (стр. 50, изд. «Московск. Рабочий», 1923 г.).

«В этих словах: «сломать бюрократически-военную государственную машину,—пишет далее Владимир Ильич,—заключается кратко выраженный главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству. И именно этот урок не только совершенно забыт, но и прямо извращен господствующим, каутскианским «толкованием» марксизма» (стр. 51).

Эти слова он повторяет затем много раз в ряде мест. «Бюрократическая военная государственная машина гнетет, давит, эксплоатирует... Разбить эту машину, сломать ее,— таков действительный интерес народа, большинства его

рабочих и большинства крестьян, таково предварительное условие свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое переобразование» (стр. 31, «Государство и революция»).

Так пишет Ленин. Эта ломка означает для него, однако, именно ломку, в самом прямом и непосредственном смысле этого слова. И отнюдь не такое понимание изменения старой чиновничьей машины, когда в результате его получилась бы машина по ее образу и подобию, с тем только отличием, что во главе отдельных отраслей государственного управления или отдельных рычагов этой машины встали бы коммунисты. Такое понимание Ильич называл прямым извращением марксизма. Разбить, сломать, уничтожить, — вот чего добивался Ильич.

Владимир Ильич на 30-й странице пишет:

«Особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является предварительным условием всякой действительной народной революции». Таково было первое указание.

А что же должно было быть построено вновь?

Ленин говорит по этому поводу: «У Маркса нет ни капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, фантазировал новое общество», «он изучает, как естественно-исторический процесс, рождение нового общества из старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он учится у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса» (стр. 31, курсив Ленина).

Новое общество не выдумывают, его дает сама революция. Так же действовал и сам Ленин.

Что же в частности дала нам наша революция?

Ленин до нашей революции уже стремился изучить черточки нового общества и государства по опыту Парижской Коммуны и трудам Маркса. Опыт русской револю-

ции воспроизвел эти черточки в большем в десять раз историческом масштабе.

При анализе Коммуны Маркс говорит: «Коммуна была единственной политической формой, в которой было объективно возможно экономическое освобождение пролетариата».

В чем же именно состояла,— спрашивает дальше Владимир Ильич,— эта «объективно единственная» форма пролетарской социалистической республики? Каково было то государство, которое начал создавать пролетариат? Отметив первоначально разрушительную работу Коммуны по уничтожению орудий принуждения—армии, полиции и т. д., Маркс дальше пишет:

«...Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собой разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса».

«То же самое—чиновники всех остальных отраслей управления... начиная с членов Коммуны; сверху донизу общественная служба должна была исполняться за заработную плату рабочего. Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами... Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость... Они должны были впред избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми» (стр. 56). «Коммуна освободила бы крестьянина,—говорит Маркс дальше,—от жандарма, полевого сторожа, священника, адвоката, нотариуса и других пиявок капиталистического строя».

В этом уничтожении чиновничества со всей его иерархией, уравнении всех чиновников по заработной плате Ленин видел образец той **новой формы**, которая **сама в себе** несла **невозможность возрождения старого** и которая должна была быть основой **нового**.

«Полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего»,—эти простые «и само собой понятные», демократические мероприятия, — пишет

Ильич,—объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного, чисто-политического переустройства общества».

И именно в них и Маркс, и Ленин видели объективные гарантии невозможности воссоздания старой машины, «как особого кадра людей, отделенных от народных масс», и потому,—как говорит Ленин,—«становящихся над массами». Русская революция в свой первый период целиком восприняла эти заветы. Советы рабочих депутатов, как основные ячейки новой, не только государственной, а и общественной системы, были поставлены во главу угла. И отсюда вытекало соответствующее же разрешение всех остальных вопросов, обрисованных нами в прошлой беседе: 1) вопроса о системе и методах управления отдельной коммуны или отдельного Совета, городского, волостного или сельского; 2) вопроса о методах и системе связи этой отдельной коммуны или Совета со всеми остальными, т.-е. вопроса о способах подчинения их центральной власти; 3) вопроса о функциях и построении самой центральной власти.

Коммуна дала не только образец того, как она пыталась построить государство в Париже, но и как она думала осуществить государственный строй на территории всей Франции. Однако, у Маркса по этому поводу мы имеем только следующую короткую цитату:

«В этом коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была... стать политической формой даже самой маленькой деревни».

«От коммун выбиралась бы и «национальная делегация» в Париже».

Наша революция дала больше. Принципиальные основы нашей советской государственной системы, заключающиеся в том, что Советы являются основной ячейкой всякой захолустной деревни, что от Советов, а не от населения вообще, избирается национальная делегация в Москве, в виде Всероссийского Съезда

Советов, при избираемости и сменяемости Советами во всякое время любого чиновника показывают, что в этом отношении наша пролетарская революция целиком пошла, руководимая Лениным, по заветам Парижской Коммуны и предначертаниям Маркса. Этот опыт русской пролетарской революции, которого не имел еще Маркс, нашел, однако, свое теоретическое обоснование у Владимира Ильича до того, как он был практически осуществлен русскими Советами. На вопрос о том, что является основой для нового объединения и связи отдельных коммун, при отсутствии «приказывающих властей», в единое государственное целое, Ленин отвечает вопросом же: «Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и объединят действия всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и проч. всей нации, всему обществу,—разве это не будет централизмом? Разве это не будет самый последовательный демократический централизм, и притом пролетарский централизм?»

«Бернштейну просто не может притти в голову, что возможен добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию, добровольное слияние пролетарских коммун в деле разрушения буржуазного господства и буржуазной государственной машины». Так разрешал Ленин этот вопрос. И опыт 7 лет целиком оправдал его.

«Бернштейну, как всякому филистеру, централизм рисуется, как нечто сверху, только чиновничеством и военщиной могущее быть навязанное и ими сохраненное», — говорит Ильич (стр. 43).

Наша система советского государства осуществила целиком это добровольное объединение коммун в нацию, осуществила в 1917 и 1918 гг. без особого кадра вооруженных людей, специально созданного для подавления всех не желающих подчиниться центральному правительству.

Чрезвычайно важно отметить, что опять-таки здесь нам не пришлось искать и ничего выдумывать, новые формы оказались даны революцией как факт, как факт были

восприняты и усвоены. На таком добровольном централизме построила пролетарская революция всю систему государственного управления с октября 1917 г. и на том же строит ее сейчас.

Гораздо сложнее оказался вопрос о функциях власти, и это—самый сложный вопрос. Более того: это основной вопрос техники и существа государственного управления. Как же должны управляться новое общество снизу и доверху? — вот в чем был вопрос, и на нем наша теория и практика кардинально разошлись. С тем большим вниманием мы должны его подвергнуть анализу, отмечая параллельно моменты, где именно и в чем наша практика разошлась с теорией. Первым основным принципом здесь явилось, как мы видели, упразднение парламентаризма в старой его форме. Вместо того, чтобы раз в три года выбирать людей, которые будут его «представлять и подавлять» в парламенте, в коммунах депутаты, избираемые теперь для работы.

Коммуна или Совет, взятая как низовая ячейка, явилась в первый период революции самоуправляющейся единицей, в которой население само собой управляет в порядке «примитивного демократизма» без всяких каких бы то ни было назначенных центральными органами правительственных властей. Это и был основной правильный ответ революции.

«Самое уже существование Коммуны, вело за собой,— пишет Маркс,—как нечто само собой разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней».

«Полное самоуправление провинции (губернии или области); уезда или общины через чиновников, избранных всеобщим избирательным правом; отмена всех местных и провинциальных властей, назначаемых государством»,—такое же требование выставил в свое время Энгельс («Критика проекта Эрфуртской программы»).

«Централизм для Энгельса, — пишет по этому поводу Ильич,—нисколько не исключает такого широкого местного управления, которое при добровольном отстаивании коммунами и областями единства государства устраняет вся-

кий бюрократизм и всякое командование сверху безусловно» (стр. 60).

Таков был основной тип, который дала пролетарская революция, и Ленин дает исчерпывающе его теоретическое обоснование.

«Рабочие, завоевав политическую власть,—пишет Владимир Ильич,—разобьют старый бюрократический аппарат (стр. 93), сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих против превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: не только выборность, но и сменяемость в любое время, плата не выше платы рабочего, переход медленный к тому, чтобы все исполняли функции контроля и надзора, к тому, чтобы на-время все становились бюрократами, и чтобы, поэтому, никто не стал бюрократом» (стр. 93). Так пишет Ильич, и эти его слова до сих пор нам кажутся несколько несбыточными, а между тем это не только теоретически, но и практически обосновано. Эта программа оказалась, как показал опыт, реально осуществимой в момент революции и реально осуществляемой с тех пор до настоящего времени.

Оно существует и осуществляется с тех пор, и до сих пор каждый божий день в подавляющем большинстве наших сел и деревень, где несложные и простые функции государственного управления, возложенные на сельсоветы, исполняют все домохозяева по очереди, а все более или менее крупные вопросы жизни общества разрешаются в порядке «примитивного демократизма», или, выражаясь научно, «прямого народоправства» на сельских сходах наших деревень.

Этот новый «тип» создала революция, Ленин же, как и Маркс, умел «учиться у опыта исторических движений» угнетенных классов.

С точки зрения того, как должна быть построена пролетарская государственная машина, это было наибольшее достижение и воплощение наиболее идеальной формы народной демократии. У Маркса мы находим по этому поводу

следующие слова: «Коммуна не была уже государством в собственном смысле...» Так как, — как разъясняет это Владимир Ильич, — «буржуазную государственную машину она разбила, *вместо особой силы для подавления населения, на сцену выступало само население*» (стр. 54).

Так построил Маркс, а затем Ленин основную ячейку нового государства. Ее «открыла»,—как говорит Маркс,—Коммуна. Ее усвоил Ленин. Ее осуществила в гигантском масштабе русская пролетарская революция. Этим, однако, еще не разрешается вопроса о методах управления на более сложных узловых пунктах действующей системы, чем сельсовет,—в губернских и, наконец, центральных органах управления. В иной постановке тот же вопрос необходимо было бы формулировать так: мыслимо ли создание такого государственного аппарата, *при котором органы центрального управления были бы построены так же и на таких же основаниях, как органы управления маленькими коммунами?* Мы видели, что у Маркса по этому поводу мы не имеем ничего, кроме маленькой цитаты о том, что некоторые функции должны быть оставлены за центральным правительством, и только.

Зато, если по этому поводу мало говорится у Маркса, то достаточно подробно об этих вопросах трактует Ленин. Поскольку здесь мы целиком *отошли* в нашей практике от теории,—позвольте пока-что ставить вопрос *только* теоретически.

Принцип, который Ленин здесь кладет в основу для разрешения вопроса о методах государственного управления в центральных органах, тот же самый метод, который дала революция в построении низовых ячеек. Для начала Владимир Ильич берет более простой пример из области муниципального управления. В частности, в главе, посвященной жилищному вопросу, он рассматривает механику этой отрасли управления (распределение квартир) и говорит:

«Сдача квартир, принадлежащих всему народу, отдельным семьям за плату предполагает и взимание этой платы, и известный контроль, и ту или иную нормировку в распоряжении квартирой. Все это требует известной формы го-

сударства, но вовсе не требует особого военного и бюрократического аппарата с особо привилегированным положением должностных лиц» (стр. 48).

К чему сводятся методы и приемы управления в этой области? Они сводятся к тому, что данные органы государственной власти—те или другие должностные лица—распределяют и нормируют распределение квартир, производят контроль над взиманием платы и взимание самой платы, т.-е. производят некоторые операции по сложению, вычитанию, умножению и делению с известным к этому навыком и по известным правилам. Для этой работы не требуется,—говорит Ленин,—ни особого привилегированного положения этих лиц, ни особой сложности самого аппарата. Спрашивается, почему же нельзя, чтобы эти функции исполнялись в некоторой очереди некоторым количеством сменяемых в любое время должностных лиц из числа рядовых граждан, за минимальное вознаграждение, равное средней заработной плате рабочего. И Ленин отвечает: такая система вполне возможна. И возразить на это нечего.

Это, однако, еще слишком элементарная отрасль управления. В главе «Полемика Каутского с оппортунистами», мы находим цитату по вопросу о порядке управления железными дорогами, якобы, представляющими из себя такое сложное дело, при котором возможна только старая бюрократическая система управления, основанная на принципе назначенства, централизации и создания особой чиновничьей иерархии.

«Железные дороги,—пишет по этому поводу Владимир Ильич,—решительно ничем иным не отличаются с точки зрения необходимой, будто бы, бюрократической организации, от всех вообще предприятий крупной индустрии, большого магазина, фабрики, крупно-капиталистического сельскохозяйственного предприятия. Во всех таких предприятиях техника предполагает, безусловно, строжайшую дисциплину, величайшую аккуратность при соблюдении каждым указанной ему доли работы, под угрозой остановки всего дела или порчи механизма, порчи продукта.

Во всех таких предприятиях рабочие будут, конечно, «выбирать делегатов», которые образуют «*нечто в роде парламента*» (курсив автора).

В том-то вся и соль, однако, — продолжает Владимир Ильич, — что это «нечто в роде парламента» не будет прямым парламентом в смысле буржуазно-парламентарных учреждений и не будет только «устанавливать распорядок и наблюдать за управлением бюрократического аппарата»...

Суть не в том, — говорит он в другом месте и по другому поводу, — «останутся ли министерства, будут ли комиссии специалистов или иные какие учреждения, — это совершенно неважно»; суть в том, что *они будут подчиняться рабочим, наблюдающим за их работой, за их деятельностью, не будут сами уже начальством по отношению к ним*...

«Не надо смешивать, — говорит Ильич, — вопрос о контроле и учете с вопросом о научно-образованном персонале инженеров, агрономов и прочее: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим» (стр. 85).

Это «нечто в роде парламента», будет ли оно поставлено на низовых ячейках управления транспортом, будет ли оно представлять из себя то, что мы именуем сейчас коллегией НКПС, должно быть построено, однако, на тех же самых принципах: а) *выборности и сменяемости*, б) *платы не выше платы рабочего* и в) *перехода к постепенному достижению возможности осуществления этой отрасли работы любым из граждан РСФСР*.

На этом последнем обстоятельстве споткнулась наша российская революция, и поэтому его мы должны обследовать со всей внимательностью.

Эти принципы также были на первых порах осуществлены и проведены полностью пролетарской российской революцией на практике. И *в своих основах* они остались незыблемыми и до сих пор, но только в своих основах. «Нечто в роде парламентов из рабочих» ведет у нас управление и теперь во всех отраслях государственной жизни, во всех отделах губисполкомов или наркоматов при

ВЦИК. Издавая законы и осуществляя их исполнение, рабочие сами наблюдают за делом рук своих. Камень преткновения, однако, для нашей революции оказался в этом последнем пункте — невозможности для нас в настоящее время поставить дело так, чтобы любая из этих государственных функций могла быть исполняема в любое время и любым гражданином РСФСР.

А между тем, его категорически и многократно указывает, как основную и характернейшую черту нового государства и нового общества, Владимир Ильич. Почему же осуществление его оказалось невозможным, и в чем мы отступили от этого требования? — так, следовательно, должен быть поставлен вопрос.

Две предпосылки, по Ленину, для этого являются необходимыми: одна—экономического, другая—политического или скорее обще-культурного развития, обусловленная в конечном счете первой же.

Предпосылка экономического характера должна заключаться в предварительном достижении страной такой ступени экономического развития, при которой все формы производства, распределения и обслуживания элементарных материальных потребностей масс населения представлялись бы аналогичными строению крупного капиталистического предприятия, сложнейшей дифференцированной машиной, наподобие машины, работающей на крупном заводе, и в то же время до того технически совершенной, что для управления собой она бы не требовала ни значительной физической силы, ни значительного умственного напряжения. Вторая предпосылка должна была заключаться в наличности соответствующего человеческого материала, который мог бы управлять без особого труда и подготовки такой государственной машиной. У Ленина мы находим обрисовку обеих этих предпосылок, как уже данных в капиталистическом обществе, или, по меньшей мере, как долженствующих появиться в ближайшем будущем.

По первому вопросу мы имеем следующую цитату: «Теперь почта есть хозяйство, организованное по

типу государственной капиталистической монополии. Империализм постепенно превращает все тресты в организации подобного типа. Но механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплоататоров, сломать бюрократическую машину современного государства,—и перед нами освобожденный от «паразитов», высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу всех их, как и вообще «государственных чиновников, заработной платой рабочего. Вот задача конкретная, практическая, осуществимая тотчас по отношению ко всем трестам, избавляющая трудящихся от эксплоатации» (стр. 85).

С другой стороны, сама техника, как производства, так и управления при помощи развитого и все более пропитывающего все до одной производственные операции машинизма, действительно сводит функции рабочего к простейшим движениям. Как на патронном заводе кусок жести, проходя 121 операцию, превращается в конце-концов в готовый патрон, который остается только положить в винтовку и выстрелить, при чем все функции рабочего сводятся к своевременному подкладыванию этого куска под машину и передаче в другую машину, у которой уже стоит другой рабочий, функции которого сводятся опять-таки к тем же движениям, применение тех же принципов научной организации труда сводит в конце-концов к таким же простейшим движениям, не требующим ни особой гениальности, ни особой подготовки, и все функции по управлению. Об этом и писал, на этом строил прогноз нового государства Владимир Ильич.

«Капиталистическая культура, — пишет Владимир Ильич на 35-й стр.,— создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телеграф и проч., а на *этой базе* (курсив Ленина) громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции можно будет вы-

полнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного».

Мы имеем констатированными, таким образом, следующие принципы построения нового государства т. Ленина: 1) Коммуна—основная ячейка всей политической системы. 2) Объединение этих коммун в единый государственный механизм покоится на принципе добровольного подчинения и единства интересов трудящихся. 3) Только немногие центральные производственные функции и функции по центральному управлению передаются центральным производственным и административным органам,—эти последние организованы, однако, на тех же принципах, что и любая из коммун. Должностные лица их оплачиваются одинаковой средней заработной платой среднего рабочего.

Но объективная возможность такой формы наступает только тогда, когда экономическое развитие уже создало формы производства, при которых функции по производству и управлению могут быть сведены к простейшим действиям, а общий культурный подъем уже сделал их доступными для любого из граждан нового общества, или,—как пишет Владимир Ильич,—когда настанет такой порядок, «когда все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял» (стр. 99). Этого-то как-раз у нас, однако, и не оказалось.

Этот последний процесс есть, однако, длительный процесс, по мере протекания которого рабочему классу пришлось разрешить целый ряд иных проблем, в том числе и проблему подавления прежних эксплоататоров.

«Особый аппарат,—пишет Ленин (стр. 76),—особая машина для подавления, «государство» еще необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплоататоров большинством вчерашних наемных рабов,—дело настолько сравнительно легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле»... «Эксплоататоры,

естественное дело, не в состоянии подавить народ без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но народ подавить эксплоататоров может и при очень простой «машине», почти-что без «машины», без особого аппарата, простой организацией вооруженных масс (в роде Советов рабочих и солдатских депутатов,—заметим, забегая вперед)».

«Наконец, полный коммунизм, и только он, создает полную ненадобность государства, ибо некого подавлять,— «некого» в смысле класса, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения».

В дальнейшем развитии той же самой мысли Владимир Ильич говорит о том, что самое сопротивление этих эксплоататоров будет в высокой степени слабым, и, наконец, станет таким редчайшим исключением, при чем «будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие—люди практической жизни, а не сантиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные, основные правила всяческого человеческого общежития очень скоро станет привычкой» (стр. 86). На том же базисе замены принуждения привычкой строится отправление всех остальных функций в новом обществе. Мы позволим себе привести дальше сразу все выдержки из Вл. Ильича, чтобы обрисовать всю картину нового общества, каким оно должно было бы быть. Почему оно у нас сразу таким не вышло,—об этом побеседуем ниже.

«Учет и контроль,—вот главное, что требуется для налажения, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества,—пишет Ленин. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций, наблюдения и записи, знания 2-х действий арифметики и выдачи соответственных расписок» (стр. 85).

«Специфическое «начальствование» государственных чиновников,—говорит он в другом месте,—можно и должно тотчас же, с с е г о д н я н а з а в т р а (курсив наш) начать заменять простыми функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за заработную плату рабочего» (стр. 39).

Отсюда вытекает второй этап развития нового общества, выражающийся в постепенном отмирании и исчезновении какой-либо потребности в приказывании и принуждении в отношении индивидуальных людей, а не целых классов, и з а м е н е э т и х м е т о д о в п о д а в л е н и я и п р и н у ж д е н и я, свойственных всякому государству м е т о д а м и п р и в ы ч н ы х д е й с т в и й, свойственных всем гражданам вместе и всякому в отдельности и п о т о м у н е н у ж д а ю щ и х с я н и в к а к о м п р и н у ж д е н и и.

«С того момента, когда все члены общества,—пишет Ленин,—или хотя бы громадное большинство их, с а м и научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, наладили контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом, — с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще, «тем быстрее начинает отмирать в с я к о е государство» (стр. 86).

«И тогда,—кончает Вл. Ильич,—будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства» (стр. 87).

«Ибо люди п р и в ы к н у т к соблюдению элементарных условий общественности б е з н а с и л и я и б е з п о д ч и н е н и я» (стр. 69), ибо мы кругом себя наблюдаем миллионы раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплоатации, если нет ничего такого, что возмущает, вызывает протест и восстание, создает необходимость п о д а в л е н и я» (стр. 75).

Характерным признаком этого периода явился, однако, признак «уравнительности».

«Средства производства уже вышли из частной собствен-

ности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов, за вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд; каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал» (стр. 78).

Это не есть еще, однако, полный коммунизм.

«До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления...» (стр. 82).

Каждый получает при этом за равное количество труда равное количество продуктов, за указанными вычетами.

«Однако, это еще не коммунизм, ибо это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продуктов».

Это только первая фаза социалистического общества.

Вторая фаза по Ленину и Марксу наступает тогда, когда, говоря словами Маркса, исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда, когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда, когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни, когда вместе со всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком,—лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям» (стр. 80).

Этот же момент Владимир Ильич изображает следующим образом: «Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при

котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших (последний!! Н. Кр.) источников современного общественного неравенства, и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, этой экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя». Эта экспроприация дает только возможность гигантского развития производственных сил».

«Тогда,—говорит он,—распределение продуктов не будет требовать нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать «по потребности» (стр. 81).

Так наступает вторая фаза коммунистического общества. Так представляли себе Маркс и Энгельс эту фазу.

Так обрисовал Вл. Ильич дальнейшую эволюцию общества. На этом мы поставим точку и перейдем к разрешению второго и последнего вопроса, почему у нас так не вышло, ибо расхождение, как мы видим, между теорией и практикой получилось действительно весьма и весьма значительное. Чтобы понять его, мы должны теперь опять вернуться назад и от чистой теории обратиться вновь к изучению практических условий нашей работы, в частности к тому моменту, когда мы констатировали первое отступление от теории—именно к моменту создания нами иных, чем те, какие рекомендовал Вл. Ильич, методов по построению и управлению государством в следующих за низовыми ячейками органах управления, при чем не только в области положительной, но и в области разрушительной работы. Начнем по порядку. Упразднение армии,—с этого предлагал начать Вл. Ильич. Старую армию мы действительно основательно разрушили, но взамен ее мы вынуждены были создать именно постоянную армию, и именно регулярную армию со всеми ее специфическими качествами, особой «военной» дисциплиной, строго иерархическим подчинением, механизацией призванных на военную службу рабочих и крестьян. Мы создали, правда, другую, Красную, классовую революционную армию, всемерно связав ее с широ-

кими народными массами. Армия, как таковая, тем не менее, осталась.

Полицию предлагал немедленно уничтожить Маркс, и за ним о том же говорил Ленин: «отнять у полиции политические функции, растворив ее в общенародной милиции» предлагали они оба. Мы действительно упразднили и разрушили в корне политическую полицию старого порядка, но на место ее мы создали одновременно нашу советскую полицию, и внешнюю, и внутреннюю, сперва в виде ВЧК, а затем в виде ГПУ, со всеми ее также специфическими чертами—особой формой организации, особой внутренней дисциплиной и внутренней иерархией, стремясь и здесь лишь заполнить ее кадры соответственным новым человеческим материалом, выдержанными революционерами, связав и ее, по возможности, с широкими народными массами. И, тем не менее, мы воссоздали именно полицию, тем не менее, далеким идеалом остались те слова Владимира Ильича, когда он говорил о такой организации внешней милиции, которая бы представляла из себя «поочередное отбывание милицейских обязанностей всем трудящимся населением, одинаково мужчинами и женщинами». «В такой милиции,—писал по этому поводу Ильич (стр. 126),—должны участвовать поголовно все граждане и гражданки от 15 до 65 лет, если этими примерно взятыми возрастами позволительно определить участие подростков и стариков», тем более, что «такие функции «полиции», как попечение о больных, о беспризорных детях, о здоровом питании и проч., вообще не могут быть удовлетворительно осуществлены без равноправия женщин на деле, а не на бумаге».

«Привлечь организованные силы всего народа к созданию поголовной милиции—таковы задачи, которые пролетариат должен нести в массы в интересах охраны, упрочения и развития революции».

И эти слова, как и многое другое из того, что мы цитировали,—увы!—остались и остаются до сих пор музыкой будущего.

Самое коренное, однако, отступление нам пришлось проделать на основном факте и по основному во-

просу — о методах и системе государственного управления. Уничтожить чиновничество, как специальную категорию — особый кадр людей, специализировавшихся на управлении и ставших в силу этого над обществом,—вот что неустанно и многократно повторял Вл. Ильич вслед за Марксом в своих теоретических предложениях... Упразднить чиновничество, — писал он, — надо так, чтобы подрезать крылья самому существованию чиновничества, как такового. В целом ряде цитат мы приводили его настойчивые указания на эту тему, при чем он не только указывал на необходимость такого уничтожения, но и именно на то, каким образом нужно поставить управление так, чтобы возрождение чиновничества было объективно невозможно. В специальной главе, посвященной полемике с Каутским, он писал по этому поводу:

«Суть дела совсем не в том, останутся ли «министерства», будут ли «комиссии специалистов», или иные какие учреждения, это совершенно неважно. Суть дела в том, сохраняется ли старая государственная машина (связанная тысячами нитей с буржуазией и насквозь пропитанная рутиной и косностью), или она разрушается и заменяется новой» (стр. 98).

Эти слова прямо сказаны не в бровь, а прямо в глаз, и целиком соответствуют тому определению, которое дал нашему советскому государству XII партийный съезд на 6-м году пролетарской революции: «Старый государственный аппарат насквозь еще пропитан старыми методами управления и в своем личном составе представляет прежний буржуазный государственный аппарат»,—это ли не самая убийственная характеристика того, что есть. Что по этому поводу писал Ленин. «Мы не утописты,—говорил он,—чтобы полагать, что мы сумеем в первые периоды обойтись без чиновников». В самых основах нового государства он искал, одако, гарантию против восстановления старого чиновничества.

«Именно на примере Коммуны Маркс показал,—пишет Владимир Ильич,—что при социализме должностные лица перестают быть «бюрократами», быть «чиновниками»,—перестают по мере введения, кроме выборности, еще сменяе-

мости в любое время, да еще сведения платы к среднему рабочему уровню, да еще замены парламентарных учреждений «работающими, т.-е. издающими законы и проводящими их в жизнь» (стр. 99). (Всюду курсив Ленина).

Что из этих «еще» было нами осуществлено сейчас.

Мы воссоздали систему чиновничества, связанного, помимо Советов, представляющих народные массы данной местности, еще с центральными учреждениями, располагающими определенной дозой дискредиционной власти по отношению к своим подчиненным. Это, во-первых. И, наконец, уничтожив в первую эпоху революции то громадное различие в уровне заработной платы, которое существовало в старое царское время и отличало командные верхи чиновничьей машины от ее низов, мы полностью восстановили его потом. Таким образом, мы не только не провели того основного принципа, который упразднял самую душу чиновничьего управления— иерархическое и материальное неравенство чиновников, но мы восстановили его именно, как особый кадр людей, связав его прямой зависимостью от «начальства», и тем самым снова оторвав чиновников от народных масс, создав возможность прежнего «начальствования».

Эпоха же нэп'а, придавшая особенное значение материальному неравенству и дававшая возможность, исходя из этого материального неравенства, развивать его дальше в порядке частичного накопления, довершала остальное, в результате чего оказались близкими к истине слова Вл. Ильича о возможной бюрократизации даже пролетарских должностных лиц.

«При капитализме демократизм сжат, урезан, изуродован всей обстановкой наемного рабства, нищеты и нужды масс. Поэтому, и только поэтому, в наших политических и профессиональных организациях должностные лица развращаются (или имеют тенденцию быть развращаемыми, говоря вернее) обстановкой капитализма и проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т.-е. оторванных от масс и стоящих над массой привилегированных лиц». Эта цитата

Ильича в громадной степени оказалась соответствующей тому, что случилось с некоторыми нашими работниками, поставленными в условиях нэп'а в качестве начальников чиновничьей машины. И в этом основной и первородный наш грех, тем более тяжелый, что он не вызывался, как в случае с армией и ГПУ, политической необходимостью.

В этом основное и самое коренное отступление, которое мы проделали. Наконец, еще одно отступление заключалось уже совсем в другой области.

Как себе представлял Владимир Ильич первую фазу коммунистического общества. Вот подлинная цитата, как он ее себе представлял:

«Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов, за вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд» (стр. 78).

«... Каждый получает, отработав равную с другими долю общественного труда, равную долю общественного производства (за указанными вычетами)».

Вместо этого мы после опыта первых лет революции, когда пытались провести эту систему, были вынуждены выдвинуть лозунг нэп'а «всерьез и надолго» вместе со всеми его теперешними последствиями.

Невольно поэтому встает вопрос: что же мы имеем сейчас? В какой мере и что побудило нас к такому отказу от основных принципов, что мы можем сейчас сделать или на что можем претендовать и, наконец, что должны мы сделать сегодня, сию минуту в тех пределах, которые разрешает нам объективная действительность хотя бы для мало-мальского приближения к хотя бы первичным фазам проектируемого Лениным и Марксом коммунистического общества.

Отвечая на эти вопросы, надо прежде всего сказать: объективно не наша вина в том, что пролетарская

революция в России споткнулась о два объективных препятствия, которых не в состоянии была сама единолично преодолеть. Этими двумя препятствиями оказались: 1) запоздание наступления пролетарской революции на Западе и 2) экономическая структура нашей собственной страны.

1-го мая 1919 г. в журнале «Коммунистический Интернационал», в статье, принадлежащей перу Ленина, в тезисах о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре Владимир Ильич писал:

«История учит, что ни один угнетенный класс никогда не приходил к господству и не мог притти к господству, не переживая периода диктатуры, т.-е. завоевания политической власти и насильственного подавления самого отчаянного, самого бешеного, ни перед какими преступлениями не останавливающегося сопротивления, которое всегда оказывали эксплоататоры» (тезис 3-й, стр. 27).

«При таком положении дел диктатура пролетариата является не только вполне законной, как средство свержения эксплоататоров и подавления их сопротивления, но и абсолютно необходимой для всей массы трудящихся, как единственная защита против диктатуры буржуазии, приведшей к войне и подготовляющей новые войны» (тезис 12).

Армия являлась с этой точки зрения не чем иным, как орудием сопротивления для Советской Республики. Другим таким же орудием сделалась ВЧК и затем ГПУ. Оба эти учреждения, таким образом, являются целиком и полностью оправданными исторической объективной обстановкой. Существование их является физическим выражением самого факта диктатуры, и против них поэтому спорить нельзя.

«Но только Советская власть,—продолжает Вл. Ильич в тезисе 17,—как постоянная государственная организация именно угнетавшихся капитализмом классов, оказалась в состоянии действительно слить пролетариат с войском, действительно осуществить вооружение проле-

тариата и разоружение буржуазии, без чего невозможна победа социализма» (тезис 17, стр. 135).

Мы не видим поэтому ни малейшей ошибки до сих пор в этом временном отступлении, в существовании у нас и постоянной армии, и ГПУ. Тот факт, что до сих пор Советская Республика остается изолированным островом среди буржуазного мира, что только на 7-м году ее существования она добилась и получает признание со стороны буржуазных государств, и, наконец, тот факт, что эти самые буржуазные государства заставили нас выдержать три года войны, все это вместе приводит нас к выводу, что в нашем отступлении нет никакой ошибки и что все же основной завет Маркса и Ленина, завет Коммуны—уничтожение старой армии и старой полиции, т.-е. старых форм угнетения, старой капиталистической государственной машины, этот завет исполнен полностью. Наша Красная армия и наше ГПУ не являются отнюдь и ни в коей мере воплощением старой государственной машины, а являются орудиями новой машины государственного управления пролетарского государства, Советской Республики. Длительный же характер их существования продиктован нам историей.

Совершенно иначе, однако, обстоит дело с остальным отступлением и, прежде всего, с основным, касающимся чиновничества.

При каких условиях считал Вл. Ильич возможной организацию пролетарского государства? Он считал необходимым предварительно иметь для этого две предпосылки, одну — экономического, другую — политического характера. Готовый экономический и общественный механизм трудового народного хозяйства, выросшего на базисе капиталистического машинного производства,—вот что являлось первой предпосылкой. По меньшей мере, поголовная грамотность всего населения являлась второй предпосылкой. В перспективе соединение обоих давало такое положение вещей, при котором, как он опять-таки многократно подчеркивал, сложнейшие функции управления в любой из отраслей общественной или государственной

жизни могли бы быть сведены к простейшим операциям учета, контроля, к четырем правилам арифметики, простейшим записям и регистрации, доступным в силу простоты любому грамотному представителю трудящихся.

У нас, в России, после советской революции не оказалось налицо ни первой, ни второй предпосылки, не оказалось поэтому налицо возможности для осуществления дальнейших перспектив.

Меньшевики, конечно, по этому поводу сейчас же завопят: ага, вы признаете теперь нашу правоту, признаете сами экономическую незрелость российской революции,— значит, не надо было (?!) затевать революции, значит, надо было слушаться нас, значит, надо было итти в хвосте у либеральной буржуазии, как учит Каутский.

Ничего подобного, конечно, это не значит.

У того же Ленина по этому поводу мы находим блестящую критику Плеханова, который в свое время, после неудачи вооруженного восстания в декабре 1905 г., писал: «не надо было браться за оружие». Только идиоты или негодяи могут так аргументировать!—вот как надлежит характеризовать подобных аргументаторов. Идиоты, ибо только идиот может полагать, что можно в период наросших острых столкновений классовой борьбы предложить классам «не браться» за оружие. Негодяй, ибо только негодяй может предлагать рабочим в период революции добровольное подчинение их прежним эксплоататорам.

Вопрос решается всегда конкретной силой, и от силы наступления зависит, где пойдет равнодействующая сил. Целиком и полностью все это относится и к революции 1917 г. Рабочий класс в России уже был единственно возможным гегемоном революции. Крестьянские массы уже могли итти только за ним, чтобы получить осуществление своих чаяний. Буржуазия уже не могла быть руководящим революционным классом и невольно должна была в силу этого блокироваться со старым порядком. При этих условиях борьба неизбежно шла по водоразделу: пролетариат и крестьянство, с одной стороны, буржуазные классы—с другой. При этих усло-

виях пролетариат должен был взять власть, а, взявши власть, он не мог, не переставая быть пролетариатом, не ставить вопросов в соответствии со своими классовыми стремлениями и программой об упразднении капиталистического порядка и осуществлении так называемой программы-максимум. Иначе он перестал бы быть пролетариатом. При этих условиях экономическая структура России, преобладающее влияние в ней хозяйства мелкого, сельского, крестьянского хозяйства, одновременно с концентрацией рабочих масс в крупнейших промышленных центрах и с высокой революционной, политической сознательностью пролетариата, с той же неизбежностью должны были продиктовать такую среднюю равнодействующую линию, которая давала только ублюдочную форму осуществления нового порядка, т.-е. политическую диктатуру рабочих масс, экономическую и политическую экспроприацию капиталистов и помещиков и рядом экономический строй, основанный на своеобразном сочетании мелкого товарного производства рядом с крупной объединенной национализированной государственной промышленностью. Выражением именно такой ублюдочной структуры нашего хозяйства и явился нэп.

«Всерьез и надолго»,—этот лозунг диктовался вовсе не соображениями политического характера, направленными к тому, чтобы успокоить новую буржуазию в том, что ее не потревожат вновь в ближайшие годы. Он диктовался тем, что иначе нельзя было строить народное хозяйство в данных условиях.

Военный коммунизм не был ошибкой, не только потому, что, как программа, он всецело соответствует целям социалистического строительства вообще, он не был ошибкой еще и потому, что в условиях ожесточенной классовой, гражданской войны, при общем разорении государства и падении производительных сил, правящий класс обязан был при помощи насилия, опираясь на диктатуру, т.-е., как говорит Ленин, на вне-законную власть, действовать так, чтобы обеспечить государству, т.-е. себе, необходимые материальные ресурсы для дальнейшего продолжения сопро-

тивления: хлеб и материальное снабжение армии и городов. Тогда иначе нельзя было поступить. И все же в данных условиях долго так действовать было нельзя.

Нэп явился и является поэтому единственной возможной формой, в которой при данной структуре экономических отношений вообще мыслимо дальнейшее развитие нового государства и пролетарского общества. И только тогда, когда крупная промышленность выйдет из периода кризиса и, опираясь на широкий рынок сельскохозяйственных производителей, будет этим рынком управлять, можно будет поставить вопрос о введении вновь в область распределения тех принципов, о которых писал Вл. Ильич, как принципах первой фазы коммунистического общества, т.-е. о принципах равной доли из общественных продуктов каждому за равное количество вложенного им в общую сокровищницу труда.

Предпосылкою для этого, однако, должно получиться такое положение вещей, при котором, действительно, вопросы учета, контроля и распределения могли бы быть сведены к четырем простым правилам арифметики, доступным всякому грамотному пролетарию. Ибо «строжайший контроль со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления» является основой именно этого периода. Этих предпосылок еще нет. В этом объяснение многих наших отклонений от намеченного Вл. Ильичем пути. Однако, этого еще далеко не достаточно для оправдания всех этих отклонений. Попробуем разобраться в них.

Пока не наступили эти предпосылки, мы оказались вынуждены работать в условиях, когда незрелость экономического развития создает и поддерживает, во-первых, чрезвычайное дифференцирование, разнообразие и специализацию отдельных функций государственного управления, а следовательно, и необходимость выделения особого кадра людей, специализировавшихся на управлении. Та же экономическая не-

зрелость страны создает другое: она создает в чрезвычайно чувствительных формах разницу между умственным и физическим трудом, сравнительно незначительное количество (в относительных цифрах) последних, т.-е. тот источник, который, как мы видели, является последним источником общественного неравенства даже в социалистическом обществе, и который исчезает равным образом также только последним, т.-е. после того, как уже исчезли все другие источники этого неравенства. В условиях не то что поголовной грамотности, а скорее поголовной безграмотности населения, в каких мы находимся отчасти и сейчас, этот источник дает себя знать слишком сильно и не менее сильно дают себя знать и все вытекающие из этого последствия.

Недостаток затем не только культурного, а ч и с т о - т е х н и ч е с к о г о с п е ц и а л ь н о г о о б р а з о в а н и я создает еще одну препону для построения нового общества по заветам Владимира Ильича, неизбежно усиливает начало иерархической подчиненности между низшими и высшими служащими. Ч р е з в ы ч а й н о у д о р о ж а я т р у д к в а л и ф и ц и р о в а н н ы х п р е д с т а в и т е л е й, он, в свою очередь, препятствует проведению основной гарантии, уничтожающей возможность возрождения всякой бюрократии,—равенства заработной платы чиновников соответственно средней заработной плате рабочих,—порождая и культивируя, наоборот, н е р а в е н с т в о.

Таковы проклятые условия, в которых мы живем. Условия нэп'а увеличивают не только рост общественного неравенства, но и неравенство в общественных потребностях среди отдельных слоев населения. Необходимость для Советской власти и рабочих масс обращаться в поисках за руководством отдельных отраслей государственного управления и национализированного производства к п р е д с т а в и т е л я м п р е ж н е й б у р ж у а з и и и л и е е п р е ж н е г о г о с у д а р с т в е н н о г о а п п а р а т а, к т а к - н а з ы в а е м ы м «с п е ц а м», опять-таки усиливает их влияние и на пролетарских руководителей нового государства, и на механику ее управления, и даже на ее «политику».

Е с л и ж е д о б а в и т ь к э т о м у, ч т о в с е т р и п е р в ы е г о д а с о в е т с к о г о с у щ е с т в о в а н и я п р о л е-

тарской республике пришлось потратить исключительно на внешнюю самооборону, что эта внешняя самооборона потребовала опять-таки, несмотря на весь героизм и самопожертвование трудящихся масс, такой затраты духовных и материальных сил нации и сопровождалось таким колоссальным разрушением ее производительных сил, что для одного восстановления ее потребуются, видимо, годы, то станет совершенно ясно, почему новая государственная система в плоскости государственного управления не только не приблизилась к новым формам, которые проектировал Ленин или Маркс, а, наоборот, стала в целом ряде своих сторон типичным сколком старой государственной машины, при том с теми ее недостатками, от которых уже сама она избавилась в последнюю пору существования царского режима, а именно: чрезвычайно развитым взяточничеством, нэпатизмом и фаворитизмом, сдобренным к тому же классовой ненавистью управляющих и управляемых, недобросовестным отношением со стороны первых и недоверием со стороны вторых. В результате всего волокита, которой отличалось еще московское государство времен царя Алексея Михайловича («Московская волокита»), расцвела до таких неслыханных размеров, в сравнении с которыми волокита царских времен представляется уже не цветочками, а прямо-таки брошенным в сырую землю семечком.

Отрыв государственной машины от народных масс, — вот грозная опасность, которая встала в этих условиях перед советской страной и которую своевременно сигнализировал в своих последних статьях, перед тем, как уйти от работы, вождь пролетарской революции Вл. Ильич.

Такова наша современная и основная «беда». Достаточно ли, однако, это «объяснение» нашей беды, чтобы «оправдать» ее. Ни в коем случае. Многого все же можно было бы избежать.

Мы поставим поэтому теперь последний вопрос: что же мы конкретно должны сейчас делать для улучшения нашей государственной машины, и хотя бы для минималь-

ного приближения ее к исходным пунктам того пути, идя по которому, мы потом дойдем до начала нового государства, начертанного нам Владимиром Ильичом?

На него мы постараемся сейчас ответить. Нет ни малейшего сомнения, что мы не стоим сейчас перед коренной ломкой нашего государственного аппарата в сторону построения его на принципах, начертанных Вл. Ильичем. Для этого нет,—это мы говорим прямо и открыто,—нет объективных предпосылок в настоящий момент.

Но мы безусловно стоим и должны стоять перед реформой нашего госаппарата в сторону уничтожения в нем тех отрицательных черт, которые с такой яркостью выразились в последнее время и которые мы оказались бессильны парализовать за истекшие годы. Эти черты: оторванность от масс, бюрократизм, волокита, чиновничье отношение к делу и колоссальное неравенство в материальном положении рабочего и чиновников между собой.

Прежде всего в этом отношении, оставляя пока в стороне вопросы о методах управления, должно быть окончательно покончено с тем принципом, унаследованным от старого, который опять-таки расцвел в наши дни, в виде чиновничьей иерархии. Сущность чиновничьей системы и заключается в том, что она построена так, что все управление идет из одного центра, «по-бюрократически». С этим недостатком боролся еще 8-й съезд Советов, который признал принципиально недопустимым «главкизм», т.-е. попытку управлять всем из одного центра, и из полчища «центров и главков», как говорили тогда в Советской России, из одного московского центра распределить точно, сколько каждому гражданину, как обитающему на Чукотском носу, так и где-нибудь в предгорьях Кавказа, полагается иметь коробок спичек или аршин мануфактуры. С этой системой должно быть не менее беспощадно покончено и в области государственного управления. Принцип, на котором построена Советская Конститу-

ция, именно принцип добровольного объединения трудящихся масс, и добровольное подчинение автономных коммун единому правящему центру, должен быть проведен последовательно и до конца во всех областях управления без всякого послабления. Бюрократическая машина, как особая машина для управления, оторванная от массы населения, должна быть разбита вдребезги и отнюдь не должна возрождаться снова.

Эта задача, вполне объективная, мыслимая и возможная, должна быть сейчас вновь проведена. С образованием Союза Республик этот принцип автономии мест должен получить еще более отчетливое выражение.

В пределах одной губернии и области система децентрализации также должна быть усилена в том отношении, чтобы управляющие низовые ячейки, сталкивающиеся непосредственно с населением, были поставлены в *условия возможной близости к этому населению*, и было бы устранено такое положение вещей, при котором они являются властями, *оторванными от местного населения. Надо уничтожить самую возможность для них быть «начальством» для населения*, хотя бы в виде местного податного или фининспектора и т. д.

Наши слова в первую голову должны относиться, конечно, к тем низовым ячейкам власти, которые имеют непосредственное соприкосновение с пролетарской средой. Здесь уже можно, считаясь с ростом политической сознательности рабочих на 7-й год пролетарской революции, можно полностью развить эту систему. Иначе обстоит дело с ячейками в крестьянской среде. Безусловно необходимо здесь поставить эти низовые ячейки, и не только низовые, а и уездные и губернские, так, чтобы ни в одной из них пришедший за справкой крестьянин не чувствовал, что перед ним «начальство». Едва ли, однако, здесь можно установить *полную зависимость данных ячеек именно от данного населения*. Классовые противоречия города и деревни еще далеко не изжиты целиком, поэтому проведение в полной мере этого принципа должно сопровождаться реальной оценкой объективной политической обстановки данной местности и удельного веса в ней про-

мышленного пролетариата. Но бюрократические навыки и повадки должны быть изжиты целиком.

Также ребром должен быть, по меньшей мере, поставлен вопрос об унификации заработной платы и упразднения экономического и материального неравенства отдельных категорий чиновников государственного управления в Советской России, резко приблизив его к среднему уровню зарплаты рабочего. Если в настоящее время для тарифной сетки нормальной пропорцией является не **1** к **17**, а фактически **1** к **8**, эта пропорция должна быть доведена до **1** к **5** или даже **1** к **2** и последовательно проведена во всех областях в смысле приравнения ее к среднему уровню заработной платы квалифицированного рабочего, скажем, металлиста. Это также должно быть сделано без опасения, что от этого пострадают интересы командной верхушки бюрократических верхов. Этого нечего бояться. Им уже некуда деваться в Советской России. Советская Россия уже для них является единственным источником существования, и поэтому она, Советская Россия, может уже им диктовать свои условия, а не на оборот. С момента же признания Советской России западно-европейскими государствами рынок интеллигентского труда чрезвычайно расширяется, конкуренция сделает свое дело, и диктатором на этом рынке опять-таки должна явиться Советская власть. Мы категорически настаиваем на проведении этой второй меры, и уж безусловно должно быть исправлено то положение вещей, когда, как мы видим сейчас, одна только группа советских служащих по отдельным наркоматам дает такую картину, при которой двое чиновников одного и того же разряда и одной и той же категории и в близких друг-другу комиссариатах получают по одной и той же должности ставки, различные друг от друга в отношении **1** к **3** или даже **1** к **4**. Но если нельзя еще по целому ряду условий немедленно провести полную демократизацию управления, то одно-то можно и должно сделать во всяком случае. Положение вещей, при котором, например, машинистка какого-нибудь органа, состоящего на хозрасчете, например, Хлебопродукта, получает столько же, сколько губернский прокурор, должно быть немедленно изжито.

Дух единоличного управления при помощи бюрократической машины, путем приказания и безусловного исполнения должен быть изгнан полностью, ибо этот мертвящий дух бюрократической системы, как показал опыт последних лет, не отвечает уже ни уровню выросшей сознательности широких народных масс и не может справиться с грандиозностью тех политических исторических заданий, которые поставлены сейчас мировой историей перед Советской Россией, и которых она не в силах будет сейчас разрешить (при отсутствии Владимира Ильича) иным путем, как только путем теснейшей связи с рабочими массами и их коллективной самодеятельностью. В качестве руководящей идеи практической политики при построении наших советских организаций должна послужить идея, вложенная Вл. Ильичем в последнюю его реформу, которую он произвел, в реформу Рабкрина, в виде соединения советского и партийного аппарата, т.-е. такого пропитания советских учреждений пролетарским авангардом, при котором бы сделалось невозможным объективное извращение их сущности и обволакивание их со стороны этой машины самого авангарда, как такового. Теснейшая связь руководящего партийного авангарда, занимающего узловые пункты советской машины, с тем основным источником новых сил, который является единственным источником вообще, с широкой пролетарской массой, сугубый путем постоянного и непосредственного общения с ней, и неусыпный контроль со стороны партии над этим авангардом,—такова должна быть директива, которая сейчас должна быть последовательно и повсеместно воплощена в жизнь, чтобы парализовать все уже теперь достаточно сказавшиеся грозные опасности отрыва как государственного аппарата от партии, так и государственного аппарата от масс.

Есть, наконец, еще один способ борьбы с бюрократическими извращениями, который до сих пор не только не был нами использован, но которого мы даже не представляли себе. А между тем, он имеет, как это мы сейчас

покажем, не только чисто-техническое, но и принципиальное значение для нас в построении нашего Советского государства. И этот способ, как всегда, нам указал в последнюю минуту перед тем, как уйти, Владимир Ильич. Это вопрос о нашей технике и методах нашего управления.

В чем основная беда действующей системы государственного управления? В ее методах, т.-е. в той ее постоянной технике, при помощи которой исполняются или проводятся в жизнь руководящие и отдельные, общие и частичные распоряжения командных верхов. В этой области мы, как писал Владимир Ильич, ничего не сумели противопоставить старому порядку и целиком восприняли все прежние методы.

«Русский человек,—пишет Вл. Ильич в своей второй статье о Рабкрине,—отводил душу от постылой чиновничьей действительности дома за необычайно смелыми теоретическими построениями, они приобретали у нас необыкновенно односторонний характер. У нас уживались рядом теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе». И дальше: «Какая-нибудь величайшая всемирная земельная революция вырабатывалась с неслыханной в иных государствах смелостью, а рядом нехватало фантазии на какую-нибудь десятистепенную канцелярскую реформу; нехватало фантазии или нехватало терпения применить к этой реформе те же общие положения, которые давали такие «блестящие» результаты, будучи применяемы к вопросам общим».

Вл. Ильич, как никогда, здесь прав. Рабская покорность старым методам управления, полное пассование перед канцелярской рутиной, — вот что отличает нас в области государственного строительства. Беда, однако, не только в господстве рутины. Благодаря развитому механизму капиталистического производства, благодаря выучке капитализма, весь процесс не только производства, но и государственного управления в развитом капиталистическом строе доходит, как мы видели, до такой механизации и машинизации, что сводит все функции по производству и управлению «к простейшим действиям

записи и регистрации, доступным всякому грамотному рабочему, знающему 4 правила арифметики». В этом—основа нового общества, и в этом—гарантия возможности порядка, при котором управляют все, благодаря чему одновременно не управляет никто. Это, конечно, идеал, к которому мы придем, но мы не имеем права о нем ни на минуту забывать.

Другие страны, западно-европейские страны, ушедшие далеко вперед по сравнению с нами в технике производства, а следовательно, и в технике управления, уже теперь имеют установленными, изученными и примененными те методы техники производства и управления—так-называемые принципы научной организации труда и управления, которых мы еще не имеем и не знаем, а то подчас и знать не хотим.

Вот почему наша техника производства и управления так необычайно громоздка, неуклюжа, грузна, мало продуктивна и безнадежно, до отвращения безнадежно бюрократична и дорога. Взять все, что можно в этой области сейчас от Западной Европы,—вот какой лозунг выдвинул поэтому здесь для этой области Вл. Ильич, в момент, когда никто об этом не думал. Этот лозунг прежде всего диктуется теми соображениями принципиального характера, которые мы только-что изложили, и нашими общими воззрениями на государство вообще, а пролетарского в особенности. Он диктует сверх того,—прямыми потребностями дня добиться во что бы то ни стало: а) упрощения государственного механизма, б) его большей продуктивности в работе, в) его большей дешевизны и, наконец, соображениями политическими, — приближения управления к населению.

Упрощение системы управления путем введения технически совершенных методов, изгоняющих целиком канцелярскую рутину и бюрократизм, сводящий управление к ряду простейших технических приемов и позволяющий достигнуть максимума сбережения как материальных, так и духовных средств,—в условиях нэп'а это есть единственный путь, который сможет не только парализовать средостение между властью и народной массой, которое естественно образует-

ся, как результат объективных тенденций обстановки, в которой приходится работать, но это есть путь, который служит в то же время могучим средством для поднятия общего культурного уровня масс и предоставления им возможности **самим** приобщиться к управлению.

Введение Нот (т.-е. научных приемов техники труда и управления), упростив и удешевив госаппарат, приблизит его тем самым к населению,—это во-первых. Увеличит продуктивность его работ, этим ослабит зависимость населения от аппарата,—это во-вторых. Сведенная к простейшим действиям, эта техника управления тем самым станет более доступной для более широких масс,—это в-третьих. И, наконец, введение нот не позволит чиновничеству, как особому кадру лиц, находящемуся в объективно одинаковых экономических условиях, **замкнуться в особую группу, особый слой и противопоставить себя населению как «начальство»**,—это в-четвертых.

Вместе с тем, оно даст возможность каждую сбереженную копейку, каждое сбереженное усилие, сбереженную материальную или духовную единицу обратить на рост и развитие нашей крупной индустрии, на преодоление мелкобуржуазного окружения, среди которого мы живем, на подъем нашей материальной культуры, т.-е. на преодоление тех препятствий, о которые споткнулась наша революция в своем поступательном развитии, из-за которого мы были вынуждены, как это мы видели, отступить так далеко назад.

«Вот как я понимаю,—писал по этому поводу Владимир Ильич в своих статьях о Рабкрине,—реформу нашего Рабкрина, и как я ее связываю с общим нашим внутренним положением». А для этого он требовал одного.

«Нам надо во что бы то ни стало,—пишет Ленин,—поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата, во-первых, учиться, во-вторых, учиться и в-третьих, учиться и затем проверять то, чтобы наука не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в основной элемент, была вполне и настоящим образом усвоена».

Учиться у Западной Европы **мелочной технике государственного правления, построенного на началах действительно научной организации труда и управления, изгнать косность старых методов и старой системы и не бояться учебы,**— вот что предлагает Вл. Ильич.

Создать государственный аппарат: а) дешевый, б) доступный для населения, и для этого построить его на основе научных принципов научной организации труда и управления, взяв их пока-что из Западной Европы, как единственного источника развитой крупнопромышленной культуры и техники,—таков был последний конкретный завет Владимира Ильича в этой области. Этим практическим призывом мы закончим наши беседы. Подведем итоги.

Мы начали свои беседы попыткой анализа понятия, что такое право вообще, и что такое государство в частности. Мы определили право, как отражение в писанной и неписанной форме общественных отношений, охраняемых принудительной силой господствующего класса и направленных на защиту и обеспечение его классовых интересов. С этой точки зрения государство мы определили как систему учреждений, являющихся в общем и целом аппаратом принуждения и насилия, при помощи коих господствующий класс охраняет свое политическое и экономическое господство и держит в повиновении остальные, ведущие с ним борьбу классы населения. Это определение мы вывели как из анализа истории возникновения государства, так и из рассмотрения главнейших этапов в развитии государственных форм от их возникновения и до последних дней. При этом мы видели, что формы, при помощи которых устанавливалось господство того или иного общественного класса, были иной раз чрезвычайно различны, что, однако, не мешало тому, чтобы на деле существо государства всегда оставалось одним. В частности мы пришли к выводу, что господствующая в настоящее время государственная форма Западной Европы, в виде буржуазной парламентарной республики, на деле является не чем иным, как

политической формой, под которой скрывается не что иное, как откровенное господство буржуазии, управляющей государством, при помощи насильственных орудий принуждения—армии, полиции, тюрем, судов, церкви, университетов и пр., при чем реально власть принадлежит незначительной кучке промышленных и финансовых воротил, для которых парламентская форма и республиканские конституции являются только прикрытием, помогающим им продолжать держать в ослеплении и эксплоатировать широчайшие массы трудящихся. Мы видели даже, что основной силой, которая не за страх, а за совесть помогает им сейчас в этом деле, являются нынешние рабочие партии социалистов-предателей, продолжающих всеми мерами, вплоть до пуль, удерживать рабочих от революционной борьбы против буржуазии и буржуазного государства и, как говорит Каутский, «продающих свою политическую силу буржуазному правительству».

Мы пришли затем к выводу, что этому положению может быть положен конец только пролетарской революцией, направленной одновременно против буржуазии, против буржуазного государства и против социал-соглашательских партий. Только в этом случае борьба рабочих может увенчаться успехом, при чем логика вещей с неумолимой объективностью приводит рабочих к неизбежности поставить вопрос о борьбе вне парламента, на улице, в порядке вооруженного восстания, всеобщей стачки и иных активных форм борьбы, вне которых немыслимо свержение буржуазного господства и установление нового порядка вещей.

Таковы объективные выводы, к которым мы пришли на основе изучения прошлой истории буржуазных государств.

История Советского государства за истекшие шесть лет дала нам одновременно ряд других выводов.

Опыт пролетарской революции в России показал, что новое пролетарское государство могло создаться только путем ожесточенной борьбы с классовыми врагами. Условием, обеспечившим победу рабочих, было, с одной стороны, проведение политики диктатуры по отношению ко всем остальным классам, а с другой—политики реального заинтересовывания широчайших масс крестьянства в успехе

пролетарской революции. При наличности этих двух условий пролетарская революция оказалась непобедимой.

В своем внутреннем государственном строительстве одновременно она строилась на двух принципах: предоставления широчайшей местной автономии, во-первых, и широчайшей национальной свободы, во-вторых. Одновременно система государственного управления была построена не на системе бюрократического подчинения, но, наоборот, на принципиальном отрицании механического подавления самодеятельности масс и добровольном объединении усилий трудящихся к одной цели, как на единственном звене, связавшем воедино отдельные Советы или объединения Советов. В период максимального напряжения сил в борьбе с классовыми противниками, этот принцип в начале 18-го года нашел свое наибольшее выражение.

В области построения формы центрального управления пролетарская революция выдвинула, как единственно соответствующий задачам момента, принцип единства власти исполнительной и законодательной и принцип полного отрицания старого парламентаризма в его прежней форме.

Этими принципами, явившимися результатом стихийного творчества народных масс, однако, далеко не исчерпывается все богатейшее историческое и принципиальное содержание опыта российской пролетарской революции. Русская революция дала не только практику революционного движения, она подарила миру величайшего теоретика, в виде товарища Ленина, и при его помощи приоткрыла завесу будущего.

Экономика нашей страны сделала то, что на практике в России оказалось объективно невозможным построение нового общества на началах, которые логически вытекали как дальнейший этап и как выводы из факта победоносного захвата и дальнейшего укрепления власти пролетариата. Эта экономика создала объективно неизбежную для Советской России ублюдочную форму переходного порядка экономического бытия, переходного порядка от капитализма к коммунизму, в виде нэп'а. Она не поколебала, однако, ни в малой мере правильности ленинского прогноза строения государства будущего.

Полное упразднение за ненужностью, по мере минования острых форм гражданской войны, всех внешних средств угнетения и подавления, в виде армии, полиции, судов и т. д., уничтожение всякой чиновничьей иерархии путем не только предоставления максимальной автономии местным советам и национальным областям, но и путем принципиального построения системы государственного управления, на основе равной для всех, в среднем, заработной платы, уровня среднего рабочего, вместе с проведением по мере подъема промышленной техники и культурного уровня такой системы управления, при которой оно, сводясь по существу к элементарно простым действиям проверки и учета, тем самым становилось бы доступным для возможно большего количества людей, исполняющих эти обязанности по управлению, по привычке, по очереди,— этот идеал дальнейшего развития государства и общества остался завещанным русской революцией и Лениным для нас на ближайшие годы.

Конечный этап, равносильный полному упразднению государства, согласно тому же прогнозу, должен наступить с момента такого подъема умственного уровня и материальной техники, при котором исчезает последний источник неравенства физического и умственного труда, и вместе с тем общий подъем и рост материального богатства и производительных сил дает возможность перейти к системе распределения от принципа—каждому поровну, к принципу—каждому по его потребностям.

Этот идеал дан нам Владимиром Ильичем.

Практически нашим последним итогом должно явиться стремление к такой реформе нашего государственного аппарата, которая могла бы содействовать скорейшему приближению к этому идеалу. Два средства в этом отношении завещаны нам Владимиром Ильичем.

Это, во-первых, возможно тесное слияние нашего госаппарата с рабочими массами и его передовым авангардом—коммунистической партией и, во-вторых, упрощение и удешевление госаппарата при помощи НОТ. Усвоение обоих этих принципов должен поставить своей задачей каждый сознательный работник нового общества.

СОДЕРЖАНИЕ.
